

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XLV

ИИМК (3)

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XLV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1952

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*

Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибиков, Б. Н. Граков,

С. В. Киселев, А. Л. Монгайт

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ АН СССР
И ПЛЕНУМ ИИМК АН СССР, ПОСВЯЩЕННЫЕ ИТОГАМ
ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЗА 1950 ГОД¹

1. ДОКЛАДЫ НА СЕССИИ И ПЛЕНУМЕ

Т. С. ПАССЕК

**ИТОГИ РАБОТ ТРИПОЛЬСКОЙ (ДНЕСТРОВСКОЙ)
ЭКСПЕДИЦИИ**

В 1950 г. проведен четвертый сезон работ Трипольской экспедиции ИИМК АН СССР на правом берегу Днестра в Черновицкой области Украинской ССР и в Молдавской ССР².

Разведки предшествующих лет были продолжены от с. Перебыковцы Заставнянского района вниз по течению Днестра в Хотинском, Кельменецком и Сокирянском районах Черновицкой области до с. Мерешовка Атакского района Молдавской ССР³. Обследовано 72 памятника различного времени, в том числе энеолитические, трипольские поселения, стоянки эпохи бронзы, скифские селища и городища, поселения эпохи «полей погребений», памятники славянского времени.

В результате широко проведенного в течение последних лет археологического изучения района, основные раскопки было решено начать на трипольском поселении у с. Поливанов-Яр.

В 1949 г. здесь было раскопано большое глинобитное, типичное для Триполья наземное жилище с исключительно богатым и разнообразным инвентарем. Наиболее же интересными оказались сделанные тогда наблюдения над землянками трипольского времени и над стратиграфией поселения, причем удалось установить наличие многослойных культурных залегающих на некоторых участках.

Однако раскопки 1949 г. не затронули этих участков, и работы, связанные с изучением землянок и выяснением вопросов стратиграфии поселения, были отложены до будущего сезона.

Таким образом, раскопочные участки в 1950 г. были заложены в тех пунктах на поселении, где сделаны наблюдения стратиграфического порядка, а именно⁴:

¹ Часть докладов напечатана в КСИИМК, вып. XLIV, 1952.

² Т. С. Пассек. Археологические разведки в Молдавии. КСИИМК, вып. XXVI, 1949; она же. Трипольские поселения на Днестре. КСИИМК, вып. XXXII, 1950; она же. Трипольское поселение Поливанов-Яр. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951.

³ В 1950 г. Трипольская (Днестровская) археологическая экспедиция была организована ИИМК АН СССР. В работах экспедиции принял участие Львовский филиал Института археологии АН УССР. Состав экспедиции: начальник экспедиции Т. С. Пассек; руководители отрядов А. И. Мелюкова, Е. К. Черныш; научные сотрудники В. П. Кравец, Е. С. Малышко; чертежник Л. И. Крушельницкая; киногруппа: М. Г. Рощаль и А. М. Казнин.

⁴ Всего в 1950 г. вскрыта площадь до 400 м².

1) у северной стенки раскопа III 1949 г., где были обнаружены рядом с наземным глинобитным жилищем остатки землянок трипольского времени;

2) на участке в раскопе V 1949 г., где под насыпью скифского вала хорошо сохранились двуслойные остатки трипольской землянки и наземного жилища.

В раскопе III, на площади Западного участка, между линиями К и Д¹, начиная с глубины 0,6 м, в черноземном слое на значительном пространстве обнаружилась в неповрежденном состоянии глиняная плитчатая обмазка пола наземного жилища с остатками рухнувшего свода печи. Культурный слой был насыщен находками фрагментов керамики с черной монохромной росписью, кухонной посуды с полосчатым сглаживанием на поверхности, отщепами кремня, костями животных; среди орудий из кремня — скребки, ножевидные пластины, проколки, вкладыши серпов, ретушеры, каменные зернотерки, отбойники, нуклеусы. Из керамических изделий обращают на себя внимание конусик и фрагмент женской статуэтки.

Расчистка глинобитных остатков позволила уточнить характеристику обнаруженного жилища первого культурного горизонта. Оно принадлежит наземным постройкам средних размеров, до 8 м длиной и до 4 м шириной, с одной камерой и печью. В основе этого наземного дома имелся однослойный глинобитный пол из вальковой обмазки с растительной примесью. Из вальковой же обмазки возводился свод небольшой печи, причем эта обмазка сохраняла отпечатки деревянных плах, лозы и прутьев от каркаса свода печи; характерна их сильная ошлакованность. Около печи наблюдалась вымостка из хорошо заглаженной плитчатой обмазки без примеси. Непосредственно на вымостке лежали фрагменты сосудов, среди которых найден небольшой из грубой глиняной массы ковшеобразный сосуд с отверстием для насадки деревянной рукоятки. По форме ковш напоминает льячку, однако следует скорее предположить, что он был своего рода светильником.

Основную группу находок, связанную с этим небольшим наземным жилищем, составляют сосуды с монохромной черной росписью — чаши с прямыми стенками и загнутыми внутрь краями, биноклевидные сосуды, небольшие горшочки с угловатыми плечиками. На некоторых сосудах рисунок нанесен темнокрасной краской, а иногда черные полосы росписи окаймлены красным. Форма сосудов и стиль росписи с рисунком, нанесенным черной и красной краской, а также система распадающихся спиралей должны быть сопоставлены с керамическим комплексом находок из верхнего горизонта Кукутени В, т. е. хронологически могут быть отнесены к первой ступени позднего периода развития Триполья (этап γ / I — периодизации Пассек) и датироваться первой четвертью II тысячелетия до н. э.

По снятии остатков сооружений первого горизонта, на глубине 0,75 м, на фоне коричневатых суглинков, ясно выступило темное пятно, представляющее след залежавших ниже землянок, особенно хорошо еще ранее наблюдаемых в разрезе северной стенки раскопа III (рис. 1). Пятно интенсивно черное, насыщенное культурными остатками; часть обнаруженных землянок (№ 4а и 5) была изучена в 1949 г. При углублении выяснилось, что пятно имеет форму двух слившихся овалов. У краев землянки наблюдалось значительное скопление белых плитчатых известняковых камней, выброшенных из материкового слоя, в котором были выкопаны землянки, и как бы окаймлявших грядой черное пятно, интенсивно насыщенное культурными отбросами. Это позволило с предельной четкостью выявить гра-

¹ Раскоп III (1950 г.) был поделен на два участка (Западный и Восточный). На Западном участке (60 м²) работы велись под наблюдением научного сотрудника В. П. Кравец, на Восточном (84 м²) — под наблюдением Е. С. Малышко.

ницы пятна и тем самым определить формы землянок, вырытых в белом известняке.

Последующее углубление велось в пределах площади землянки. Насыщенность заполнявшего слоя продолжалась до 1,4 м. На этой глубине при расчистке стала попадаться глиняная обмазка на дне землянки второго культурного горизонта. Дальнейшая расчистка установила, что обмазка лежит грудой в виде завала и имеет отпечатки лозы от свода печи. Ниже завала прекрасно сохранилась плитчатая, без всяких примесей обмазка пола. Глинобитное дно землянки прослежено в границах обоих овалов, причем плитчатая вымостка выстилала на одной глубине (1,4 м) оба помещения, как бы соединяя их в одно (рис. 2 — А). Обе замеченные в разрезе ямы (№ 4а и 5) представляли единый, сравнительно большой жилой комплекс с двумя печами. В разрезе северной стенки раскопа III, ниже второго горизонта видна граница дна более древней землянки (третий горизонт).

Таким образом, в раскопе III на поселении Поливанов-Яр, наряду с наземным жилищем обычного для Триполья типа, во втором горизонте обнаружен новый тип трипольского жилища — землянки округлых очертаний, имеющей в плане форму двух соединенных перемычкой овалов, с глинобитным полом и печью. Важно то, что комплекс находок из землянки второго культурного горизонта отличен от находок первого горизонта, связанного с наземным жилищем. Наиболее характерен керамический комплекс, в котором преобладают сосуды с черной и белой, а также с красной и белой росписью, более всего напоминающие керамику из днестровского поселения у Залещиков (этап В/2 — периодизации Пассек). Среди находок значительное число кремневых скребков, ножевидных пластин, много отщепов, нуклеусов, костей животных, фрагментов керамики, изделий из кости. После снятия вальковой (печной) и плитчатой обмазки пола второго горизонта в землянке, по мере углубления, культурный слой, содержащий находки, не прекращался. Сильно золистый, с фрагментами керамики, отщепами кремня, костями животных и т. п. культурный слой продолжался до глубины 1,9 м, где появился еще один сплошной завал желтовато-красной обмазки с примесью половы и отпечатками лозы, образовавшийся от рухнувшего

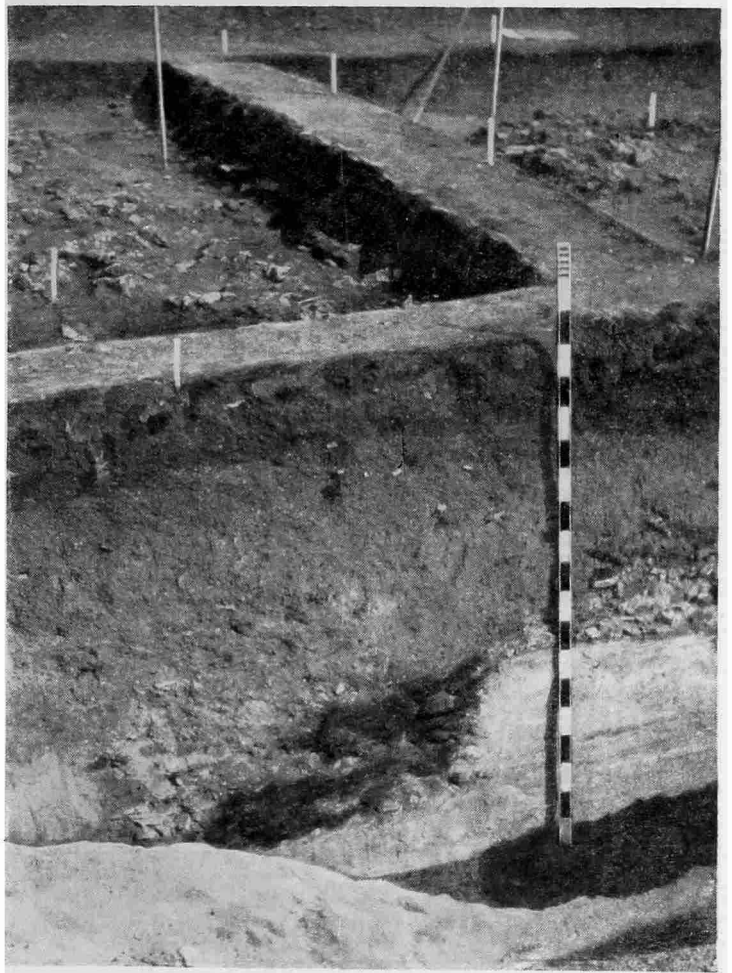

Рис. 1. Поливанов-Яр. Раскоп III, разрез землянки № 4а.

свода печи. Завал с частями печного карниза лежал на плитчатой обмазке пола землянки третьего горизонта.

Любопытно, что площадь вымостки пола жилища третьего горизонта, в землянках № 4а и 5, значительно меньше, чем во втором горизонте. По окончательной зачистке дна землянок № 4а и 5 их границы прекрасно

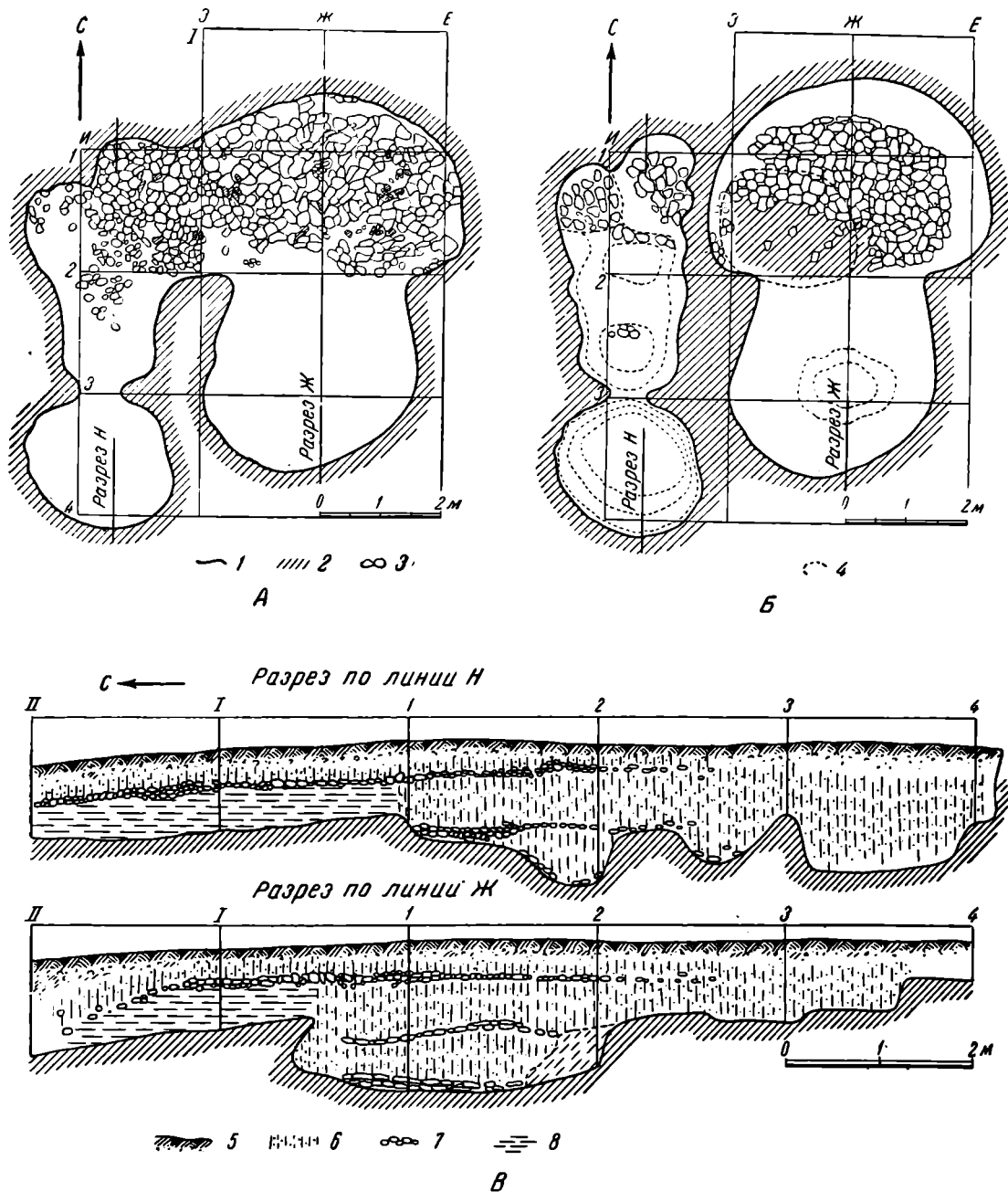

Рис. 2. Поливанов-Яр. Раскоп III.

А — план землянок № 4а и 5 во втором горизонте; Б — план и разрезы тех же землянок в третьем горизонте Е; В — разрез тех же землянок по линии Н и Ж.
 1 — контур землянок; 2 — белый известняк; 3 — глиняная обмазка дна землянок; 4 — углубленные части землянок; 5 — чернозем; 6 — культурный слой; 7 — глиняная обмазка; 8 — коричневатый суглинок.

вырисовывались в белом известняке. Таким образом, в третьем горизонте обнаружено две землянки; каждая состояла из двух овалов, между которыми имелся перехват — более узкая часть. Следовательно, на уровне третьего горизонта обе землянки были самостоятельными жилищами, а на уровне второго — соединялись общей глинобитной вымосткой. Землянки подобной формы хорошо известны среди энеолитических жилищ Средней

Европы, например из раскопок в Винче¹. Жилища аналогичной формы, представляющие собой в плане слившиеся вместе овалы, раскопаны во Владимировке². Видимо, жилища близкого типа характерны и для ранне-трипольского поселения у Луки-Врублевецкой³.

Комплекс находок третьего культурного горизонта (главным образом керамический) отличается от находок лежащего выше второго горизонта. В нем, наряду с керамикой с черной и белой росписью, постоянно встречаются сосуды с трехцветной росписью — красной, черной и белой, — а также с углубленным орнаментом и тонкостенные сосуды с каннелюрами. Весь комплекс керамических изделий третьего горизонта по формам (сосуды на подставках, шлемовидные конические крышки и т. п.) и стилю росписи более всего напоминает керамику из Крутобородинец А, Незвишек, Кукутени А, Извоар II (этап В/1 — периодизации Пассек), для которых характерна такая полихромная роспись.

В итоге работ на раскопе III установлена многослойность поселения Поливанова-Яра, причем наблюдения проведены над тремя горизонтами культурных напластований, восходящими к различным ступеням среднего и позднего периодов развития Триполья.

Все три культурных горизонта лежали в ненарушенном состоянии один под другим — явление, которое в стратиграфии трипольского поселения на территории СССР удастся наблюдать впервые. Стратиграфия наслоений на поселениях с расписной керамикой до сих пор была известна главным образом в Румынии (Извоар, Кукутени), в Венгрии (Эрőd), а также на Днестре около с. Дарабани.

Открытие стратиграфически четких наслоений в Поливановом-Яре дает возможность детально проверить и углубить ранее выдвинутую мною периодизацию трипольских поселений, которая для Поднепровья лишь намечалась.

Полученные стратиграфические данные позволяют обосновать время существования поселения Поливанов-Яр. Это, по видимому, достаточно длительный период, начиная от первой ступени среднего периода (В/1) и кончая первой ступенью (У/1) позднего периода развития Триполья. В абсолютных датах поселение Поливанов-Яр, как и Кукутени (А и В), должно быть отнесено к периоду — с начала середины III тысячелетия до н. э. и до первой четверти II тысячелетия до н. э., т. е. охватывающему промежуток времени примерно в 750 лет.

В раскопе III на восточном участке⁴ были продолжены наблюдения над стратиграфией поселения, причем данные, полученные в процессе раскопок землянок № 4а и 5, подтвердились полностью, несмотря на то, что на соседнем участке не были прослежены с достаточной четкостью многослойные залегания землянки № 2.

В первом культурном горизонте обнаружены остатки двух наземных жилищ, со слабо сохранившейся обмазкой пола, печи и частью жертвенника.

С этим горизонтом связан многочисленный керамический материал, состоящий преимущественно из фрагментов сосудов с черной монохромной росписью, а также из грубой кухонной посуды.

Во втором горизонте, по мере углубления, наметилось большое пятно землянки № 2, хорошо вырисовывающееся на фоне коричневатого суглинка. Форма черного пятна соответствует плану центральной части большой

¹ М. М. В а с и њ. Преисториска Винча II. Белград, 1936, табл. III, р. 3 и 4; табл. IV, р. 5 и 6.

² Т. С. П а с с е к. Трипольское поселение Владимировка. ВДИ, № 1, 1941.

³ С. Н. Б и б и к о в. Жилища раннеземледельческих поселений в Луке-Врублевецкой на Днестре. КСИИМК, вып. XXXV, 1950.

⁴ Всего на этом участке вскрыта площадь в 84 м².

землянки (до 15 м длины и 6 м ширины) и трем округлым (восточное, северное и западное) ее ответвлениям; в каждом из этих более глубоких помещений была глинобитная печь.

В северной части землянки № 2 обнаружен мощный завал глиняной обмазки большой печи. Обмазка состоит из толстых вальков с отпечатками плах в разных положениях. Под завалом обнаружались фрагменты больших кухонных горшков и сосудов с двухцветной росписью — черной и белой, черной и красной; здесь же найдены ножевидные пластины, скребки, отбойники, каменные зернотерки, значительное скопление угля и золы. Культурный слой интенсивно черный и заметно золистый. Встречены фрагменты вальков с округлыми краями, видимо, обрамлявших возвышение — лежанку около печи. При зачистке дна землянки в северной части под печью найдены искусственно засыпанные землей большие камни, положенные здесь намеренно при постройке¹. Этот прием прослеживается и в местных современных крестьянских печах; при их закладке кладутся камни для лучшего сохранения тепла. Камни засыпаются землей, после чего выкладывается глиняная печь.

В западной части землянки № 2 также обнаружилась значительная по размерам печь; в процессе разборки можно было проследить под печи и части рухнувшего свода. Мощность завала печи в землянке до 60 см. Среди обмазки встречено очень много черепков раздавленной посуды и скопление угля; хорошо виден завал печной обмазки в подпечной яме, причем многие сосуды оказались раздавленными под этим завалом. Повидимому, внутри печи в момент ее разрушения, находилась кухонная посуда. Рядом с печью были сводчатые ниши для посуды, а ниже — подпечное пространство и яма с золистым слоем.

Такое устройство печи, когда под несколько приподнят над полом, а рядом с печью имеются сводчатые ниши для посуды, не раз наблюдалось во Владимировке. Такое же устройство широко применяется в современных украинских печах.

Во втором культурном горизонте, чрезвычайно насыщенном костями животных, углем, костяными изделиями, кремневыми орудиями, преобладает посуда с черной и белой, а также с черной и красной росписью. Кроме того, встречается, но в меньшем числе, посуда с углубленным спиральным орнаментом и с каннелюрами.

Центральная часть большой землянки № 2 не глубокая и почти не имеет глинобитной вымостки. В середине ее обнаружена округлая в плане яма (1,95 × 1,70 см), глубиной до 2,6 м, наполненная черной, сильно золистой землей. Дно ямы уходит глубоко в белый известняковый слой материка. В яме найден кухонный горшок с челюстью крупного быка. В трипольских жилищах неоднократно находили сосуды с костями животных. Около обнаружены разбитые кости, преимущественно быка, мужская статуэтка и охра. В 1949 г. в наземном жилище были найдены скопления костей быка. Возможно, здесь имели место случаи каких-то преднамеренных, может быть ритуальных, захоронений костей быка. Такая же картина — захоронение костей в сосуде — наблюдалась под полом одного из жилищ (№ 25) на Коломийщине 1.

В описанной выше яме в землянке № 2 найден свернутый вдвое листочек меди.

После расчистки вырытая в белом известняке яма, овальная в плане, оказалась несколько необычной формы: стены ее были как бы с «выточенными полочками» и «ступеньками». Пол гладкий; он представляет собою одну плиту плотного известняка. Глубина ямы 2,6 м, размеры ее 1,95 × 1,70 м. У дна она незначительно расширяется за счет небольшого

¹ Целиком эта часть землянки была раскопана в 1951 г

подбоя. Вполне возможно, что такая яма в центральной части большой землянки могла служить для хранения запасов.

Таким образом, рассматривая материалы III раскопа, можно установить, что первый культурный горизонт связан с наземным жилищем и с многочисленным керамическим материалом, состоящим преимущественно из сосудов с монохромной черной росписью и грубой кухонной посуды.

Ниже первого культурного горизонта открыт второй горизонт, который представлен большой землянкой № 2, состоящей из центральной части и трех расположенных вокруг нее ответвлений. Каждое помещение с глинобитной вымосткой пола и печью имеет в плане округлые очертания.

Во втором горизонте преобладает керамика с двухцветной росписью (белой и черной). Яма со «ступеньками», обнаруженная посередине большой землянки № 2, наиболее древняя, она соответствует третьему горизонту, характеризующемуся керамикой с углубленным и каннелированным орнаментом. Из расписных сосудов большинство с трехцветной росписью, типа Кукутени А.

Раскоп V¹ (1950 г.) на Поливановом-Яру оказался не менее интересным. Он заложен севернее и южнее траншеи, проложенной в 1949 г. для исследования скифского вала и рва на поселении. Цель раскопа — вскрыть обнаруженную здесь трипольскую землянку.

По вскрытию всего участка² в раскопе V обнаружены три землянки (№ 11, 12, 13) и остатки двух наземных жилищ.

На глубине 0,4 м были выявлены границы землянки № 11; она состояла из двух овальных ям, соединенных вместе (рис. 3). Любопытно, что здесь повторились формы землянок раскопа III. Одна часть жилища целиком заполнена развалом глинобитной печи, в другой открылось земляное неровное дно. Под печным завалом, прямо на земляном поде (землянка вырыта в суглинке; дно ее доходит до материка — известняка),

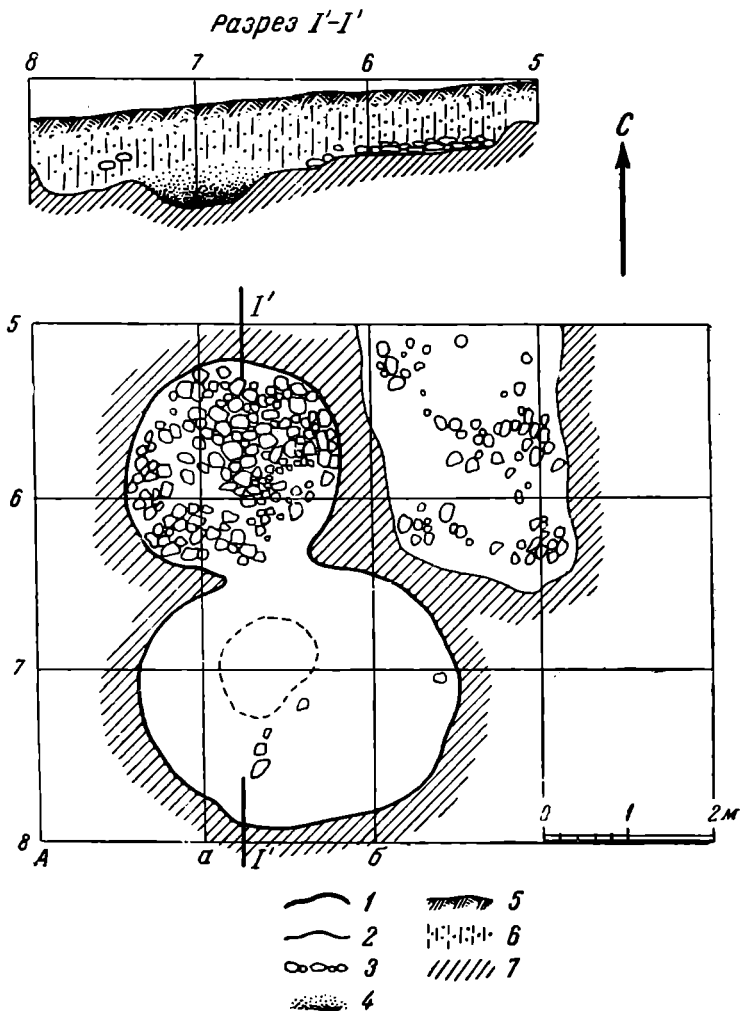

Рис. 3. Поливанов-Яр. Раскоп V, план и разрез землянки № 11.

1 — контур землянки; 2 — контур площадки; 3 — глиняная обмазка; 4 — волистый слой; 5 — чернозем; 6 — культурный слой; 7 — известковый материк.

¹ Наблюдение над раскопками вела Е. К. Черныш.

² На раскопе V вскрыта площадь в 149 м².

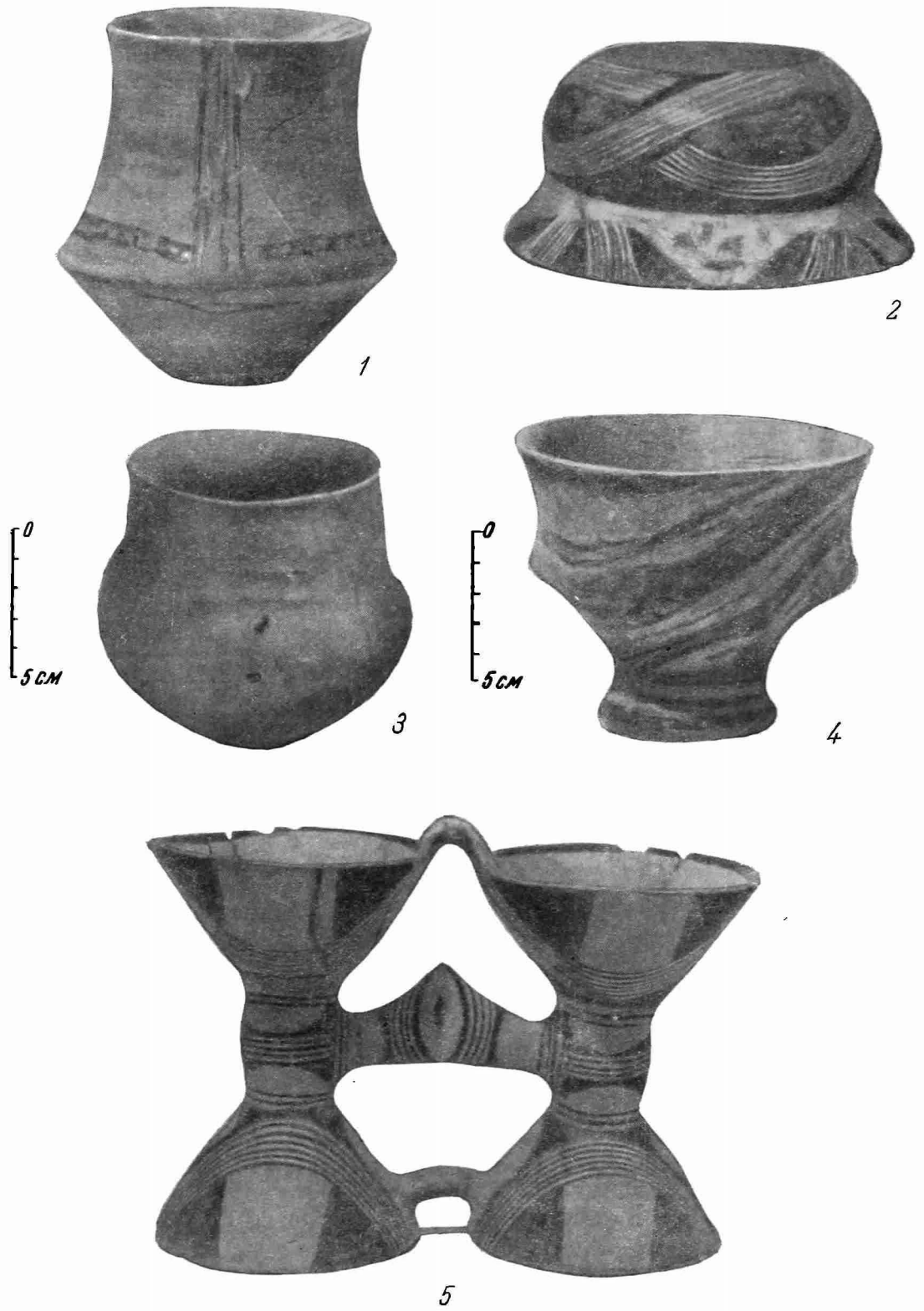

Рис. 4. Поливанов-Яр. Керамика.

1 и 5 — землянка № 11, первый горизонт; 2, 3 — землянка № 2, второй горизонт; 4 — землянка № 13, третий горизонт.

обнаружены два большого размера биноклевидных сосуда с черной росписью (рис. 4—5) и сильно схематизированные статуэтки. Форма сосудов, стиль монохромной черной и темнокрасной росписи позволяют датировать землянку временем, близким к первой ступени позднего периода (γ/1), и сравнивать ее с материалом из верхнего слоя Кукутени В. Среди находок — три глиняных конусика, фигурки животных, женские статуэтки, кремневые отбросы, орудия из кремня и кости. Наиболее интересная находка — гребень с шестью зубьями, сделанный из крупной кости быка (рис. 5). Гребень служил, видимо, для расчесывания шерсти. Аналогичные гребни известны в энеолитических поселениях Подунавья; особенно близки подобные находки из раскопа в Тордоше¹.

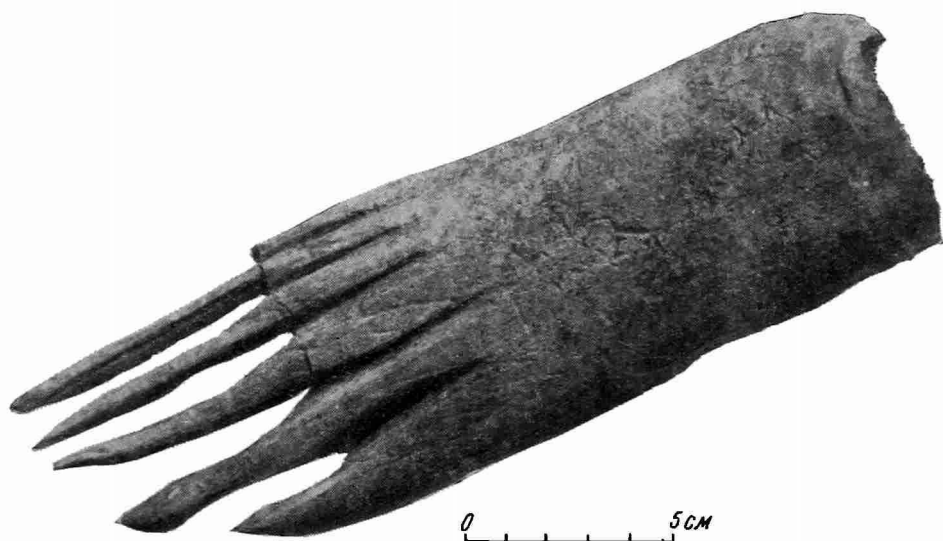

Рис. 5. Поливанов-Яр. Костяной гребень из землянки № 11.

Несколько восточнее землянки № 11, непосредственно под насыпью скифского вала, обнаружено три культурных горизонта трипольского времени с глинобитными остатками: наземного жилища (первый горизонт) и трипольской землянки № 13 (второй и третий горизонты) с кремневой древней мастерской (второй горизонт).

После того как на всем пространстве раскопа была снята насыпь вала скифского времени, на уровне первого культурного горизонта при прохождении V—VI штыков обнаружены остатки сильно разрушенного наземного жилища («площадки») с большим количеством керамики с черной росписью.

Глубже, начиная с VII штыка, замечено черное пятно землянки с исключительно богатым культурным слоем и остатками кремневой мастерской. Толщина слоя второго культурного горизонта до 60 см (0,7—1,3 м). Еще в первый год разведок на месте поселения Поливанов-Яр в исключительно богатом культурном слое были обнаружены кремневые осколки, отщепы, пластины, нуклеусы, отбойники, кремневые заготовки крупных клиновидных топоров и мотыги макролитического облика, много кремневых и сланцевых орудий. При раскопках 1949 г. обнаружены также в наземном жилище следы древней мастерской. Найдено более трех тысяч образцов — отходов производства и около 400 готовых орудий.

На основании этих находок появилась возможность сделать совершенно новые заключения о производстве кремневых и сланцевых орудий,

¹ V. G. Childe. The Dawn of European civilization, fig. 43.

которые изготовлялись здесь же, в жилище или около него. Можно предполагать, что древние обитатели поселения Поливанов-Яр изготовляли орудия не только для своего хозяйства, но и для обмена с соседями¹.

В 1950 г. на уровне второго культурного горизонта в раскопе V, в северной части землянки № 13, обнаружены остатки еще одной древней мастерской. Площадь, занятая отбросами производства, была около 8 м²; на ней собрано свыше пяти тысяч кремневых отщепов, осколков, пластин и более мелких чешуек (700). Найдено свыше 30 крупных желваков кремня, с естественной коркой и с 2—3 отколами, принесенных в виде запасов на место изготовления орудий. Здесь же, и вообще в землянке № 13, встречены нуклеусы, заготовки крупных топоров, клиньев, скребков и много кремневых и сланцевых орудий. Кремень серый, беловато-серый, реже — орудия изготовлены из темного кремня.

В землянке № 13 обнаружены:

1) Желваки грубо отесанные, очень крупные, специально, видимо, принесенные и хранившиеся здесь же на месте изготовления орудий.

2) Крупные осколки, отщепы, пластины (свыше пяти тысяч), массовые отбросы производства.

3) Нуклеусы правильной призматической и конусовидной формы, которые использовались в качестве отбойников.

4) Отбойники шаровидные, некоторые с несколькими рабочими сторонами.

5) Заготовки (макролитического облика) крупных кремневых орудий, видимо топоров, обработанные грубыми сколами, идущими в различных направлениях и придающими орудию лишь первоначальную форму. На некоторых имеются следы шлифовки. Среди заготовок — клинья, четырехгранные в сечении, кремневые долота, сверла, скребки.

Среди кремневых орудий обнаружены (рис. 6):

1) Много концевых скребков на довольно широких и длинных пластинах.

2) Двойные концевые скребки на широких и массивных пластинах.

3) Скребки со скошенным концом.

4) Ножи на длинных и массивных пластинах, с крутой ретушью по краю.

5) Серпы на пластинах, обычно ретушью обработан один край. Употреблялся серп в оправе, как вкладыш. На серпе с двух сторон имеются идущие наискось резкие следы заполированности от работы.

6) Проколки и сверла.

7) Четырехгранные клинья, обработанные с четырех сторон сравнительно некрупными сколами, часто с заполированным лезвием.

8) Наконечники стрел треугольной формы, почти с прямым основанием. Поверхности обработаны ретушью с обеих сторон. Имеются стрелы разных размеров, несколько вытянутых листовидных форм, с прекрасной струйчатой ретушью на обеих поверхностях. За три года работ в Поливановом-Яру собрана коллекция, в составе которой свыше 50 наконечников стрел и дротиков.

9) В землянке № 13 найдено несколько тесел из серых и белых сланцев.

Кроме того, в мастерской и в землянке № 13 обнаружены кремневые ретушеры, гальки для лощения, точильные и шлифовальные камни.

Многочисленность и разнообразие форм трипольских орудий показывают, насколько разносторонне было их применение, а следовательно, сви-

¹ Т. С. П а с с е к. Трипольское поселение Поливанов-Яр. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951.

детельствуют о сложности и развитости всей хозяйственной жизни этих племен.

Комплекс находок в землянке № 13 второго горизонта отличается от залегающего выше — первого.

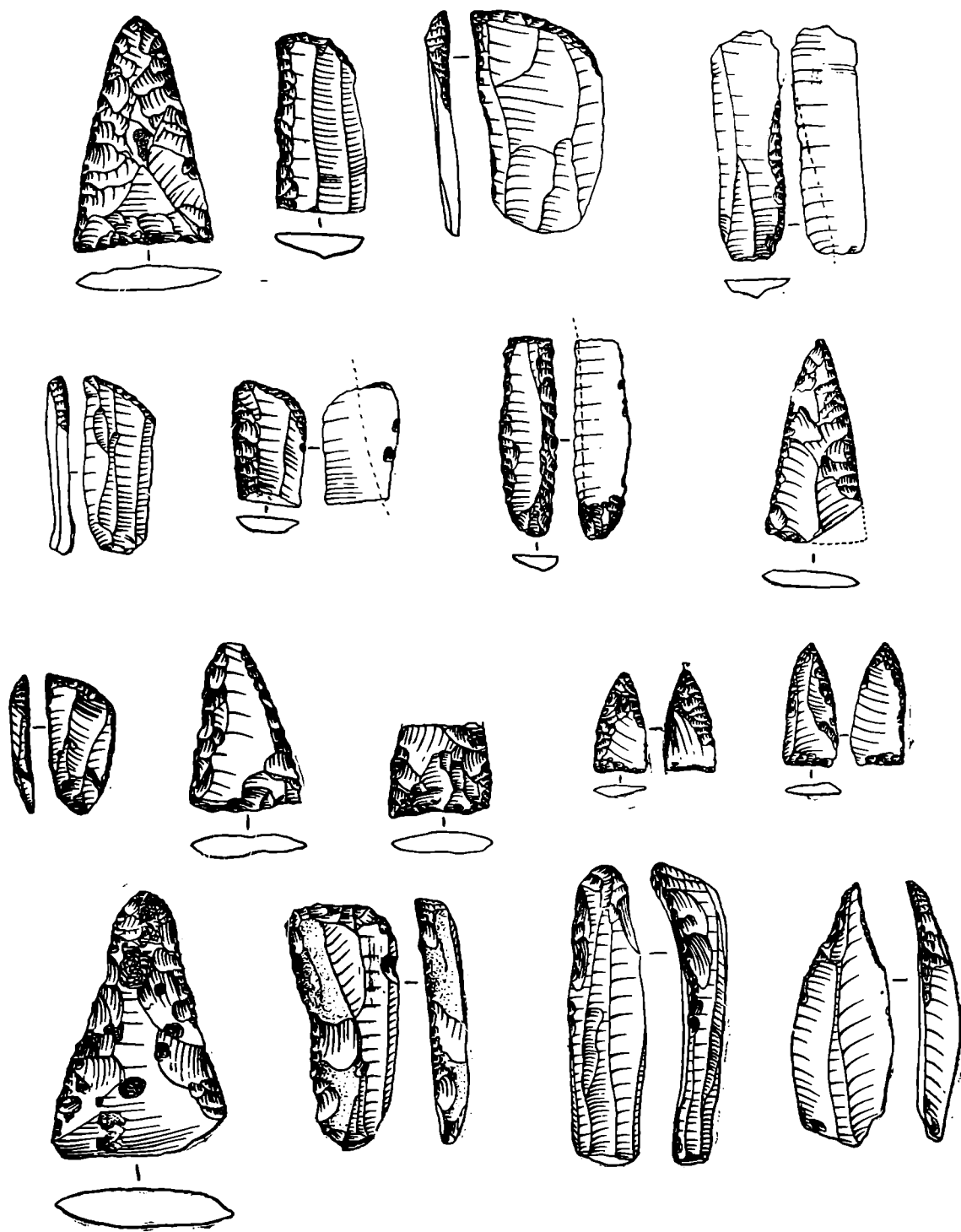

Рис. 6. Поливанов-Яр. Кремневые орудия.

Во втором горизонте среди керамических изделий преобладают сосуды с черной и красной, а также белой и черной росписью.

На уровне второго горизонта (VIII—X штыки) была произведена разборка культурного слоя в пределах землянки, представлявшей собой сильно вытянутый овал (до 18 м длиной при ширине до 4 м), несколько сужавшейся ко дну. Стенки землянки были выкопаны слегка наклонно.

На глубине X штыка произведена расчистка хорошо обожженного глиняного пола землянки. Как выяснилось после снятия его, культурный слой продолжался и глубже, причем оказался снова исключительно богато насыщенным фрагментами керамики, костями животных, углем, охрой и пр.

Если в первом горизонте преобладала керамика с черной монохромной росписью типа Кукутени В, а во втором — сосуды с черной и красной, реже, черной и белой росписью типа Залещиков, то в третьем горизонте в наибольшем количестве оказались сосуды с углубленным и каннелированным орнаментом, из расписных — сосуды с трехцветной росписью, типа Незвишек или Кукутени А, Извоар II, Эрөзд.

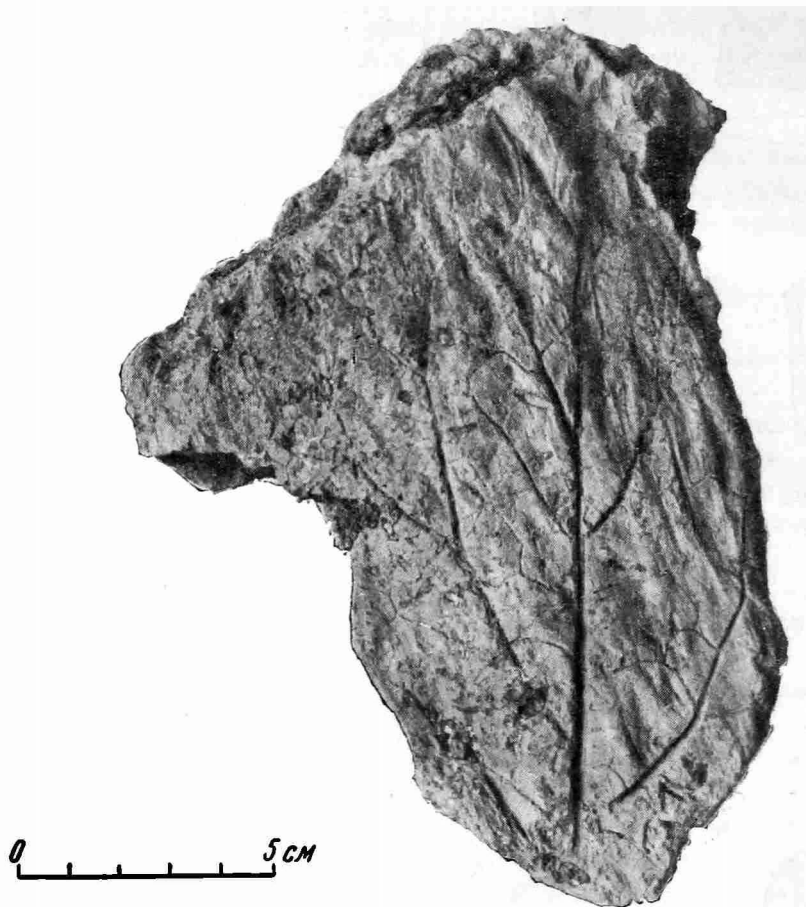

Рис. 7. Поливанов-Яр. Раскоп V, землянка № 13.
Глиняная обмазка с отпечатками листьев лопуха.

Глинобитный пол землянки № 13, лежащий в третьем культурном горизонте, обнаружен на глубине 1,5—1,8 м, причем неровное дно землянки вырыто в материковом слое белого известняка. Глинобитный пол был вымощен не на всем пространстве землянки, а лишь в южной и северной ее частях, где были остатки печей, представлявшие собой груды крупных фрагментов обмазки с отпечатками лозы от свода печи. Обмазка сильно обожжена и заметно ошлакована. Она представляла обычного типа вальки, причем в них, кроме примеси половы, были намощены обломки посуды. Такая примесь вводилась для сохранения большего тепла в печи. Ниже завала свода обнаружен под печи в виде вальковой обмазки, расплющенной до плоских плитообразных с округлыми карнизами вальков. Любопытно, что на оборотной стороне обмазки пода печи прекрасно сохранились отпечатки какого-то растения. По заключению А. Н. Криштофовича, это отпечатки листьев лопуха (рис. 7). Подобные отпечатки лопухов найдены Е. К. Черныш при раскопках в 1950 г. трипольской землян-

ки в Бабино. Видимо, вальки заготавливались и обжигались где-то на стороне, а не на месте постройки жилища, причем во время обжига под них подкладывались листья лопуха. Обожженные вальки использовались как строительный материал для пода печи или, например, лежанки.

В культурном слое на поселении Поливанов-Яр обнаружено много (4725) костей животных. По определению В. И. Бибиковой, среди домашних животных на первом месте стоит бык, затем свинья, собака и лошадь. Из этого перечня становится очевидной большая роль животноводства в хозяйстве Поливанова-Яра. Разводились все обычные для энеолитического периода Европы виды домашних животных, причем основное хозяйственное значение имели бык и свинья. Небольшим числом костей представлена лошадь (шесть костей одной особи), что очень характерно и для других раннеземледельческих памятников. Костные остатки лошади не позволяют точно определить принадлежность ее к домашней породе. Следует отметить сильную разбитость костей копытных животных (быка, свиньи, козы, овцы, оленя и косули).

Наряду с остатками животных домашних видов, составляющими 85% общего числа особей, в коллекции из Поливанова-Яра имеются остатки диких животных (15%). Это — олень благородный, косуля, кабан, медведь, куница лесная, лисица, заяц. Из приведенного процентного соотношения ясно, что в хозяйстве трипольцев охота занимала не малое место. Основными животными, на которых охотились с целью добычи мяса, были олень, косуля и кабан. Из клыков кабана изготавливались также украшения — подвески, из костей других животных — проколки. Для добычи меха охотились на куницу, лисицу и зайца. Рыбный промысел не имел сколько-нибудь заметного хозяйственного значения. Слабо было развито собирательство речных и наземных моллюсков.

Состав фауны, включающий таких типичных представителей лесов, как медведь, лесная куница, олень, свидетельствует о наличии в то время в районе Поливанова-Яра крупных лесных массивов.

Таким образом, помимо мотыжного земледелия, не малое место в хозяйстве трипольцев Поднестровья занимало разведение крупного рогатого скота и отчасти охота. Мотыжное земледелие в виде огородничества, а не полевого земледелия было характерно для периода матриархата. Огороды на близ лежащих участках были принадлежностью домашних хозяйств матриархально-родового общества. Участки обрабатывались сообща, причем главную роль в их обработке играли женщины.

«Было время, время матриархата,— пишет товарищ Сталин,— когда женщины считались хозяевами производства. Чем объяснить это? Тем, что в тогдашнем производстве, в первобытном земледелии, женщины в производстве играли главную роль, они выполняли главные функции, тогда как мужчины бродили по лесам в поисках зверя»¹.

Об общественной обработке огородов матриархально-родовыми общинами подробно говорится у Моргана в его исследовании «Дома и домашняя жизнь американских индейцев». Характер больших жилищ, распространенность женских статуэток и ряд других признаков могут свидетельствовать о господстве у трипольских племен Поднестровья матриархальных отношений. Мотыжное земледелие в форме огородничества было характерно и для других земледельческих племен, находившихся на стадии расцвета материнского рода, до первого крупного общественного разделения труда, т. е. до выделения скотоводческих племен.

В 1950 г. на поселении Поливанов-Яр продолжено изучение вала и рва скифского времени. В связи с этим контрольная раскопная траншея 1949 г. была продолжена на восток еще на 50 м. Установлено, что

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 340.

в скифское время мыс был перегорожен с востока двумя валами — большим и меньшим.

Большой вал был как бы облицован с наружной стороны хорошо обожженной глиной и белым известняковым камнем; перед валом находился широкий (до 3 м вверху) и глубокий конически сужающийся ров (глубина до 3 м), врезающийся в белый известняк.

За ровом обнаружен невысокий второй земляной вал и перед ним небольшой ров.

Оба вала и рва в скифское время составляли значительное укрепление, и мыс Поливанова-Яра служил местом надежной защиты. Видимо, в момент опасности на мыс, защищенный с востока двумя валами и рвами, а с запада, севера и юга глубокими с отвесными стенками оврагами, уходило население окрестных скифских селищ. К сожалению, культурный слой скифского времени в Поливановом-Яру чрезвычайно беден и пока представлен лишь единичными находками фрагментов керамики с наlepным орнаментом, а также двумя глиняными пряслицами, из которых одно украшено резным орнаментом — заштрихованными треугольниками. В 1950 г. была найдена железная булава с тремя бронзовыми шишечками хорошо известного галльштатского типа.

По окончании раскопок в Поливановом-Яру экспедиция произвела раскопки разведывательного характера у с. Мерешовка, Атакского района Молдавской ССР, на одном из поселений, обследованных еще в 1949 г. Поселение расположено на высоком, с крутыми склонами, правом берегу Днестра, около самого села. Оно известно у местного населения как городище, или «Читатуя» — «Замчиско». С западной стороны сохранился сильно оплывший земляной вал. Подъемный материал, а затем и раскопки на городище Мерешовка дали разновременные материалы — керамику трипольского, предскифского, скифского и славянского времени. Видимо, к славянскому периоду должен быть отнесен и земляной вал на городище. Среди трипольского материала преобладает посуда с черной росписью, стиля, характерного для поздне трипольского периода (этап γ/Π — периодизации Пассек), типа, близкого к усатовской расписной керамике. Много найдено сосудов с веревочным орнаментом, так же, как и в Усатове, постоянно сопровождавших расписную поздне трипольскую керамику.

Во время разведок прежних лет экспедицией обнаружено несколько поселений в районе среднего течения Днестра (Солончени, Ожево урочище, «Плита» и др.), датируемых поздне трипольским временем. Открытие в 1950 г. поздне трипольского поселения у с. Мерешовка еще раз указывает, что, вопреки имеющемуся мнению о локализации памятников усатовского типа в степной полосе, на побережье Черного моря, поздне трипольские усатовского типа памятники распространены на широких лесостепных пространствах, на юге и на севере их, в районах распространения земледельческих племен.

Особого внимания заслуживает то, что в Мерешовке на одном участке трипольский культурный слой был разрушен сверху более поздней ямой, заполненной грунтом с большим содержанием золы. В яме обнаружены фрагменты больших сосудов вытянутой формы, изготовленных из черной глиняной массы. Наружная поверхность их покрыта следами «полосчатого сглаживания» и украшена орнаментом в виде наlepных валиков с вдавлениями на них. Вертикальные и горизонтальные валики как бы опоясывают весь сосуд, проходя у края и по плечикам.

Керамику такого типа можно сопоставить с посудой предскифского времени степной полосы Причерноморья.

Культурный слой трипольского периода на Мерешовке насыщен находками, однако здесь нет того исключительного богатства, которое характерно для поселения у Поливанова-Яра. В Мерешовке в культурном слое

найден довольно много костей животных, кремневых отщепов, отбойников, нуклеусов, кремневых и костяных орудий (роговые мотыги), глиняных рыболовных грузил, статуэток, пряслиц и т. п.

Не менее интересные результаты дали в 1950 г. разведывательные работы экспедиции. Наряду со многими вновь обнаруженными трипольскими поселениями, скифскими селищами и городищами, поселениями «эпохи полей погребений» и селищами славянского времени, найдены и стоянки эпохи бронзы¹.

Материал, собранный на стоянках, располагающихся по склонам небольших оврагов (на территориях, несколько удаленных от Днестра), исключительно подъемный и состоит главным образом из керамики и кремня.

Небольшое количество материала не позволяет сделать определенных выводов. Все же на его основе можно высказать некоторые предварительные замечания.

В западных районах Украины, так же как и в Поднепровье, в лесостепной полосе в эпоху ранней бронзы, в середине и конце III тысячелетия до н. э. начинают оформляться скотоводческие племена, у которых наиболее характерной чертой материальной культуры является распространение сосудов в форме шаровидных амфор и посуды с шнуровым или веревочным орнаментом. В Поднепровье и в Волинском Полесье в это время развивается культура мегалитических племен.

Из старых раскопок в северных районах лесостепей известно немало находок, связанных с этими культурами ранней бронзы. В процессе разведок в Черновицкой области до 1950 г. не удавалось найти стоянок подобного типа (т. е. принадлежащих культуре шнуровой керамики и мегалитических). Однако это не означает еще, что на правом берегу Днестра их вообще нет. Отдельные находки с этой территории известны по музейным собраниям Львова и Черновиц.

Открытие в 1950 г. стоянок, которые должны быть отнесены к периоду средней и поздней бронзы, особенно интересно.

Собранные фрагменты сосудов изготовлены из серовато-коричневой глиняной массы со значительной примесью крупнозернистого кварцевого песка, белые частицы которого заметно выступают на поверхностях сосудов. Можно выделить широкие чаши с плоским несколько утолщенным к внутренней стороне краем. Ниже на плечиках вылеплено едва заметное рельефное ребрышко. Имеются также фрагменты высоких сосудов с плоским краем венчика, с вытянутым туловищем. У основания края — углубленные опоясывающие полосы, ниже — ряды заштрихованных треугольников. По всем признакам, характеру глиняной массы, форме, системе орнамента, керамика этих стоянок на территории Черновицкой области относится к так называемой Комаровско-Белопотоцкой группе памятников эпохи бронзы, хорошо известной в Львовской, Станиславской и Тернопольской областях и датируемой вторым и третьим периодом бронзы, между 1700—1200 гг. до н. э.

Группа памятников белопотоцкого и комаровского типов, обнаруженная в западных районах Украины, имеет аналогии в лесостепных районах Волыни, например в материалах таких могильников, как Войцеховка, Народичи, Ворошиловка и др.

Данные разведок 1950 г. Трипольской экспедиции в бассейне Среднего Днестра позволяют наметить южную границу распространения памятников комаровско-белопотоцкой культуры, остававшуюся до сих пор не известной.

¹ Стоянки открыты в восьми пунктах: у с. Бабино (урочище «Овечий ярк»), у с. Оселивка (урочище Лучиська), у с. Вороновица, у с. Нагоряне, около урочища Виноградник, у с. Макаровка, у с. Селище, у с. Шубутинцы, у с. Комарово.

В итоге широко проведенных разведок и постановки раскопок на нескольких поселениях и в результате исследований многослойного поселения Поливанов-Яр Трипольской экспедицией в сравнительно короткий срок накоплен достаточно обширный и хронологически разновременный археологический материал, на основе которого можно будет всесторонне осветить историю земледельческих племен Поднестровья на протяжении всех периодов их развития вплоть до эпохи бронзы.

Археологические материалы Трипольской экспедиции показывают, что в III—II тысячелетиях до н. э. на сравнительно большой, но все же ограниченной территории Поднестровья, Побужья и Поднепровья земледельческие племена создали исключительно яркую и своеобразную культуру. Сложные пути развития земледельческих племен, изученные нами в настоящее время на раннем, среднем и позднем этапах, нельзя правильно понять, не обратив внимания на существовавшие с ранних периодов истории Триполья связи и взаимоотношения трипольских племен с древними культурными областями Прикарпатья, Подунавья, Балкан, а также Восточного Средиземноморья и Малой Азии.

Однако далеко еще не все вопросы разрешены и прежде всего — вопрос о периоде, завершающем развитие трипольских племен, о переходе к эпохе бронзы. Остается невыясненным, какие события привели к упадку некогда существовавшую здесь трипольскую культуру.

Эти проблемы в свете трудов товарища Сталина по вопросам языкознания приобретают особо важное значение и должны быть разработаны на основе выдвинутых им положений.

Исследования земледельческих поселений и стоянок эпохи бронзы, начатые экспедицией в новом районе Поднестровья, дадут еще не мало нового для понимания его древнейшей истории, неразрывно связанной с историей Побужья и Среднего Поднепровья.

С. Н. БИБИКОВ

ИЗ РАБОТ В ЛУКЕ-ВРУБЛЕВЕЦКОЙ

В недавно вышедшей публикации, посвященной древним жилищам поселения Луки-Врублевецкой, подведен краткий итог работам по изучению этих жилищ, проводившимся с 1945 по 1948 г. включительно¹. В настоящей статье приводятся данные о работе на том же поселении в 1950 г.

Жилой комплекс № 5 (раскоп VII). В 10—12 м к западу от жилища № 3, на срезе обнажения, обращенного к Днестру, а также на срезе, размытом водоотводной канавой, периодически замечались разрозненные включения культурных остатков — угольки, обломки керамики и обмазки, отдельные кремни и осколки костей. Уровень залегания находок соответствовал уровню древней дневной поверхности раннетрипольского поселения. Половодье 1949 г., подмывшее береговой срез, обнажило линзу ясно выраженного культурного слоя, а это не оставляло сомнения в том, что и на участке, соседнем с жилищем № 3, в древности размещалось еще одно жилище. Понадобились срочные меры для охраны интенсивно разрушающихся остатков жилища, заключенного в толще отложений берегового уступа. Работа по консервации и частичные раскопки были выполнены постоянным сотрудником Средне-Днестровской экспедиции И. Г. Шовкоплясом, который путем ряда мероприятий (выкладка защитных стенок, забутовка, трамбовка и пр.) сумел оградить памятник от дальнейшего разрушения паводками. В 1950 г. здесь были произведены довольно широкие раскопки² на площади свыше 100 м² при глубине раскопа до 3 м. Раскопками вскрыто жилище № 5. Оно располагается вблизи от длинного жилого углубления (№ 3) и замыкает с запада ряд жилищ, расположенных на краю берегового уступа. Таким образом, местонахождение жилища и разведочные данные, полученные путем шурфовки, позволили уточнить характеристику планировки поселения, размещенного по бровке берегового уступа, с жилищами в один ряд, на высоте 3—4 м над уровнем Днестра.

Стратиграфическое положение жилища не имеет каких-либо существенных отличий от условий, в которых залегали ранее раскопанные. Жилище № 5 расположено в нижнем горизонте желтого суглинка, лежащего на галечнике террасообразного уступа. Жилое углубление перекрывается наносным суглинком и тонким пахотным слоем. Мощность отложений,

¹ С. Н. Биби́ков. Жилища раннеземледельческого поселения в Луке-Врублевецкой на Днестре. КСИИМК, вып. XXXV, 1950.

² В раскопках приняли участие С. Н. Биби́ков (начальник отряда), студенты исторического факультета Ленинградского университета им. А. А. Жданова и палеонтолог В. И. Биби́кова.

перекрывающих культурные остатки, достигает 2 м, а общая толщина заполнения жилого углубления — 3 м. Верхний горизонт суглинка и пахотный слой содержат остатки культуры первых веков нашей эры. Нижележащие слои с находками, относящимися к раннетрипольскому времени, отделены мощным пластом суглинка без археологических находок.

На других пунктах раскопок уже отмечалось присутствие речных отложений в толще культурного слоя, заполняющего жилые углубления. Совершенно аналогичную картину можно отметить и для жилища № 5. Здесь так же, как и в жилом комплексе № 4, очень четко прослеживаются тонкие прослойки намывного песка и суглинка. Очевидно жилище неоднократно во время древних паводков заливалось водой и вскоре вновь заселялось. Можно отметить не менее двух циклов заселения жилища. Это наблюдение находит свое обоснование не только в присутствии тонких аллювиальных прослоек, но и в распределении материала, т. е. в определенном чередовании насыщенных инвентарем горизонтов с обедненными археологическими находками прослойками. Сообразно с этим наблюдения велись по горизонтам. В первый горизонт (верхний) входит толща заполнения жилого углубления. Он выделяется в известной мере условно, так как образованию его способствовал и наплыв культурных остатков с древней дневной поверхности уже после того, как жилище было оставлено. Второй горизонт составляет вымостка пола из ракушек *Unio* и связанные с этим уровнем различные археологические находки. В тех местах, где вымостки из раковин не было, прекрасным показателем, отмечающим уровень пола, служили раковины *Unio* с отверстиями — подвески, встречающиеся целыми группами, как бы связками по 3—8 штук.

Второй горизонт перекрывает наиболее древний уровень жилища — третий горизонт, отмеченный наличием ям с большим количеством находок. Расчленение заполнения жилого углубления имеет значение только для установления периодов заселения между паводками и в какой-то мере устанавливает различия в конструкции пола для второго и третьего горизонтов. Сам же археологический материал однородный и расчленить его по хронологическим признакам невозможно.

Для уяснения планировки жилища главное значение приобретают второй и третий горизонты. Они не выходят за пределы общего контура углубления, которое должно быть рассмотрено в первую очередь.

Жилое углубление с разрушенными южным и восточным краями в плане представляет собой довольно неправильный четырехугольник с закругленными углами. Площадь его — около 65 м², глубина в разных точках пола различна, но не превышает 1,0—1,05 м, считая от уровня древней дневной поверхности. Юго-западная часть углубления ограничивается сильно наклоненной стенкой. В остальных сохранившихся частях жилища стенки более пологи и плавно сливаются с полом. Судя по нивелировочным данным, расположению ям и археологического материала, вход входился с западной стороны, ближе к северо-западному углу.

Для второго горизонта очень характерна, как уже говорилось, вымостка пола раковинами *Unio*, обращенными в подавляющем большинстве выпуклыми сторонами кверху. Вымостка не повсюду прослеживается одинаково хорошо. Наилучшая сохранность ее наблюдалась на восточных участках. Далее к западу она встречается на отдельных участках пола. Там, где раковины образуют плотный покров пола и следуют его рельефу, отмечается почти полное отсутствие находок в толще ракушечника, мощностью в 10—12 см. Замощение пола в жилище № 5 (как и в № 1 и 2) лишний раз подчеркивает конструктивное своеобразие полов жилищ Луки-Врублевецкой.

Иную картину представляет собой третий горизонт (рис. 8). Его отличает крайняя неровность покатога с северо-запада на юго-восток пола —

признак, очень характерный для жилищ культуры линейно-ленточной керамики. В пределах жилого углубления отмечается наличие девяти ям, наибольшая из них (№ 1), занимающая юго-западную часть углубления, имеет дополнительно еще четыре ямы. Как общий признак для всех ям можно отметить неправильность формы, различие в размерах, глубине и оформлении стенок.

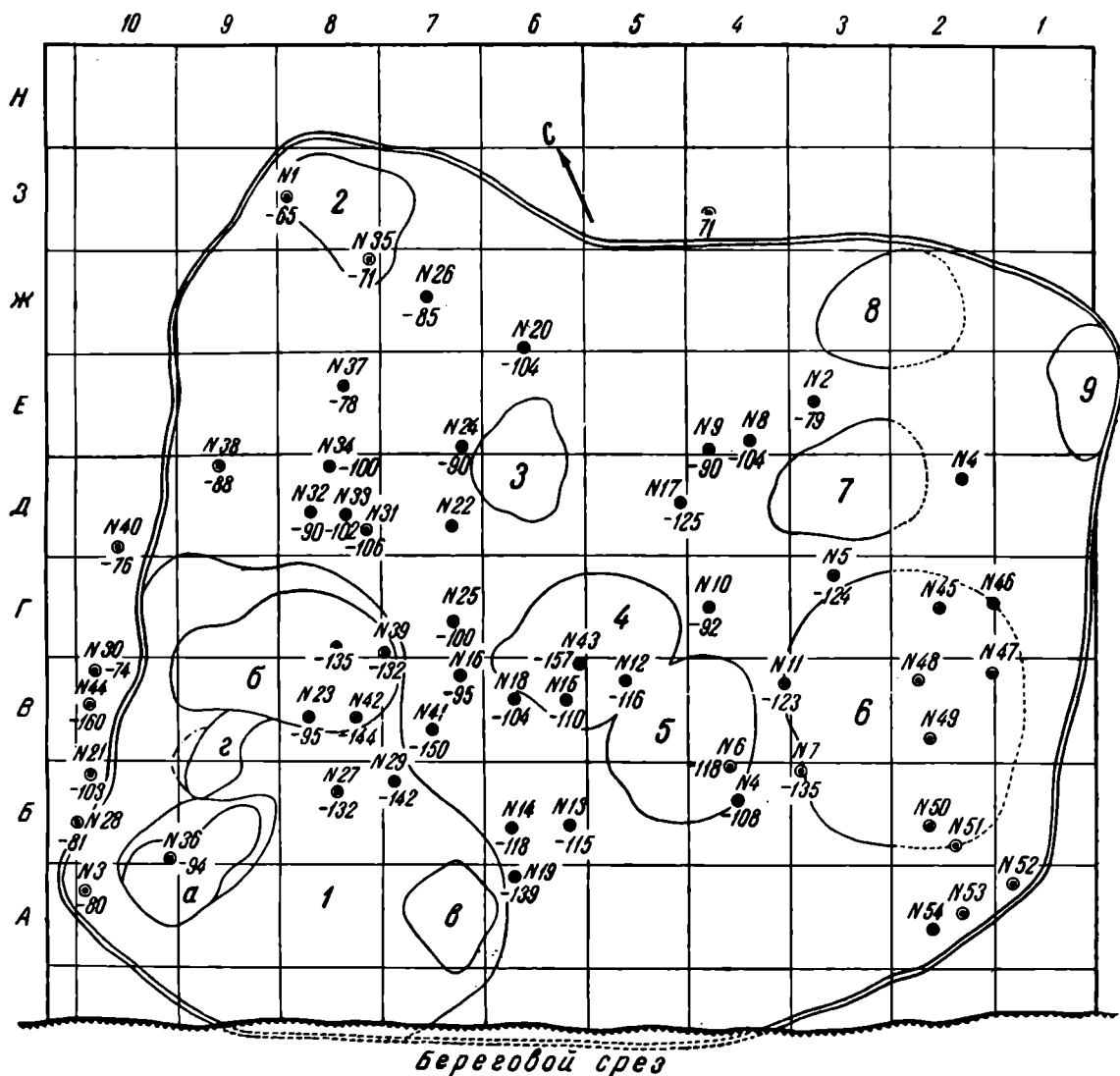

Рис. 8. Лука-Врублевская. План жилища № 5.

I — статуэтка; II — маленький фрагмент статуэтки (?); III — ямы.

Заполнение жилого углубления состоит из очажного слоя с культурными остатками. Особенно многочисленны археологические находки в юго-восточной половине жилья, что обусловлено общим уклоном пола на юго-восток. Кроме того, здесь находились участки, близко соприкасающиеся с очагами и ямами. Заполнение последних состоит в основном из золистых скоплений. Чтобы дать представление о насыщенности заполнения жилого углубления культурными остатками, приведем пример: при расчистке одного квадратного метра собрано 1149 фрагментов керамики, 119 кремней, пять обломков обмазки, обломок сланцевой мотыги, пряслице из черепка, четыре раковины-подвески с пробитыми отверстиями, 358 костей животных и капролит собаки.

В процессе раскопок обнаружено много камней, преимущественно плоских и в меньшем числе округлых, встреченных во всей толще культурных отложений, заполняющих жилище. Особенно много их на центральных участках около очагов. Можно предположить, что такое значительное количество камней в культурном слое явилось следствием обвала кровли, на которой они находились. Крупные плоские камни, возможно, использовались для сидений, наковален и т. п.; мелкие — могли служить подпоркой для сосудов, помещавшихся в очаге или на неровном полу полуземлянки. Из числа обнаруженных камней выделяется группа относительно крупных обломков зернотерок и верхних растиральных камней (восемь зернотерок и три растиральных камня). Так много приспособлений для размала злаков ни в одном жилище Луки-Врублевецкой еще не встречалось.

На уровне раковинного пола полуземлянки обнаружены два очажка, легко определяемых по присутствию глиняной обмазки. Кроме того, в разных частях жилища выделялись нечетко прослеживаемые темные пятна — следы кратковременных очагов.

Примерно в центре жилища расчищен очаг, сохранившийся в виде неправильной формы площадки, обмазанной глиной. В структурном отношении он очень прост. Слой глины толщиной в 5—6 см лежит прямо на выровненной поверхности пола. На очажной площадке встречено несколько крупных фрагментов керамики, в том числе обломок полой кольцевой подставки от сосуда и два больших обломка рога благородного оленя. На южной стороне площадки очага лежал крупный обломок зернотерки. Четыре обломка других зернотерок находились на участках, примыкающих к очагу с севера. Значительно лучшей сохранности оказался очаг в южной половине жилища, частично поврежденный паводком Днестра. По всей сохранившейся части глиняная обмазка лежит плотным хорошо прокаленным растрескавшимся слоем. Размер очага 94×80 см.

Исключительно интересна конструктивная особенность очага, связанная с религиозным воззрением древних земледельцев. В северной части лежал плоский большой камень (40×30 см), частично перекрытый глиняной обмазкой. Камень безусловно связан с очагом и представляет своего рода припечь. Под ним обнаружен специально захороненный череп домашнего быка, без некоторых костей, но с хорошо сохранившимися лобными черепными долями и роговыми стержнями. Помимо большого палеонтологического значения, которое имеет эта находка первого, почти целого черепа домашнего быка раннетрипольского времени, она представляет также и особый археологический интерес, так как помогает воссоздать определенный круг идей культового характера, присущих ранним земледельцам.

Слой вокруг очага оказался насыщенным находками. Здесь найдено несколько роговых стержней со следами употребления, две группы раковин с отверстиями (одна из групп — на очаге), два фрагмента женских статуэток и птицеподобный сосуд.

Исключительно важное значение приобретают и остатки детского захоронения в небольшом углублении пола около второго очага. Здесь оказались плечевые кости, локтевая, две лучевые кости, фрагмент большой берцовой и половины таза. Возраст погребенного ребенка, по определению В. П. Якимова, не больше года. Принадлежность захоронения к жилищу очевидна и подтверждается аналогичными явлениями в других археологических памятниках, а также и этнографическими данными. Идеологическое значение древнейшего обряда погребения в жилище остается пока еще недостаточно разъясненным. Кажется вполне вероятной связь этого обряда с идеей обратимости, сохранением благополучия в доме.

С другой стороны, погребение ребенка в жилище № 5 заставляет вспомнить находки пережженных костей человека, сделанные Хвойко, Штерном, Спициным и др. на глинобитных трипольских площадках.

Следует упомянуть об одной любопытной подробности, связанной с очажным пятном на другом участке (4, Г). При расчистке пола здесь был встречен крупный кусок совершенно обуглившегося дерева, распавшийся на части, но сохранивший очертания древесного сучковатого обрубка. Недалеке от обугленного куска дерева найден крупный, тоже обуглившийся обломок скорлупы лесного ореха. Эта находка дает лишний штрих для характеристики собирательства у ранних трипольцев.

Рассматривая находки, обнаруженные на полу жилища, приходится отметить, что в основной своей части это пищевые и производственные отбросы или фрагменты керамики, в редких случаях крупные обломки. Так же как и в других полуземлянках, в жилище № 5 среди находок преобладают предметы, вышедшие из бытового употребления. Лишь иногда встречаются мелкие вещи, вероятно, случайно оброненные, а затем затоптанные; это главным образом кремневые изделия и украшения.

Сознавая трудность воссоздания действительной картины, объясняющей присутствие в жилище тех или иных предметов, можно все же сделать одно предположение. Паводки Днестра заставляли обитателей жилища на время покидать его, унося с собой все ценное с точки зрения обитателей имущество. Оставались лишь негодный к употреблению инвентарь и предметы, не захваченные в спешке: мелкие изделия — сосудики, кремневые орудия, нашивки на одежду, мелкие костяные предметы и т. п. Не случайно на поверхности пола обнаружены многочисленные группы раковин *Ulio* с пробитыми отверстиями; раковины лежали в том порядке, в котором они находились в низке ожерелья. Раковины моллюсков *Ulio*, являвшихся одним из самых распространенных объектов собирательства, во множестве встречались в жилищах Луки-Врублевцевкой и, конечно, не представляли большого значения как поделочный материал. Изготовление из них подвесок не требовало сколько-нибудь значительного труда. Эти украшения не привлекали к себе внимания в моменты, когда жилье покидалось. Оставаясь, раковины покрывались легким речным наносом и по возвращении обитателей после спада воды затаптывались, сохраняя свое положение в виде связок. Может быть именно потому, что паводки не носили характера стихийных бедствий, мы и не встречаемся с находками более ценных предметов, в том числе и крупных сосудов, которые не оставались в полуземлянке в периоды ее затопления.

Как и в других жилищах Луки-Врублевцевкой, наряду со множеством самых различных бытовых отбросов (керамика, кости) в жилище № 5 встречено значительное количество кремня. В основной своей массе это производственные отходы: различные обломки, осколки, мелкие чешуйки. Здесь же обнаружены и готовые орудия. В общем почти все типы их не представляют собой чего-то нового для кремневых изделий из Луки-Врублевцевкой. Скрепки, сверла, пластинки с ретушью и угловой заполировкой являются основными и вполне устойчивыми формами орудий. Единственным пока экземпляром в наборе кремневого инвентаря остается нож вкладышевого типа. Он представляет собой двухсторонне обработанное изделие, близкое к трипольским по очертанию; одна половина его входила в оправу-рукоятку, другая, составлявшая режущий край, сохранила следы заполировки от употребления. Подобные ножи не типичны для южных энеолитических памятников и напоминают северные неолитические формы, одинаково характерные для Европы и Азии. Такие ножи, сходные с развивавшимися позже специфическими серпами подольского типа, отмечены и среди находок, сделанных Т. С. Пассек в Поливановом-Яру.

Каменный инвентарь, встреченный в жилище № 5, тоже обычен для раннетрипольских поселений. Он состоит из уже знакомых нам по находкам в других жилищах сланцевых «мотыжек» преимущественно трапециевидных очертаний, с небольшой асимметричностью боковых плоскостей. Некоторые из них имеют четкие следы зазубренности по краю рабочей грани. В отличие от других жилищ Луки-Врублевецкой, где находки каменных зернотерок составляли редкое исключение и встречались по 1—2 штуки в жилище, в полуземлянке № 5 обнаружены три почти целые зернотерки и пять сильно фрагментированных. Заготовками для зернотерок служили валуны плотного песчаника, продольно рассеченные на две части. Нижняя поверхность заготовки оставалась выпуклой, видимо, чтобы устанавливать орудие в ямке. На трех экземплярах нижняя плоскость носит отчетливые следы преднамеренной обработки в виде ступенчатых фасеток от энергичных горизонтальных сколов с целью уплощить поверхность. Для округления краев применялось и вертикальное отесывание. Верхняя, собственно рабочая плоскость обычно в большей или меньшей степени вогнута, что является показателем длительности употребления и результатом подготовки ложа зернотерки, приспособления его для более удобного использования. Размеры зернотерок легко определить по величине радиуса кривой вогнутости¹.

Растиральные камни представляют собой валуны с отчетливой заполировкой и уплощенностью на одном или двух участках поверхности. Из трех найденных экземпляров только один небольших размеров (7×6 см при толщине в 4 см) и по форме несколько напоминает пест; два других значительно крупнее (23×20×12 см и 17×15×6 см). Зернотерки и растиральные камни не являются редкостью и хорошо изучены в больших сериях. Зернотерки из Луки-Врублевецкой меньших размеров и несколько примитивней по оформлению в сравнении с происходящими из других памятников Триполья.

Среди роговых изделий обращает на себя внимание мотыжка из рога благородного оленя, прекрасно отделанная у рабочего конца, с отверстием для рукояти.

Костяные изделия производственного назначения состоят главным образом из шильев; некоторые снабжены сквозными отверстиями для нити или ремешка. Одно из них, тоже с отверстием, сделано из пластинки, отделенной от клыка кабана. Остаются пока неразъясненными с точки зрения функционального назначения две кости (фаланги) быка с пробитыми несквозными отверстиями. Подобные кости найдены, например, в пещере Маровица; известны они также по памятникам неолита и энеолита Европы вплоть до Прибалтики. Назначение их остается неясным, и те объяснения, которые пытались для них найти (свистки, игольник, застежки и т. д.), остаются мало обоснованными. Возможно, что их следует рассматривать как игральные принадлежности.

Медных предметов в жилище найдено всего два. Один представляет собой изогнутый прутик, овальный в сечении, другой — пластину, согнутую в виде трубочки. Вероятнее всего, что оба предмета — фрагменты украшений.

Особое внимание вызывает находка детали, безусловно относящейся к сверлильному приспособлению. Она представляет собой ладьевидную сланцевую плитку, хорошо помещающуюся в руке. В центре плитки с одной стороны имеется глубоко просверленное воронкообразное углубление с определенными следами кругового сверления, встречающимися только на верхних упорных приспособлениях ручной дрели; с другой стороны этой

¹ Размеры зернотерок: длина 23, ширина 10, толщина 7 см; 21×14×6 см; 18×14×4 см; 17×14×4 см; 13×13×6 см; 17×14×7 см; 18×18×7 см; 21×16×5 см.

плитки такое же углубление, но не столь глубокое. Может быть, это след вторичного использования плитки, после того как первое углубление было слишком разработано и поэтому не давало нужного производственного эффекта. Находка плитки-упора от ручной лучковой дрели представляет значительный археологический интерес уже потому, что это первый случай выявления механического приспособления для сверления в Триполье. Конечно, о присутствии таких приспособлений можно было догадываться по наличию отверстий, просверленных в роговых мотыгах, боевых каменных топорах, шильях и украшениях. Таким образом, мы располагаем находкой, подтверждающей существование уже в раннем Триполье лучковых

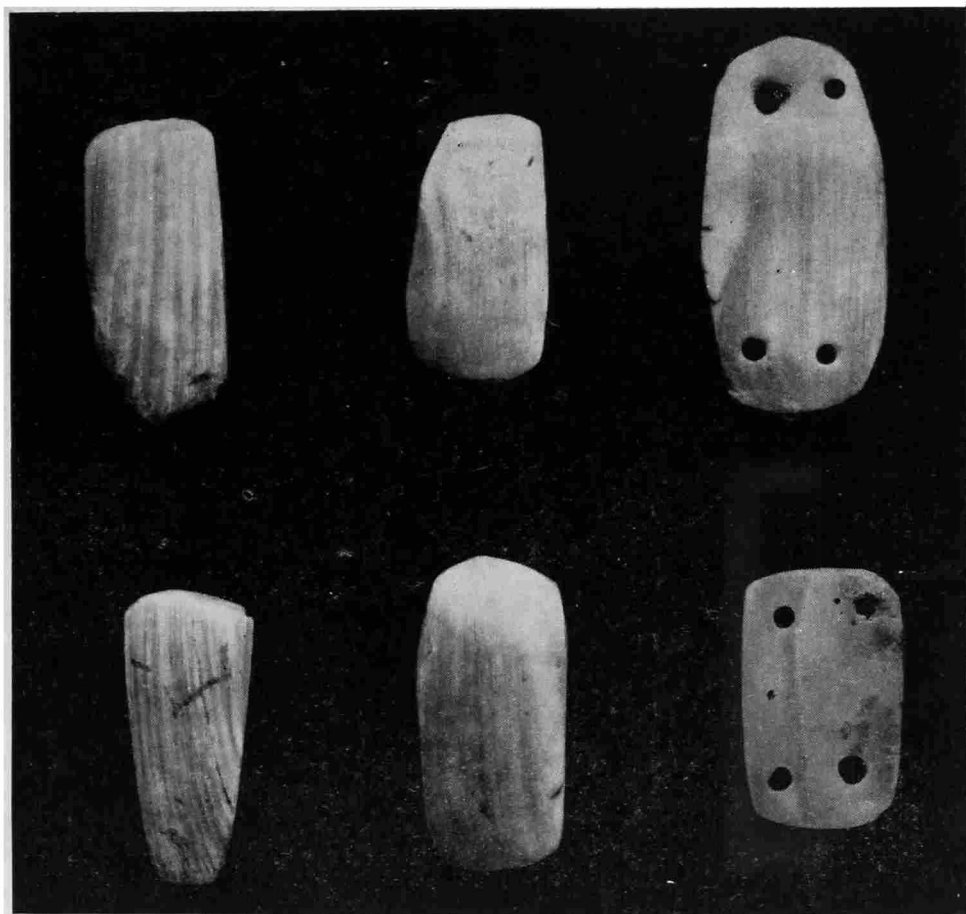

Рис. 9. Лука-Врублевцевская. Украшения и заготовки украшений из раковин.

дрелей. При помощи такого приспособления вероятнее всего добывался и огонь. Единичность находки, повидимому, объясняется тем, что в быту, как правило, пользовались деревянными упорами, центрирующими круговое вращение оси, на которую насаживалось кремневое сверло, и наша деталь является исключением из установленного технического правила.

В жилище № 5, кроме двух медных обломков, которые могут быть отнесены к украшениям, найдено большое число раковин *Ulio* с пробитыми отверстиями для нити. Интересны небольшие пластинки прямоугольных форм, хорошо отшлифованные по краям и снабженные с двух сторон парными отверстиями. Они служили своего рода перламутровыми нашивками на одежду или головной убор. Помимо законченных пластинок, встречено и несколько заготовок, дающих представление о приемах изготовления подобных украшений (рис. 9). Реже встречаются глиняные маленькие бусы и пронизки из птичьих трубчатых костей.

К числу украшений могут быть отнесены и подвески из клыка кабана. Возможно, что наиболее крупные экземпляры клыков и фаланги конечностей быка с отверстиями в дистальной части служили подвесками-амулетами, оберегами не только для людей, но и животных.

К числу редчайших находок, показывающих заботливое отношение ранних трипольцев к детским забавам, относится глиняная погремушка вытянуто-яйцевидной формы, во внутренней полости которой помещалось 12 миниатюрных глиняных шариков. Аналогий ей в памятниках раннеземледельческих племен мы не находим. По принципу устройства и форме погремушка из Луки-Врублевецкой больше всего напоминает погремушку из Армавирского кургана (раскопки Н. И. Веселовского). Интересна также находка обломка глиняной модельки жилища. Фрагмент представляет собой часть сеней. Эта находка важна для нас как первый случай, отмечающий присутствие глиняных моделей жилищ в раннем трипольском комплексе. Она пока единственная для памятников раннего Триполья в Поднестровье. Находку обломка модели жилища в Луке-Врублевецкой мы ставим в связь с находками ножек от моделей жилищ или столиков, может быть жертвенных, постоянно встречающихся почти во всех жилищах Луки-Врублевецкой, а главное с находками миниатюрных сосудиков, которые только и могут рассматриваться как модели настоящих сосудов. Один из таких сосудиков, едва достигающий в высоту 2,5 см, найден в жилище № 5. Он представляет собой в полном смысле слова модель горшочка и по всей вероятности составлял часть внутреннего убранства модели жилища, так же как это воспроизведено на известной модели жилища из Сушковки.

Самым многочисленным и вместе с тем самым разнообразным материалом остается керамика. Здесь прежде всего следует указать на антропоморфные сосуды, встреченные в полуземлянке № 5, так же как и в других жилищах.

Судя по фрагментам, может быть отмечено присутствие сосудов разной степени антропоморфизации. Эта посуда безусловно местного изготовления, но сюжеты и элементы построения восходят по ряду признаков к областям восточного Средиземноморья. Черты этих связей особенно четко вырисовываются на сосудах, изображающих человека или группу людей, поддерживающих сосуд.

Исключительное значение приобретает группа черепков, найденных в жилище № 5, резко отличающихся по консистенции глиняного теста и орнаментике, а в известной мере и по окраске от обычных для Луки-Врублевецкой керамических комплексов. Это фрагменты посуды, украшенной ломаными линиями, зонально расположенными по верхней половине сосуда (рис. 10). Система орнамента в виде геометрических, иногда атектонических построений, сама фигурность этих построений связывают тип сосудов с керамикой линейно-ленточной орнаментации, распространенной в областях Дунайско-Тисского бассейна. Совершенно убедительно об этой связи, не генетической, а прямой, говорит находка зооморфного (птицеподобного) сосуда у очага № 2 в жилище № 5 (рис. 11—1). Сосуд этот не только композиционно, но даже в мелких деталях совпадает с аналогичными сосудами из Винчи, Добре и напоминает некоторые сюжеты зооморфной пластинки из Гумельницы. Таким образом, керамический материал из жилища № 5 отчетливо указывает на древние культурно-исторические связи между Днестром и Бугом, с одной стороны, а с другой — с областями юго-востока Европы, где в трипольское время была распространена линейно-ленточная керамика.

Среди керамических находок интересен ковшик-черпачок, имеющий у места скрепления ручки с вместилищем довольно обычные для ковшей из Луки-Врублевецкой специально вылепленные плечики-крылышки и, что

важнее, свободный конец ручки украшен лепной головкой птицы с хохлом. Наличие крылышек, слегка изогнутой ручки в виде шеи и, наконец, присутствие самой головки позволяют видеть имитацию птицы, воплощенную в пластической форме ковшика-черпачка.

Нельзя не отметить находку единственного черепка с крашеным орнаментом. Этот фрагмент принадлежит сосуду очень высокой техники выделки. Тонкая стенка его покрыта каннелированным орнаментом, что придает вид равномерно рифленой плоскости. Одна часть плоскости, замкнутая между желобками, окрашена в красный цвет, причем окраска поверхностная и поэтому легко стирается. С внешней стороны черепок прекрасно вылощен, с внутренней имеет почти черный цвет.

Интересную группу находок составляют зооморфные пластические фигурки. Среди них — голова свиньи (остальная часть фигурки утрачена) с плоским круглым рыльцем, на котором четко выделяются два носовых отверстия. Пасть животного намечена глубокой врезной линией и как бы слегка приоткрыта. Над пастью с обеих сторон сделаны две глубокие ямки, которые, судя по форме, служили для укрепления изготовленных отдельно клыков. Глаза намечены двумя симметрично расположенными удлиненными ямками. Уши имеют вид отростков со сквозным отверстием (одно ухо утрачено). Теменная часть головки сильно приподнята по сравнению с реальным образом этого животного. Интересна орнаментация фигурки. На шее сохранился след от желобка, охватывающего ее и идущего параллельно ямкам, расположенным вокруг шеи в один ряд в виде ошейника. От темени к носу также намечен ряд ямок. По стилистическим особенностям обнаруженная головка свиньи очень похожа на фигурку свиньи из жилища № 3, а в некоторых деталях даже тождественна с ней. Эта тождественность особенно ярко выступает в трактовке пасти, ямок для клыков, ушей с отверстием и, наконец, в своеобразном высоком оформлении теменной части головки.

Большим изяществом отличается скульптурная головка козы. Вылеплена она очень тонко и с поразительно реалистично проработанными деталями.

Рис. 10. Лука-Врублевецкая. Фрагменты керамики с линейной орнаментацией.

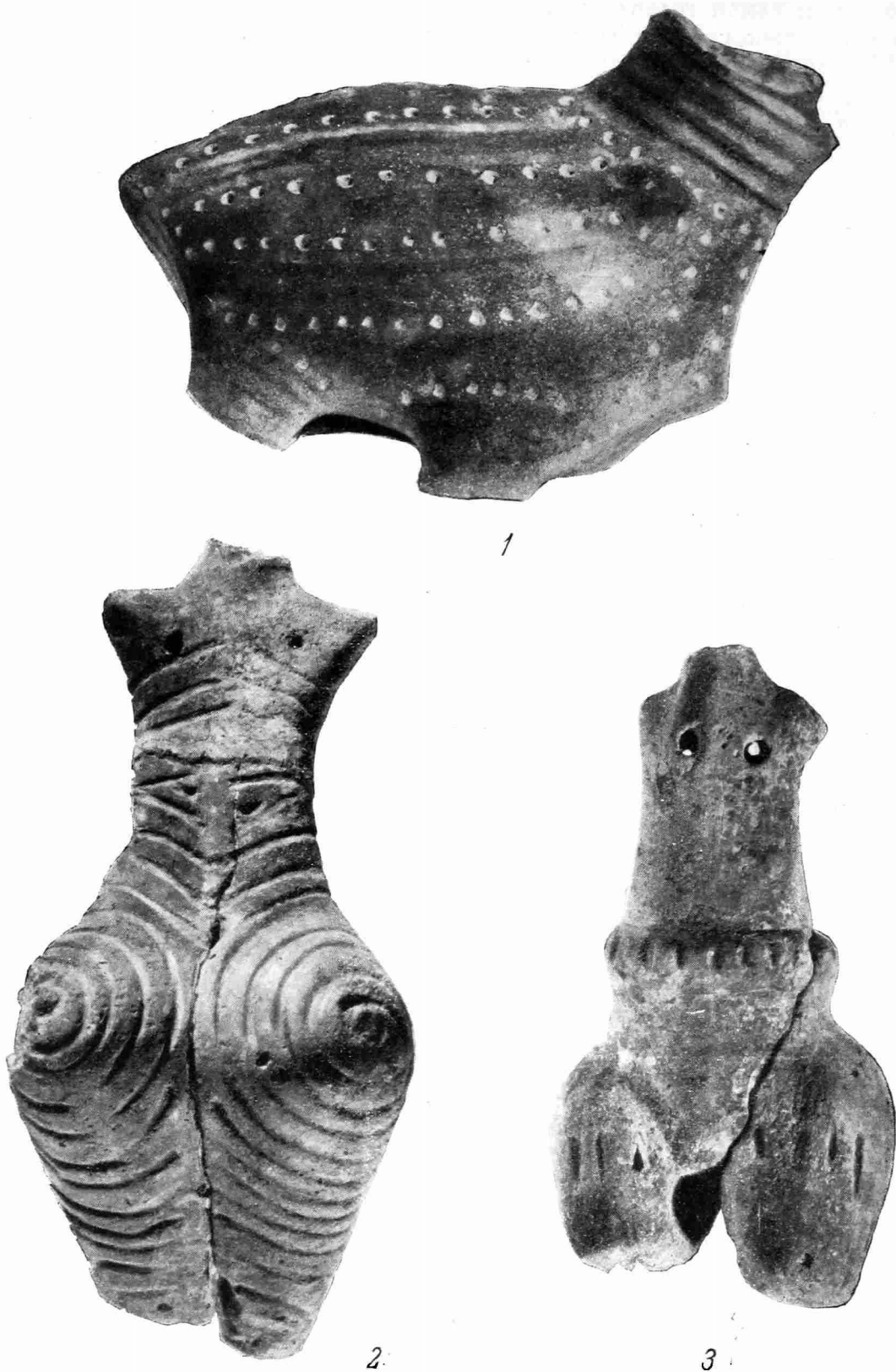

Рис. 11. Лука-Врублевская. Зооморфный сосуд (1) и глиняные статуэтки (2 и 3) из жилища № 5.

Тонкая шея имеет небольшое вздутие. Точно сформованы рога животного, несколько отогнутые назад, намечены уши, глаза и нос. В группе зооморфных статуэток из Луки-Врублевецкой это первая находка головки козы.

Помимо только что отмеченных зооморфных статуэток, в жилище № 5 найдены фигурка быка (?), налп на сосуд в виде схематично оформленной головки быка и статуэтка собаки. В фигурке быка (?) животное дано с укороченными пропорциями туловища, снабженного острым ребром на хребте. Шея животного не намечена. Рога загнуты вовнутрь. Морда узкая и очень схематична. У фигурки сохранилась одна нога, позволяющая судить о непропорционально удлиненных конечностях.

Собака изображена с открытой пастью, что сближает статуэтку с изображением собак в агрессивной позе, известным из трипольских памятников бассейна Днестра, о которых писал Б. Л. Богаевский.

Весьма многочисленно представлена и антропоморфная пластика. В жилище № 5 найдено свыше 60 скульптур человека. В подавляющем большинстве это фигурки женщин. В значительной части статуэтки фрагментарны. Они повторяют уже известные нам формы и орнаментальные сюжеты, однако некоторые фигурки расширяют наши представления о скульптуре из Луки-Врублевецкой. Отметим присутствие статуэтки с отпечатком зерна. Находка эта не нова; она представляет интерес с точки зрения установления еще одного пункта подобных находок, а следовательно, лишний раз подтверждает не случайность, а некоторую закономерность нахождения их в жилищах. Обращает на себя внимание довольно крупная статуэтка, имеющая рельефный поясок с косым нарезным орнаментом (рис. 11—3). Наконец, очень любопытны две другие фигурки. В стилистическом отношении они весьма близки друг к другу, но различны по размерам. Одна из них — высотой до 13 см (рис. 11—2), другая едва достигает 3 см¹. Столь значительное различие в размерах, вероятно, указывает на разное функциональное назначение. Остальные фрагменты статуэток представлены всевозможными частями фигурок и повторяют типы, уже знакомые нам по прежним находкам в Луке-Врублевецкой.

Подводя итоги материалам раскопок жилища № 5, укажем прежде всего на аналогичность залегания жилищ № 4 и 5 и на наличие следов аллювиальных отложений, нанесенных паводками Днестра, одинаково встреченных в обоих жилищах. Кроме того, следует подчеркнуть и значительное сходство жилых комплексов № 4 и 5 в конструктивном отношении.

Пытаясь реконструировать жилище, мы опять возвращаемся к той же самой схеме, которая была предложена для жилого комплекса № 4 (части полуземлянки № 2). Жилище № 5 может быть сближено с такими жилищами сооружениями, как углубленные жилища в Винче, Модлиничях и т. п. Любопытным археологическим фактом, раскрытым в жилище № 5, является наблюдение над конструкцией пола, подтверждающее наше недавнее предположение о преднамеренной вымостке полов в полуземляночных жилищах раковинами *Ulio*.

Для реконструкции древних форм религиозного мировоззрения имеет значение обнаруженное захоронение черепа быка под очагом, стоящее в связи с культом плодородия, и погребение ребенка под полом жилья. Последнее явление находит свои аналогии в земледельческих культах не только в Европе, но и в древнеземледельческих обрядах переднеазиатских и среднеазиатских племен.

Наконец, нельзя не отметить находки в жилище № 5 нескольких фрагментов керамики дунайского типа и птицеподобного сосуда, указывающих на прямые связи раннетрипольских племен Среднего Поднестровья с ранними земледельцами Подунавья.

¹ Обе фигурки слегка фрагментированы.

С. И. РУДЕНКО

БАШАДАРСКИЕ КУРГАНЫ

В течение последних лет Горно-алтайская экспедиция занималась раскопками курганов, датируемых серединой I тысячелетия до н. э., в частности, раскопками Пазырыкской группы, где работы были закончены в 1949 г. Эти раскопки выявили самобытную и богатую культуру племен, населявших Горный Алтай в скифское время. Выяснилось, что основным занятием племен в эту эпоху было пастушеское скотоводство.

Некоторое сходство культуры горноалтайских племен с культурой скифских племен Восточной Европы проявляется как в материальной культуре (одежда, техника, средства передвижения), в общественном строе, в сказочно богатом изобразительном искусстве (в частности в так называемом зверином стиле), так и в ряде обычаев и религиозных представлений.

Оказывается, что на западе и на востоке были одни и те же обычаи снимать скальпы с убитых врагов, бальзамировать тела умерших, вместе с вождями племен хоронить их наложниц, совершать одни и те же очистительные обряды и т. п.

Все раскопанные до 1950 г. курганы оказались ограбленными, причем из них были похищены не только изделия из металла, но почти все содержимое погребальных камер. Тем не менее, благодаря мерзлоте, они дали такое количество ценнейшего материала для суждения о культуре горноалтайских племен, какое вряд ли можно получить в каком-либо другом месте.

Раскопки Пазырыкской группы курганов показали, что племена Горного Алтая заселили эту область, вероятно, около VII в. до н. э. Жили они не изолированно, непрерывно поддерживая связи с соседними родственными им племенами и с отдаленными странами.

В пятом Пазырыкском кургане найдены замечательные шерстяные переднеазиатские ткани и ковер ахеменидского времени, а в ряде курганов — древнейшие китайские ткани.

По сообщениям греческих историков известно, что политическая и культурная жизнь азиатских племен и народностей Средней и Передней Азии была в эту эпоху тесно связана. Связи эти получили теперь подтверждение при раскопках курганов в удаленной от Передней Азии области Горного Алтая, где эти связи проявились в изобразительном искусстве. В Пазырыкских курганах мы имеем воспроизведение цветка лотоса, переднеазиатского сфинкса в оригинальной местной переработке, грифа в его ассирийской трактовке, мотивы орлиного и львиного грифонов в передаче, характерной для ахеменидского искусства.

В 1950 г. Горноалтайская экспедиция произвела раскопки двух курганов с каменной наброской в долине р. Каракола, правого притока р. Урсула, в

урочище Баш-адар. Древний Башадарский могильник, расположенный в 1,5 км к северу от аула Кулада, состоит из 60 курганов, среди которых три выделяются своими большими размерами: один — с насыпью из земли и камней и два — покрытых каменной наброской. К западу от каждого из них, на некотором расстоянии, имеются серповидные каменные выкладки, образованные рядом кругов из вертикально поставленных и вкопанных в землю камней и каменных плит, причем у кургана с насыпью из земли и камня длина такой выкладки достигает 300 м. Южный из раскопанных курганов имел диаметр около 40 м, высоту 1,6 м; северный — диаметр 58 м и высоту более 2 м. При раскопке южного кургана последовательно была снята вся каменная наброска, северный вскрыт широким раскопом площадью в 800 м² (20 × 40 м).

Могильная яма в южном кургане не была потревожена грабителями, так как захоронение оказалось не в центре кургана, как обычно, а в западной его половине. Ближайший к центру кургана край могильной ямы находился от него в 2 м. На глубине 0,3 м от поверхности погребенной почвы обнаружена мерзлота, но последняя распространилась только до глубины 3,2 м, дальше до дна могильной ямы, т. е. до глубины 4,2 м, грунт был талым.

Погребальное сооружение — хорошо известного устройства. В южной половине могильной ямы, размер которой в верхней части 4,4 × 4,8 м, а у дна 2,9 × 3,8 м, находился сруб размером 1,5 × 3,2 м при высоте 1,2 м.

Он состоял из четырех венцов и был покрыт бревенчатым потолком. Внутри сруба, на дне ямы, у южной стенки погребальной камеры в саркофаге-колоде был положен покойник. Снаружи, у южной и северной стенок камеры было поставлено по три столба, в корытообразные верхние концы которых уложены поперечные балки, поддерживающие настил из двух рядов бревен и лежащие выше землю и камни.

В северной половине могильной ямы захоронены трупы лошадей. Вследствие не полного промерзания могилы и в результате меняющейся из года в год, от сезона к сезону толщины линзы мерзлоты создались крайне неблагоприятные условия для сохранности всего захороненного. Бревна сгнили, потолок провалился внутрь камеры, и она почти целиком заполнилась землей и камнями. Сместились трупы лошадей, от которых сохранились только скелеты, да и те в плохом состоянии. От саркофага-колоды уцелело только дно. Скелет положенного в него человека, лет 20—22, лежал на спине, головой на восток, ноги вытянуты, руки согнуты в локтях и положены на грудь.

При изучении скелета обнаружили детали, встречающиеся впервые. До погребения с трупом был проделан ряд операций, связанных с бальзамированием: извлечен мозг, на что указывает трепанация черепа; несомненно, были извлечены и внутренности. На костях скелета впервые обнаружены многочисленные отверстия и углубления, высверленные сверлом, диаметром в 4 мм, частью сквозные, в большинстве же глубиной от 1,5 до 5 см. Такие отверстия были у концов плечевых костей и у верхнего конца кости предплечья, у концов бедренных и больших берцовых костей, в крыле подвздошных костей таза, в части шейных и в грудных позвонках.

Единственная цель, которая могла преследоваться при просверливании тел позвонков, — было введение каких-то консервирующих веществ в спинной мозг. С этой же целью высверливались отверстия и в костях конечностей. Консервирующее вещество вводилось, повидимому, и в мышцы. Иначе нельзя объяснить наличие просверленных отверстий в подвздошных костях таза.

Из предметов, найденных в первом Башадарском кургане, особый интерес представляют девять стрел, положенных между столбами в юго-восточной части могильной ямы вне погребальной камеры. Наконечники роговые, втульчатые, с двумя жалъцами, ромбической в поперечном сечении формы. По типу они близки роговым наконечникам из курганов Минусинской котловины, датируемых серединой I тысячелетия до н. э.

В северо-восточном углу могильной ямы стояло два небольших глиняных кувшина со сравнительно широким туловом и высоким горлышком, типичной для горноалтайских курганов с каменной наброской формы.

Сохранились грубые ткани от головного убора захороненного с лаковым (черного и красного цвета) покрытием, лоскуты тонкой шелковой ткани простого полотняного переплетения, мелкие золотые бляшки, повидимому украшавшие одежды.

В конском захоронении, где было погребено десять лошадей, найдены только остатки деревянных уздечных и седельных украшений и довольно много вырезанных из листового золота пластин, покрывавших эти украшения. Пластины состояли из круглых налобных блях узды, щитовидной и треугольной формы седельных подвесок. Судя по золотым накладкам, седельные луки были больших размеров.

Второй Башадарский курган в некоторых деталях существенно отличался от большинства уже исследованных больших курганов данной эпохи.

В южной половине могильной ямы, площадь которой сверху равнялась $5,2 \times 6,3$ м, у дна $4,4 \times 6,0$ м, при глубине около 6 м от поверхности погребенной почвы, была установлена погребальная камера. Состояла она из восьми плах пола, на котором поставлен сруб из четырех венцов толстых брусьев, покрытый потолком из восьми бревен со стесаной нижней поверхностью. Площадь камеры $2,2 \times 4,15$ м при высоте 1,3 м. За камерой в северной половине могильной ямы было захоронено 14 лошадей. Потолок погребальной камеры покрыт черным войлоком, а поверх него мощным (до 0,5 м) слоем бересты, над которым был уложен кустарник — курильский чай. Прослойка его, сильно спрессованная, имела около одного метра толщины.

Выше, почти до края могильной ямы, в 16 слоев уложены бревна. Столбов с поперечными балками, предохраняющими погребальную камеру от давления лежащего выше груза, не было. По конструкции погребальной камеры и по отсутствию столбов, поддерживающих перекрытие, второй Башадарский курган подобен четвертому Пазырыкскому кургану.

Такого мощного слоя кустарника курильского чая и бересты до 1,5 м толщиной не было ни в одном из исследованных нами больших курганов с каменной наброской.

В погребальной камере в двух саркофагах-колодах были захоронены трупы мужчины и женщины.

Курган оказался ограбленным, причем грабителями вырыт настолько большой колодец, что размеры проруба в бревнах были $1,7 \times 3$ м, а грабительского лаза в потолке погребальной камеры $1,7 \times 2,1$ м. Это дало возможность свободно орудовать в камере, извлечь из нее почти все содержимое, разрубив на части женский саркофаг с крышкой. Грабители вырубили из северной стенки погребальной камеры два нижних бруса и проникли к месту конского захоронения, втащив в камеру трупы трех лошадей полностью и частично еще двух.

Несмотря на то, что мерзлота распространилась до дна могильной ямы и даже глубже, от трупов лошадей остались только скелеты, а от упряжи только незначительные остатки. Относительно хорошей сохранности оказались металлические и деревянные украшения.

Благодаря большой глубине могильной ямы и относительно мягкому климату должны были пройти десятки лет, прежде чем курганная мерзлота распространилась до дна могильной ямы. За это время трупы лошадей должны были подвергнуться значительному разложению, чему способствовал, по всей вероятности, и обширный грабительский колодец, пока он не завалился.

Бальзамированные трупы мужчины и женщины сохранились хорошо. До захоронения у них была вскрыта брюшная полость, извлечены внутренности, после чего брюшная полость зашита. Черепа не были трепанированы и мозг не извлечен. Это первый случай захоронения вождя племени и сопровождающей женщины без извлечения головного мозга. Как он может быть объяснен?

Рис. 12. Саркофаг-колода из второго Башадарского кургана.

Возможны два предположения. Первое — в данном случае мы имеем более раннее захоронение с более простым приемом бальзамирования тел умерших, только с извлечением внутренностей, без трепанации черепа и удаления мышц. Некоторые основания к тому, чтобы второй Башадарский курган считать древнее Пазырыкских, как увидим ниже, имеются. Второе — большая или меньшая сложность операций при бальзамировании трупов могла зависеть от промежутка времени с момента смерти до захоронения. Если погребение производилось через сравнительно короткий срок после смерти, то для предохранения трупа от разложения достаточно было извлечения только внутренностей. В тех же случаях, когда этот срок был продолжительным, требовалась более радикальная операция — удаление по возможности всех мышц.

Саркофаги-колоды и их крышки во втором Башадарском кургане выделаны из ствола кедра, а не лиственницы, как во всех ранее раскопанных курганах, и несколько иной формы. На каждом конце саркофагов, вместо обычной пары проушин, имеются по две пары; крышки были не корытообразной формы, а совершенно плоские на нижней поверхности и слегка выпуклые на наружной. Кроме того, повидимому, оба саркофага были

орнаментированы. На крышке женского саркофага остались следы орнамента, нанесенного желтой краской, саркофаг же, в котором был погребен мужчина, покрыт резьбой с одной стороны, крышка же сплошь покрыта резьбой.

На мужском саркофаге вырезаны изображения четырех идущих друг за другом тигров и лося (рис. 12). На крышке вырезаны четыре подобных же изображения тигров, а под ними в различных позах двух лосей, трех

Рис. 13. Изображения, вырезанные на крышке саркофага-колоды из второго Башадарского кургана.

горных баранов и двух кабанов (рис. 13). Над изображениями животных по борту саркофага шла полоска тонкого войлока с узором аппликацией. По верхнему краю это украшение закреплено мелкими гвоздиками, а по нижнему — медными гвоздями с большими выпуклыми шляпками с бляхами. Эта полоса была содрана грабителями; остатки ее уцелели только под шляпками гвоздей.

Из вещей, находившихся в погребальной камере, сохранились лоскуты орнаментированной кожаной одежды, образцы по крайней мере шести различного рода шерстяных тканей, остатки кожаной обуви, ременный

пояс, кожаные ножны от короткого меча, украшения, вырезанные из рога и дерева, а также медные, штампованные, бусы и бисер.

Из находок особого внимания заслуживает впервые обнаруженная мужская обувь. Теперь выяснено, что мужчины, как и женщины, носили мягкую кожаную обувь без подметок, но с длинными голенищами, сзади прикрывающими только голень, а спереди колено. Шилась эта обувь либо из целых кожаных вытяжек, к которым подшивалась подошва, либо отдельно сшивались головки, подошвы и голенища. Пяточная часть головок для прочности прошивалась сухожильными нитками. Голенища обшивались снаружи либо кусочками меха различных сортов, сшитыми в виде мозаики из расположенных в шахматном порядке прямоугольников, либо меховыми и войлочными, прошитыми сухожильной нитью прямоугольниками.

Все ткани шерстяные. Большинство их — в саржевом переплетении различной плотности, от 15×29 до 26×41 нитей основы и утка на 1 см^2 .

Очень интересна петельчатая ткань, в которой на 1 см^2 приходится 12 нитей основы и 18 утка; в каждом квадратном сантиметре по девять петель. Двумя образцами представлена шерстяная плетеная в две нити ткань.

Из бус, найденных во втором Башадарском кургане, заслуживают внимания бирюзовые, крупные цилиндрические и мелкие полусферические, которые скорее можно назвать бисером. В этих миниатюрных бусинках микроскопические отверстия высверлены в плоскости, параллельной их основанию. Как и во втором Пазырькском кургане, найдены просверленные кристаллы пирита, причем в некоторых из них с плоскостями граней всего около 1,5 мм высверлены отверстия диаметром 0,5 мм.

Лошади, захороненные во втором Башадарском кургане, были с подстриженными гривами и хвостами, закрученными в спираль в несколько прядей. Убиты они ударами кувалды в череп. В отличие от Пазырькских, в этом кургане все лошади были захоронены ввнузданными и заседланными.

Узды и седла оказались хорошо известного типа, причем седельные луки были большие и высокие, но деревянных распорок между седельными подушками не было. Удила бронзовые и железные двусоставные (рис. 14),

Рис. 14. Бронзовые удила и пряжки из второго Башадарского кургана.

кольчатые, псалии медные или деревянные с двумя отверстиями для ременной узда.

Во всех до сих пор исследованных больших курганах с каменной наброской находилось обычно по одной-две подпружные пряжки; во втором Башадарском пряжки найдены почти при всех седлах. Пряжки эти или литые медные с носиком-кнопкой, или роговые без подвижного замка, но

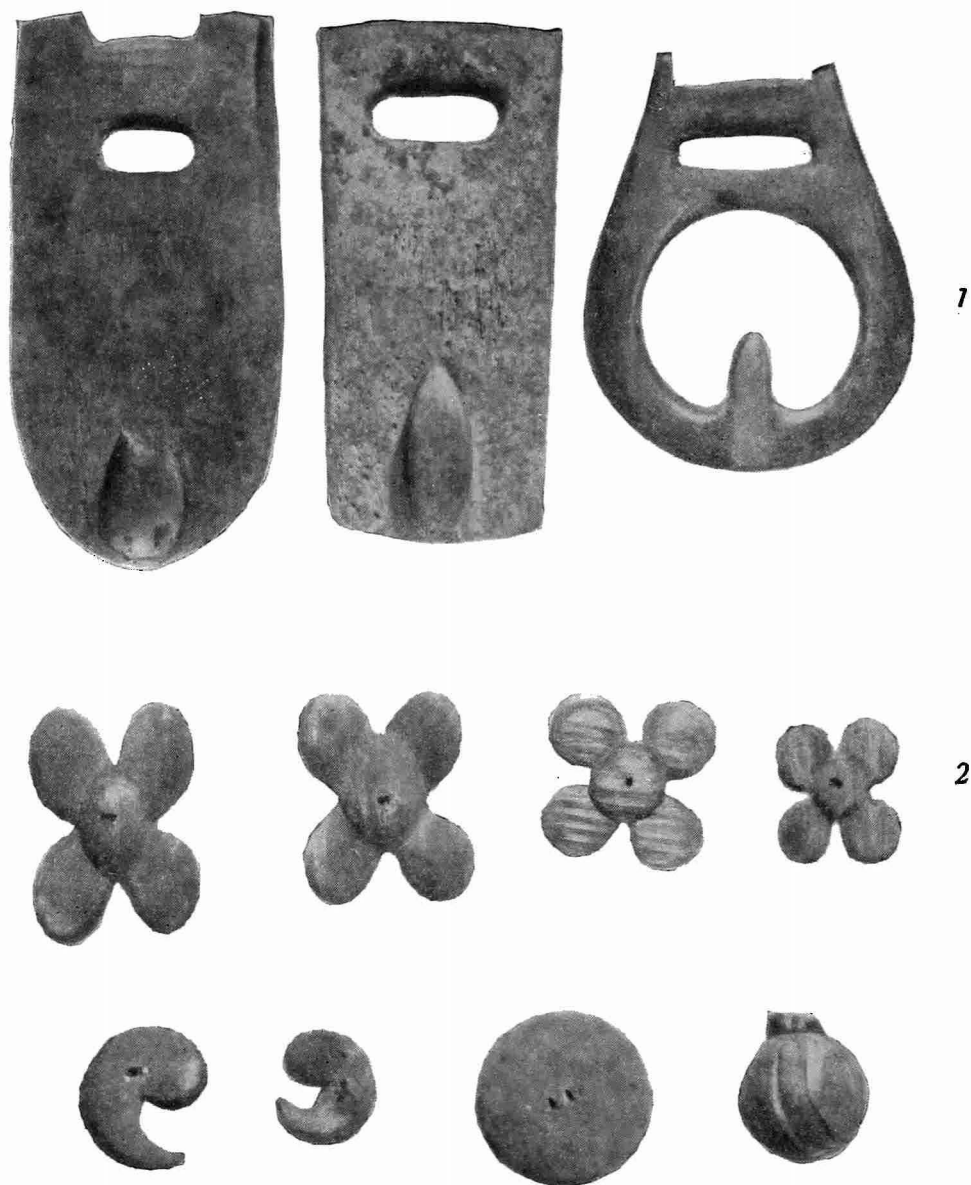

Рис. 15. Роговые подпружные пряжки (1) и седельные украшения (2) из второго Башадарского кургана.

с носиком. Роговые пряжки, хотя и однотипны, сильно варьируют по форме; часть их без носика (рис. 15—1).

Седельные подушки только в одном случае покрыты шкурой кошки, покрышки остальных были из тонкого войлока, чаще узорчатые.

Наряду с украшениями конской упряжи, вырезанными из дерева и покрытыми листовым золотом (рис. 15—2), впервые найдены медные литые, в точности повторяющие деревянные, украшения и также покрытые листовым золотом.

Как и в Пазырыкских курганах, во втором Башадарском одна из захороненных в первом ряду лошадей отличалась от прочих крупным ростом,

особым богатством упряжи. При этой лошади найдены навершие, начальник, вырезанные из дерева рога горного козла, покрытые листовым серебром и золотом, а спирально закрученный хвост был обвит длинной полоской листового золота; здесь же найдено художественно оформленное кнутовище нагайки.

Конское убранство из второго Башадарского кургана по своему художественному оформлению существенно отличается от упряжи, найденной

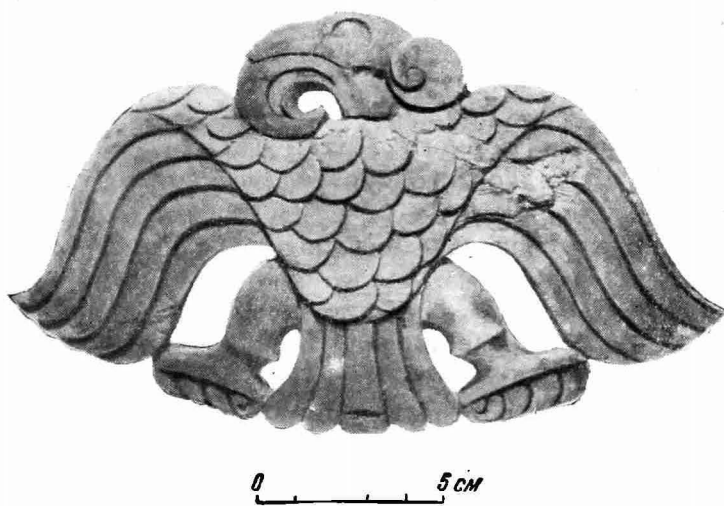
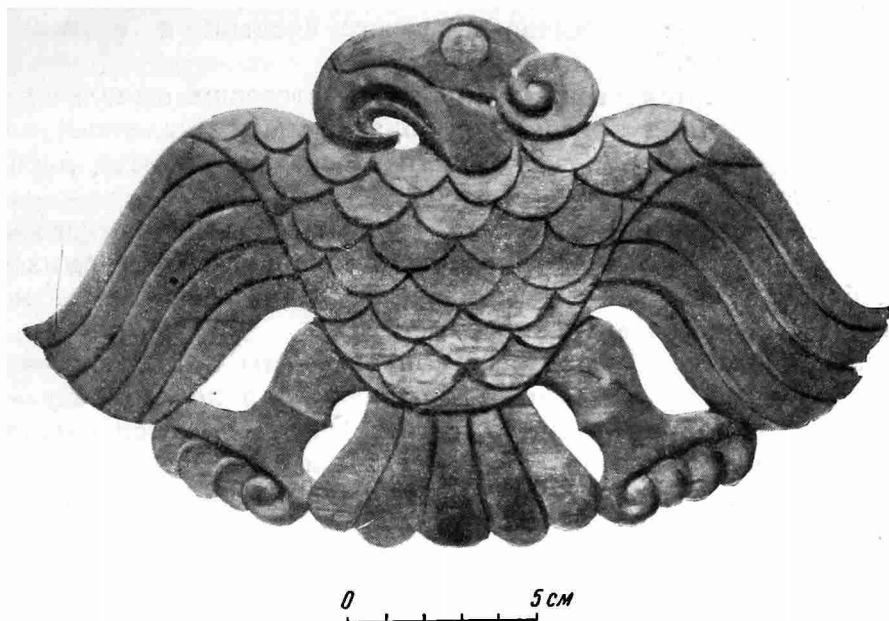

Рис. 16. Украшения лук одного седла из Башадарского кургана № 2.

в ранее исследованных курганах. Узоры седельных покрышек преимущественно геометрические, на седельных луках они представлены либо системой спиралей и завитков, либо комбинациями стилизованных грифовых голов.

Набор украшений седельного нагрудника двух лошадей состоял из 58 кабаньих клыков в золотой оправе. На вырезанных из дерева и отлитых из меди украшениях упряжи преобладают геометрические мотивы, фигуры круглые и серповидные, в виде запятой, кресты различных размеров и форм. Некоторые фигуры в такой степени стилизованы, что их происхождение может быть установлено только в результате тщательного анализа.

Из украшений, выполненных в «зверином стиле», следует особо отметить вырезанные из дерева головки грифов на концах одной пары псалий, головки горных баранов, украшавшие наружные поверхности лук одного из седел, и замечательные изображения грифов, украшавших луки другого седла (рис. 16). Чрезвычайно интересны скульптурные головки волка, вырезанные на концах и по середине кнутовища нагайки.

Несмотря на сравнительно небольшое количество мотивов, использованных в украшениях конской упряжи и в резьбе на саркофаге и его крышке, горноалтайское искусство скифского времени и в этом кургане представлено блестяще.

Особенно выделяются своим смелым и мастерским выполнением монументальные изображения тигров. При оригинальных условных приемах в воспроизведении этих зверей, в частности в передаче их меха, изображения крайне выразительны.

Замечателен прием членения тела изображаемого животного системой спиралей, так искусно использованный в воспроизведении горных баранов, лосей и кабанов. Обращает на себя внимание чрезвычайно разнообразие поз, в которых представлены животные.

До раскопок второго Башадарского кургана мы имели многочисленные силуэтные изображения животных, выполненные в круглой скульптуре, в рельефе и сравнительно редко — в резьбе. Теперь имеются блестящие образцы, выполненные и в этой технике. Поразительно, с каким искусством несколькими линиями передаются общий облик животного и его характерные позы.

Для изобразительного искусства, представленного во втором Башадарском кургане, характерно отсутствие (за исключением грифов) каких бы то ни было иноземных мотивов и стилистических приемов. Ничего, что бы указывало на связи с искусством ахеменидской Персии, нет. Напротив, здесь налицо все, что типично для оригинального, так называемого скифо-сибирского искусства, получившего свое яркое выражение, в частности, в известных вещах эрмитажного собрания — сибирских золотых изделий, найденных в Петровское время.

Однако связи племен Горного Алтая с Передней Азией во времена сооружения второго Башадарского кургана все же были. Не говоря уже о грифах, об изображениях которых (и притом в ассирийской их трактовке) уже упоминалось, очень показательна находка лоскута стриженного ковра, использованного для украшения одного из седел. Этот ворсовый, стриженный ковер исключительно тонкой работы. В нем на один квадратный дециметр в среднем приходится 6000 узлов, почти вдвое больше, чем в ковре, найденном в пятом Пазырыжском кургане. Иной оказалась и техника выполнения. Концы нитей ворсового утка в нем не затягивались, как в ковре из пятого кургана, а скручивались. Это древнейший из ворсовых ковров, при изготовлении которого применялись так называемые полуторные узлы.

Время, которым можно датировать второй Башадарский курган, примерно то же, к какому относятся курганы, раскопанные у с. Туэкты в 1937 г., т. е. VI в. до н. э. С. В. Киселев, как известно, относит указанный выше курган к майэмирской культуре.

Раскопки Башадарских курганов существенно дополнили новыми и ценными фактами наши сведения о культуре племен Горного Алтая в скифское время. И чем больше мы узнаем о ней, тем эта культура, при всем своем единстве, представляется нам и более разнообразной и более богатой. Промежуток времени, к которому относятся исследованные нами курганы, достаточно ограничен: VI—IV вв. до н. э. Временем появления этих племен в Горном Алтае был, вероятно, как уже было отмечено выше, VII в. до н. э. В III в. до н. э. мы их там уже не находим.

Никаких существенных изменений в культуре племен Горного Алтая за указанный промежуток времени не произошло, и нет пока никаких оснований распределять исследованные нами курганы по каким бы то ни было этапам развития данной культуры.

Горный Алтай заселялся, по всей вероятности, в различное время и выходцами из различных районов. Отсюда все то разнообразие в деталях материальной культуры и в стиле изобразительного искусства, с которым мы встретились, изучая находки из раскопанных нами курганов.

Особенности, которыми отличаются Башадарские и Туэктинские курганы, пятый Пазырыкский, первый и второй Пазырыкский, третий и четвертый той же группы, мы склонны рассматривать скорее как особенности узко племенные, а не связанные с изменением культуры с течением времени. Чтобы утверждать это с полной уверенностью и установить хронологическую последовательность исследованных курганов, необходимо иметь значительно больше данных сравнительно с теми, которыми мы в настоящее время располагаем.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

РАБОТЫ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1947—1950 ГОДАХ

Бурят-Монгольская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР и Научно-исследовательского института культуры и экономики Бурят-Монгольской АССР начала работать в 1947 г. Ее работы явились прямым продолжением работ экспедиции АН СССР 1928—1929 гг., которыми руководил Г. П. Сосновский. Они внесли много нового в понимание древнейшей истории Восточной Сибири и истории культуры ее населения, с палеолита и до XIII—XIV вв. н. э.

Полевые работы экспедиции 1947 г. начаты в долине р. Лены, вблизи д. Шишкино, с изучения многочисленных наскальных изображений различных эпох — от палеолита и до времени прихода русских на Лену. Здесь были описаны и скальжированы сотни рисунков, выполненных красной краской, резных и затертых; обнаружены новые, ранее неизвестные рисунки и целые группы их.

Из вновь найденных рисунков особенно замечательны крупное изображение дикого быка-бизона и еще один (кроме найденного в 1941 г.) рисунок дикой лошади, которые относятся к палеолитическому времени. Не менее интересны столь же крупные рисунки лосей, по реалистическому совершенству не уступающие самым выдающимся скандинавским изображениям оленей эпохи мезолита и раннего неолита, и оригинальные антропоморфные фигуры, которые следует датировать концом неолита или эпохой бронзы.

В долине Селенги был обнаружен ряд новых палеолитических местонахождений, давших обильный инвентарь (рис. 17). Найденны поселения своеобразного местного неолитического типа; обследованы многочисленные могильники эпохи бронзы и раннего железа, в том числе погребения с остатками сложного лука и украшениями; обнаружены кочевнические погребения нового типа; открыты и изучены многочисленные наскальные рисунки, дающие представление об искусстве и мировоззрении древнего населения Забайкалья.

Одновременно были осуществлены разведочные работы в Аларском районе Иркутской области, где открыт ряд новых городищ курумчинского типа.

В 1948 г. экспедиция продолжила свои работы в долине р. Селенги, от г. Улан-Удэ и до Кабанска. Тем самым в основном было завершено обследование всей этой долины в пределах Бурят-Монгольской АССР. В процессе работ обнаружен ряд новых поселений палеолитического и неолитического времени, в том числе несколько многослойных неолитических стоянок. Изучались пещерные стоянки, в одной из которых было найдено

каменное изображение рыбы. Раскопан ряд богатых погребений эпохи неолита и ранней бронзы на Фофановской горе (против Кабанска), которые дали возможность по-новому осветить эти важные этапы ранней истории Забайкалья.

Затем была обследована долина р. Уды, от Еравнинских озер до г. Улан-Удэ. Здесь впервые обнаружены палеолитические памятники, изучены многочисленные наскальные изображения, выполненные красной охрой, в том числе на утесе Хотогой-Хабсагай, где оказались самые богатые и разнообразные по содержанию рисунки из числа всех известных за Байкалом.

Вблизи г. Улан-Удэ были произведены раскопки плиточных могил эпохи бронзы, давшие новый интересный материал; найдена пещера на Острой Сопке с писаницами, выполненными красной охрой; раскопаны «херексуры», оказавшиеся могилами тюркского времени, что раньше не было известно.

Кроме того, особый отряд экспедиции совместно с Кяхтинским музеем вел разведочные работы в долине Селенги, от Наушек до Селенгинска, обнаружив ряд новых памятников, в том числе писаниц нового типа.

В 1949 г. экспедиция начала систематические раскопки одного из самых замечательных археологических памятников Бурят-Монгольской АССР — древнего городища вблизи устья Нижней Иволги, впадающей в Селенгу в 14 км к юго-западу от г. Улан-Удэ. Городище это, издавна известное у местного бурятского населения под именем Китайского места, является единственным известным нам укрепленным гуннским поселением.

Раскопки этого городища, которыми руководил В. П. Шилов, начальник Иволгинского отряда экспедиции, дали разнообразный вещественный материал, ярко рисующий культуру и образ жизни его обитателей. Городище расположено на землях колхоза «Коминтерн», в 1,5 км к востоку от поселка Нур, на первой надпойменной террасе около бывшей старицы р. Селенги, высохшей в настоящее время. Оно имело прямоугольную в плане форму (348 × 208 м), но часть его была смыта Селенгой. С севера, запада и юга городище окружено четырьмя валами (высота около 1,5 м) и четырьмя рвами, залывшими в настоящее время. Как показали раскопки, внутренний вал городища по гребню был укреплен камнями, а остальные — галькой и песком. Пространство внутри валов представляет ровную площадку, слегка повышающуюся к западу и северу, с небольшими, едва заметными возвышенностями, которые оказались остатками жилищ.

В центре городища находились два холмообразных возвышения (высота 1—1,5 м), господствовавшие над окружающей местностью.

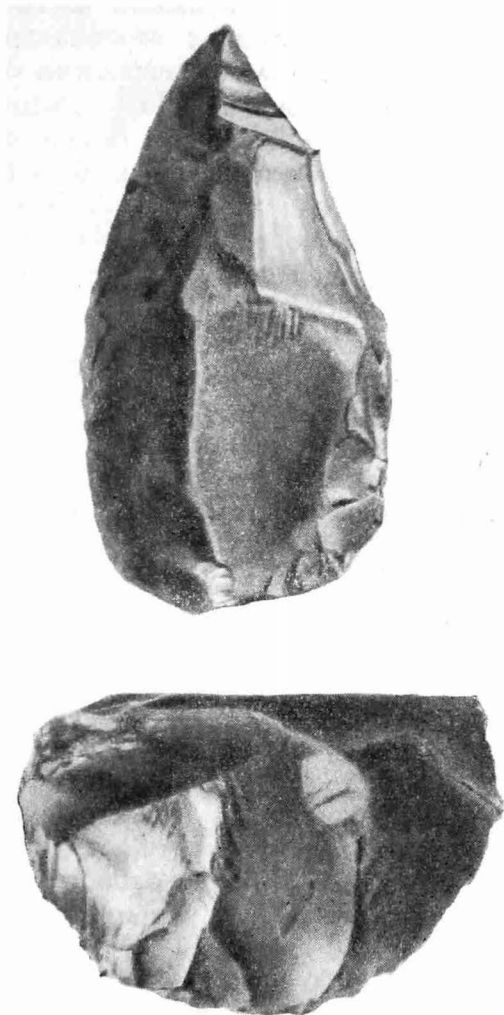

Рис. 17. Скребло и остроконечник с палеолитической стоянки Няньги.

Работы 1949 г. в основном проводились на территории небольших возвышений-жилищ. В результате раскопок девяти зданий выявилась техника их сооружения. Выкапывалась яма средней площадью 6×4 м и глубиной 0,3—0,4 м; вдоль северной и западной стенок котлована воздвигались стены из вертикально стоящих плит, размером 50×60 см, швы между которыми с внутренней стороны замазывались глиной. Между плитами и стеной котлована устраивался канал-дымоход, соединявшийся с очагом, располагавшимся, как правило, в северо-западном углу жилища; другой конец его подымался вверх в южной части западной стены. От очага, который был сооружен из четырех вертикально стоящих плит, перекрытых одной или двумя горизонтально лежащими большими плитами, дым поступал в дымоход, расположенный вдоль северной стены. Сверху канал перекрывался сырцовою стеной здания. В северо-западном углу помещения дымоход делал крутой поворот к югу и шел дальше вдоль западной стены, имея такое же устройство, как в северной. В южной стороне западной стенки дымоход вновь круто поворачивал, но уже кверху. Отсюда по каналу, расположенному внутри сырцовой кладки, дым выходил из помещения наружу. Такая система отопления широко применяется в настоящее время в Северном Китае и у амурских племен.

С южной стороны жилища располагался вход в помещение. Вследствие пожара городище погребено; хорошо сохранились остатки крыши, которую удалось почти полностью реконструировать. Во время пожара горящие деревянные части перекрытия провалились во внутрь помещения и, не сгорев полностью, сохранились до настоящего времени в виде обугленных бревен и жердей, лежащих в определенном порядке. Крыша была плоская, она сооружалась из нетолстых бревен, клавшихся концами на длинные стены помещения с промежутком в один метр, и коротких жердей, густо положенных сверху бревен в поперечном направлении. Любопытно, что по углам и в средних частях стен встречались остатки деревянных столбов, которые служили для укрепления. Этот строительный прием употребляется еще и в настоящее время на территории Бурят-Монгольской АССР.

Внутри некоторых жилищ, а иногда и снаружи их, встречались открытые очаги-кострища, нередко помещенные в неглубокие ямы. Рядом с наружными очагами встречается обычно большое количество обломков горшков с закопченной поверхностью и расколотые трубчатые кости домашних животных. Очаги служили, очевидно, для приготовления пищи в летних условиях.

В жилищах найдены: глиняные сосуды с отверстиями на дне для изготовления сыра; пряслица для прядения шерсти; остатки металлургии (медные и железные шлаки). Кроме того, встречены предметы вооружения: железные, костяные и бронзовые наконечники стрел, костяные накладки для лука; предметы украшения: пронизки, бусы, застежки из различного материала, в том числе из полудрагоценных камней.

Кроме рядовых жилищ, был раскопан один из двух больших холмов, находящихся в центре городища, в результате чего выявился полностью план находившегося там дома. Он представлял собой большое прямоугольное помещение, размером 8×9 м, с глинобитными стенами, толщиной свыше одного метра, укрепленными деревянными столбами по углам и в середине. В северо-западном углу дома, так же как и в других жилищах, располагался очаг, отличающийся от описанных выше своими значительными размерами; дымоходы находились в северной и западной стенках. В южной стене помещения найден дверной проем, обрамленный вертикально стоящими четырьмя деревянными столбами (два с внутренней стороны помещения, два с внешней). Пространство между столбами было устлано щепковкой из растительных волокон, переплетенных тальником. Внутри помещения была обнаружена яма с остатками пепла, битых горшков

ков и костей домашних животных. На полу помещения, тщательно обмазанном глиной и обожженном вследствие пожара, от которого погибла постройка, были обнаружены остатки сгоревших деревянных нар и упавшее перекрытие, которое по конструкции, повидимому, повторяло кровлю рядовых жилищ, но, в отличие от последних, потолок здесь был покрыт ровным слоем глиняной обмазки. В помещении найдены целые глиняные сосуды для изготовления сыра, хранения припасов и приготовления пищи. Некоторые из сосудов достигали высоты 70—80 см. Кроме того, здесь была найдена литая бронзовая чаша. Помимо сосудов, найдены предметы

Рис. 18. Иволгинское городище. Металлические украшения (верхняя слева фигурка из разрушенного погребения).

вооружения (костяные и бронзовые наконечники стрел, костяные накладки на лук), а также украшения — костяные и бронзовые пряжки (рис. 18), бусы. Особенно следует отметить находку точильного камня, покрытого знаками иероглифического типа.

Центральное положение данного жилища на городище, его размеры и, наконец, обнаруженные в нем предметы позволяют предполагать, что здесь жило лицо, возглавлявшее поселение.

В том же 1949 году были начаты раскопки древнего поселения в устье речки Нижней Березовки, в 8 км ниже г. Улан-Удэ, и произведены разведочные работы в районе Кяхты, по р. Джиде и в районе с. Бичуры, давшие новый обильный материал по наскальным изображениям, памятникам каменного и железного веков.

В 1950 г. попрежнему продолжались раскопки гуннского городища на р. Нижней Иволге, где вскрыто еще несколько жилищ. При раскопках вновь обнаружены многочисленные образцы гуннской керамики, изделия из железа, бронзы и камня.

Среди керамических находок особый интерес представляют остатки тонкостенного глиняного сосуда, покрытого снаружи ложнотекстильным тисненым орнаментом в виде выпуклой шахматно-ромбической сетки. Обломки таких сосудов известны из поселений раннего железного века Прибайкалья на р. Иркуте вблизи Иркутска. Они свидетельствуют о связях обитателей гуннского городища с соседними лесными племенами. Из других находок, кроме халцедоновых широких колец и предметов в виде «запятой», изготовленных из того же материала и служивших, очевидно, поясными украшениями, должна быть особо отмечена изящно сделанная из белого камня (алебастр?) овальная чаша, в точности повторяющая по форме лакированные деревянные китайские чаши ханьского времени.

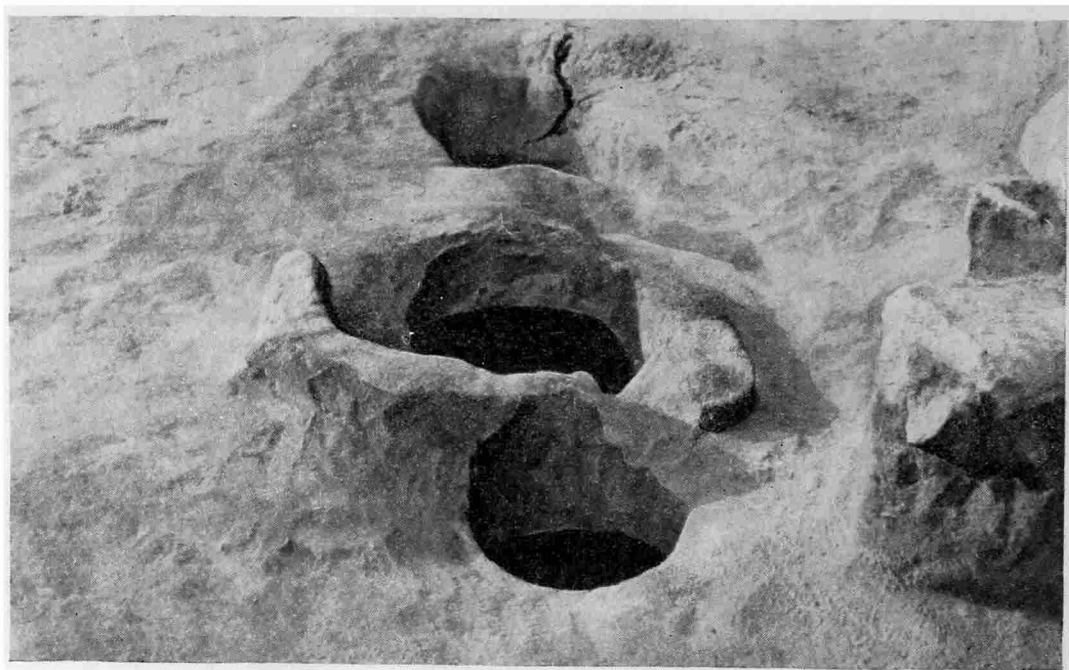

Рис. 19. Иволгинское городище. Железоплавильный горн.

При раскопках 1950 г. на Нижне-Иволгинском городище были получены новые материалы, дополнительно освещающие образ жизни и хозяйство его обитателей. Так, в результате вскрытия второго большого холма выяснилось, что это были остатки не жилища, что можно было думать по аналогии с первым холмом, а сооружения производственного характера. В нем обнаружен превосходно сохранившийся железоплавильный горн (рис. 19). Отсюда следует, что городище вблизи нынешнего города Улан-Удэ было не только военно-административным центром, но, вероятно, и довольно крупным по тем временам центром металлургического производства.

Не менее интересно, что в одной из ям для запасов сохранились впервые найденные за Байкалом зерна проса столь раннего времени. Кроме того, на городище оказался железный наконечник мотыги, датирующий серию аналогичных изделий из района Кяхты и других мест Забайкалья.

Для истории этого уникального памятника интересно и то, что на том же самом холме обнаружено погребение, относящееся к железному веку. Погребение это, сопровождавшееся целым плоскодонным сосудиком, может быть датировано временем около V—VI вв. н. э. В это время, следовательно, городище было полностью заброшено и остатки строения с железоплавильным горном имели такой же, как сейчас, вид невысокого расплывшегося бугра, который и был использован под захоронение.

В 1950 г. экспедиция продолжала также вести раскопки на Фофановской горе, где и на этот раз обнаружены древние погребения с каменными, костяными и металлическими изделиями, а также с остатками керамики. Как и в 1948 г., вновь найдены топоры из темнозеленого нефрита, в том числе с намеренно изуродованным оббивкой лезвием, кремневые и халцедоновые наконечники стрел, ножевидные пластины, скребки и отщепы.

Не менее характерны костяные изделия: кинжаловидные большие и малые острия, отжимники, игольники, украшенные характерным узором в виде тонких, глубоко врезанных линейных поясков, наконечники стрел. Из украшений найдены, кроме обычных перламутровых круглых бляшек и грушевидных подвесок из клыков марала, миниатюрные «пастовые» бусы черного и белого цвета, а также морские раковины, происходящие из морей, омывающих Японские, Зондские и Молуккские острова.

Результаты раскопок Фофановского могильника существенно дополняются материалами многослойного поселения на Нижней Березовке. В нижнем слое Нижне-Березовской стоянки оказалась архаическая керамика, представленная остатками сосудов яйцевидной формы, а также каменными и костяными изделиями, аналогичными вещам из позднесеровских слоев стоянки Улан-Хада и поселений китойского времени на Ангаре. Среди этих вещей наиболее замечательны каменные стерженьки-грузики для рыболовных крючков составного типа и костяная ложка оригинальной формы. Из бытовых деталей наибольший интерес представляют очаги из камней и захоронения собак, свидетельствующие о важной роли собаки в жизни древних рыболовов и охотников Забайкалья.

В самом верхнем слое стоянки оказались фрагменты плоскодонных сосудов, совершенно такие же, как найденные при раскопках Фофановского могильника, а среди подъемного материала — фрагменты трипода китойского типа. Там же найдены литые предметы из бронзы, близкие по типу к карасукским, и кости домашних животных, в том числе лошади и рогатого скота.

Все это свидетельствует о том, что сначала древнее население Забайкалья было близко по культуре и образу жизни к населению соседнего Прибайкалья, а затем перешло к новым формам хозяйства — от преобладания охоты и рыбной ловли к скотоводству. Одновременно складываются и крепнут культурные связи племен Забайкалья с Китаем, где в то время уже возникает классовое общество и государство.

В 1950 г. экспедиция впервые охватила своими исследованиями также и Агинский национальный округ (Читинская область).

В Чите были обнаружены два палеолитических местонахождения. В с. Агинском раскопано интересное детское погребение гуннского времени — первое на этой территории. Костяк ребенка находился под своеобразным двойным гробом из камня и дерева. В головной части погребального сооружения под большими горизонтальными плитами компактной массой лежали отдельные кости головы, ног и позвонки двух баранов. Все они лежали между северной досчатой стенкой погребальной камеры и черепом погребенного, несколько выше черепа.

Возле правой плечевой кости погребенного найдено три наконечника стрел: бронзовый трехперый, плоский железный и костяной. Там же было и миниатюрное золотое колечко. По бокам, возле голеней скелета, обнаружены остатки от железных колец.

Основная масса вещей была сосредоточена в средней, поясной части скелета. Слева, на тазе, лежала большая железная пряжка, а также роговая пряжка «тюркского» типа. Все они, видимо, поясные. Сохранились и остатки пояса в виде сплошной ленты перламутровых нашивок, воспроизводящих раковину «каури». Эти оригинальные поделки лежали в два ряда над тазом и под ним, как бы опоясывая покойника. Ниже, с правой стороны,

среди тазовых костей, находились железные удила с неразъемными кольцами. На запястьях рук лежало по бронзовому кольцу.левой ладонью покойник, как видно, обхватил большое ножевидное железное острие — клинок. Косточки пальцев руки располагались в анатомическом порядке на рукояти ножа. Ножевидное изделие оказалось сильно изъеденным ржавчиной и рассыпалось от малейшего прикосновения. На нижней его поверхности хорошо видны остатки ткани и кожи. Под косточками левой кисти покойника найдены кедровые орехи, а слева, возле головы, лежало десять бараньих альчиков.

Не менее интересны результаты раскопок плиточных могил, в которых оказались украшения в виде цилиндрических бус из пирофиллита, сердечковидных бус и золотых спиралевидных пронизок. Там же, в плиточных

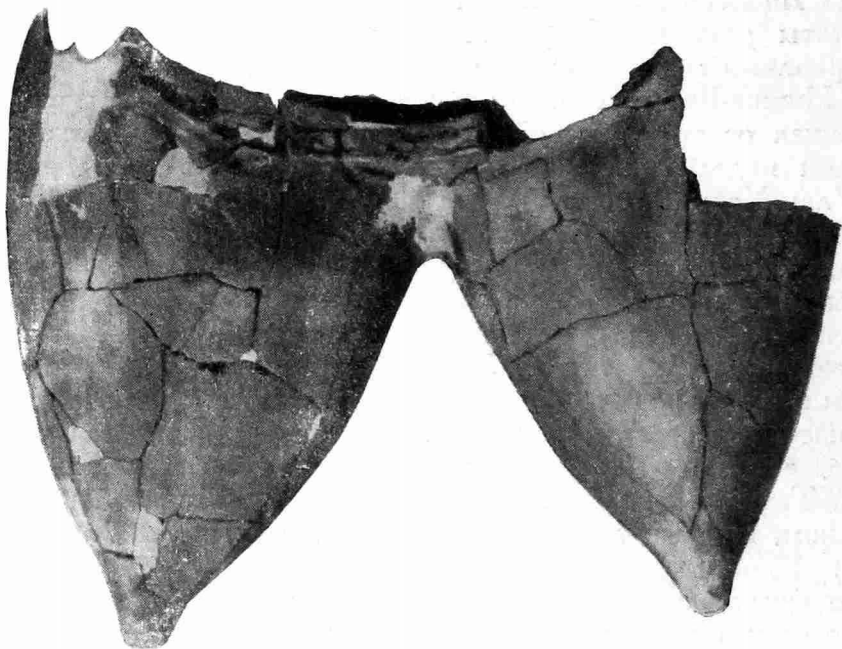

Рис. 20. Нижняя часть трипода из с. Агинского (в процессе реставрации).

могилах, обнаружены обломки глиняных сосудов — триподов древнекитойского типа с полыми внутри ножками-резервуарами. При раскопках вблизи с. Агинского найден один большой полый сосуд такого рода, распавшийся в земле на множество кусков. Восстановленный в реставрационной мастерской ЛОИИМК Е. Б. Ивановой, сосуд этот впервые дал ясное представление о забайкальских триподах бронзового века, от которых до сих пор встречались только единичные фрагменты (рис. 20).

В долине Онона экспедиция исследовала два погребения железного века, в которых обнаружены роговые пластинки от лука тюрко-монгольского типа, железные пластинки от лат центральноазиатской формы, костяные и железные наконечники стрел с шариками-свистунками и керамика, поразительно близкая к амурской. Оба погребения по всем признакам относятся к тому времени в истории юго-восточного Забайкалья, которое предшествует годам возвышения Чингис-Хана и образованию Монгольской империи.

Оказались здесь и памятники более раннего времени — неолитические стоянки, плиточные могилы бронзового века и, наконец, загадочные писаницы, выполненные красной охрой.

В районе Кондуйского городка обнаружены, кроме многочисленных плиточных могил, новые наскальные рисунки с изображением стилизованных

человеческих фигур, животных и различных условных знаков. Были осмотрены церковь с. Кондуй, в стены которой замурованы в качестве архитектурных украшений «идолы», доставленные из Кондуйского городка (рис. 21), и знаменитое Кондуйское городище. На последнем произведен обмер развалин дворца, представляющих в плане курган крестовидной формы с сохранившимися кое-где гранитными базами колонн, и составлены планы двух жилых комплексов, состоящих из двух и трех зданий внутри отдельных оград-валов.

Работы в Агинском округе и соседних с ним районах подтвердили, таким образом, богатство их разнообразными археологическими памятниками

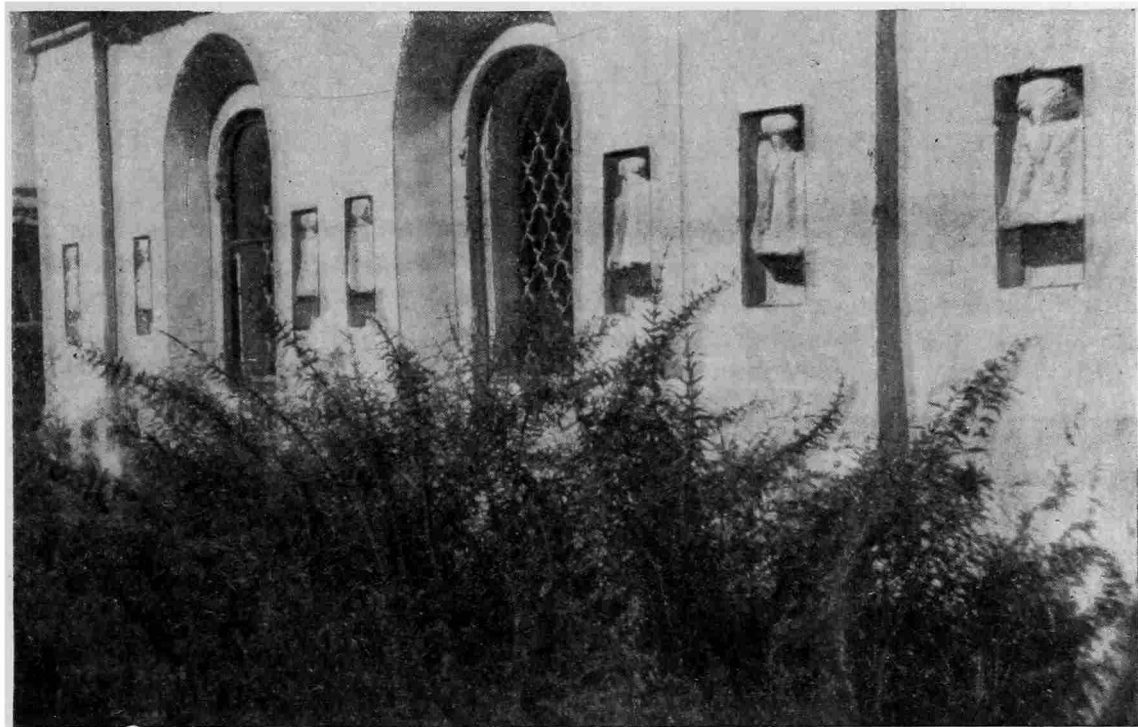

Рис. 21. Стена церкви в с. Кондуй с вмурованными в нее архитектурными деталями с Кондуйского городка.

и существенно дополнили наши представления о древнейшей истории Забайкалья.

Таковы вкратце результаты работ Бурят-Монгольской экспедиции 1947—1950 гг., которыми, как показано выше, охвачена центральная часть территории Бурят-Монгольской АССР, а также восточные районы Читинской области, а хронологически — ряд тысячелетий истории Забайкалья и Прибайкалья, с палеолита и до XIII—XIV вв. н. э.

К. В. САЛЬНИКОВ

ЮЖНО-УРАЛЬСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Южно-Уральская археологическая экспедиция 1950 г., организованная Уральским государственным университетом, Челябинским и Магнитогорским краеведческими музеями¹, силами трех отрядов произвела обследование южной части Челябинской области между Магнитогорском и Троицком с целью выявления памятников в этом совершенно не изученном в археологическом отношении районе.

Бахтинским отрядом (руководитель К. В. Сальников) обследованы берега маленькой речки Бахты, впадающей в приток Урала — Гумбейку. Уйский отряд обследовал р. Уй, от села Уйского до г. Троицка, Верхнеуральский отряд от села Уйского по притокам вышел на р. Урал и спустился до поселка Верхне-Кизыльского. Четвертый — стационарный отряд (руководитель К. В. Сальников) провел раскопки в районе Магнитогорска.

Работами экспедиции охвачено 105 памятников, преимущественно курганов, которых зарегистрировано около 500 в 71 группе. Обследовано 20 древних поселений (два неолитических, одно абашевское и 15 андроновских, два неопределенных), место разработки кремня, два медных рудника, три группы менгиров, две пещеры, три старинных кладбища и три казачьих укрепленных пикета Уйской линии XVIII в. (рис. 22).

Мало-Кизыльское селище (рис. 22—1). Основным объектом стационарных работ было селище на левом берегу р. Малый Кизыл, на огородах Супрякского поселка. На этом селище были продолжены исследования, начатые в 1948 и 1949 гг.²

В 1950 г. заложены раскоп II, площадью 88 м² (продолжение раскопа I 1949 г.), и раскоп III, площадью 214 м² к северо-востоку от раскопа I на слегка заметной небольшой круглой впадине пашни.

Раскоп II, как и I, дал единичные находки. Из них следует отметить лишь свинцовый браслетообразный предмет.

Совсем иной характер имел культурный слой, вскрытый в раскопе III. Он содержал большие скопления керамики, из которой составлялись

¹ В состав экспедиции входили: начальник экспедиции К. В. Сальников, зам. начальника и руководитель Уйского отряда Н. П. Кипарисова, руководитель Верхне-Уральского отряда В. И. Кикиморина-Фомина, сотрудник Магнитогорского музея М. Р. Уфимцев, художник Челябинского музея Я. И. Корабельников, студенты Уральского государственного университета, Челябинского и Шадринского педагогических институтов.

² К. В. Сальников. Памятник абашевской культуры близ Магнитогорска, КСИИМК, вып. XXXV; он же. Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях. КСИИМК, вып. XXXVII.

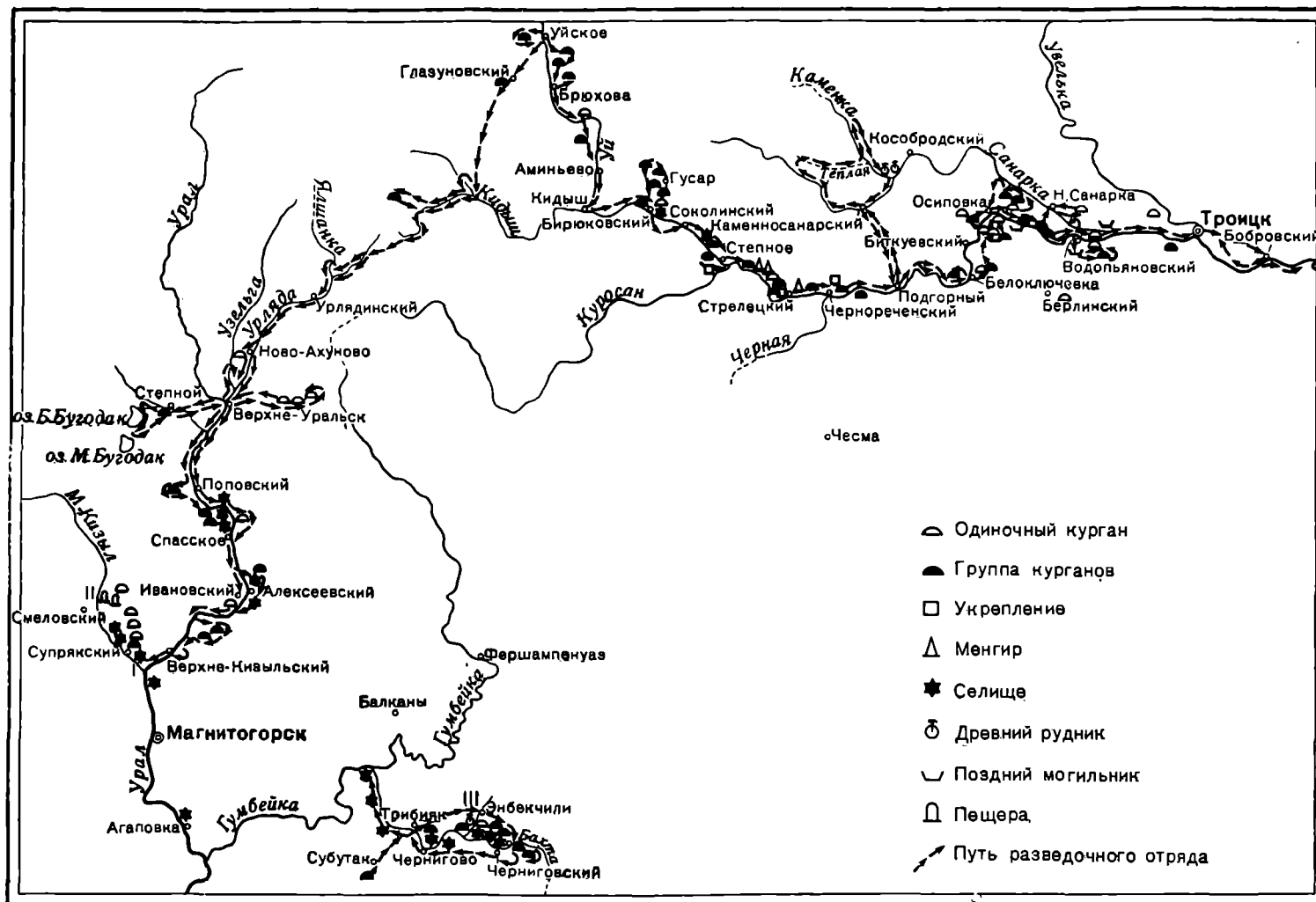

Рис. 22. Археологическая карта района работ Южно-Уральской экспедиции 1950 г.

I — Мало-Кызыльское селище; II — пещера Смеловская I; III — разработки кремня.

крупные части сосудов; раздробленные, частью обожженные кости иногда лежали целыми завалами.

Середину раскопа III занимала прямоугольная полуземлянка, ориентированная продольной осью по линии ЭСЗ — ВЮВ. Восточный конец ее уходит в стенку раскопа. Площадь вскрытой части жилища 56 м². Отчетливо прослежены северная и западная земляные стенки, врезающиеся в грунт на глубину 0,2 м, а также отрезок южной, часть которой не уловлена.

Жилище расположено на площадке, имеющей небольшой уклон к юго-востоку. При сооружении полуземлянки, чтобы сделать пол горизонтальным, повышенная северо-западная часть ее была врезана в грунт. При слабом склоне и небольшом углублении разница между глубинами северо-западной и юго-восточной частей была невелика. На профиле по линии VII видно, что южная граница жилища не нарушила грунта; она заметна в толще чернозема благодаря тому, что пол постройки, расположенный здесь на уровне грунта, покрыт толстыми углистыми и золистыми слоями, резко отличающимися от чернозема за пределами жилища. У северной стенки жилища отмечена ямка от столба. У середины западной земляной стенки обнаружена подобная же ямка, являющаяся началом ряда из четырех ямок (глубиной 18—30 см, диаметром 17—32 см), который тянется вдоль жилища несколько южнее его середины. Отсутствие ямок от столбов вдоль стен свидетельствует о том, что жилище не имело вертикальных деревянных стен, поэтому двускатная крыша должна была своими краями опираться прямо на землю. Поскольку продольный ряд ямок от столбов, поддерживавших конек крыши, расположен не посередине, надо думать, что скаты были несимметричными: южный круче северного. Следовательно, фасад выходил на юг, к реке, на солнечную сторону. Восточная стенка раскопа пересекла жилище приблизительно посередине и вскрытой оказалась только половина жилища.

Очаги находились в восточной половине жилища и, следовательно, тяготели к его середине. Они представляли простые кострища, состоящие из прокаленного участка грунтового пола, окруженного и перекрытого углистыми и золистыми прослойками мощностью до 0,2 м. Пятна прокала занимают площадь 0,75 × 2 м; 1 × 1 м; 1,35 × 1 м. В восточной части вскрытого жилища (в кв. V-5) еще одно кострище другого типа. В составе золистого слоя этого очага на площади 2 × 1,5 м обнаружена масса силикатного шлака, залегавшего площадками, которые распались на лепешкообразные куски. Среди шлаков в золе черепки глиняных сосудов.

Помимо черепков и костей в жилище найдены только два предмета: круглый каменный отбойник и кремневый наконечник стрелы (рис. 23—26).

К югу от жилища обнаружена площадка приблизительно в 8 м² с обилием культурных остатков. Они состояли из сплошного завала костей, большой груды черепков и ряда поделок: часть зернотерки в нескольких обломках, каменный терочник, обломок глиняного вкладыша для литейной формы, модель булавы с шипами из камня мягкой породы (рис. 23—29). Недалеко от площадки найдена мотыга (рис. 23—28), обломки каменного песта, кремневый наконечник стрелы. Здесь же обнаружен маленький очажок-кострище, диаметром 0,5 м, и ямка от столба.

Скопление костей, черепков и поделок залегаало в толще чернозема на уровне древней дневной поверхности. Повидимому, площадка связана с хозяйственной деятельностью обитателей жилища, протекавшей, возможно, перед входом в полуземлянку. Назначение столба, ямка от которого найдена в центре площадки, пока не ясно.

Восточнее описанной площадки, к югу от жилища, в непосредственном соседстве с ним, обнаружен огромный зольник (диаметр 2 м, толщина около 0,4 м), а к западу от площадки — два углубления, размером приблизительно по 4 м², слегка врезанные в грунт (на глубину 0,06—0,2 м). Оба

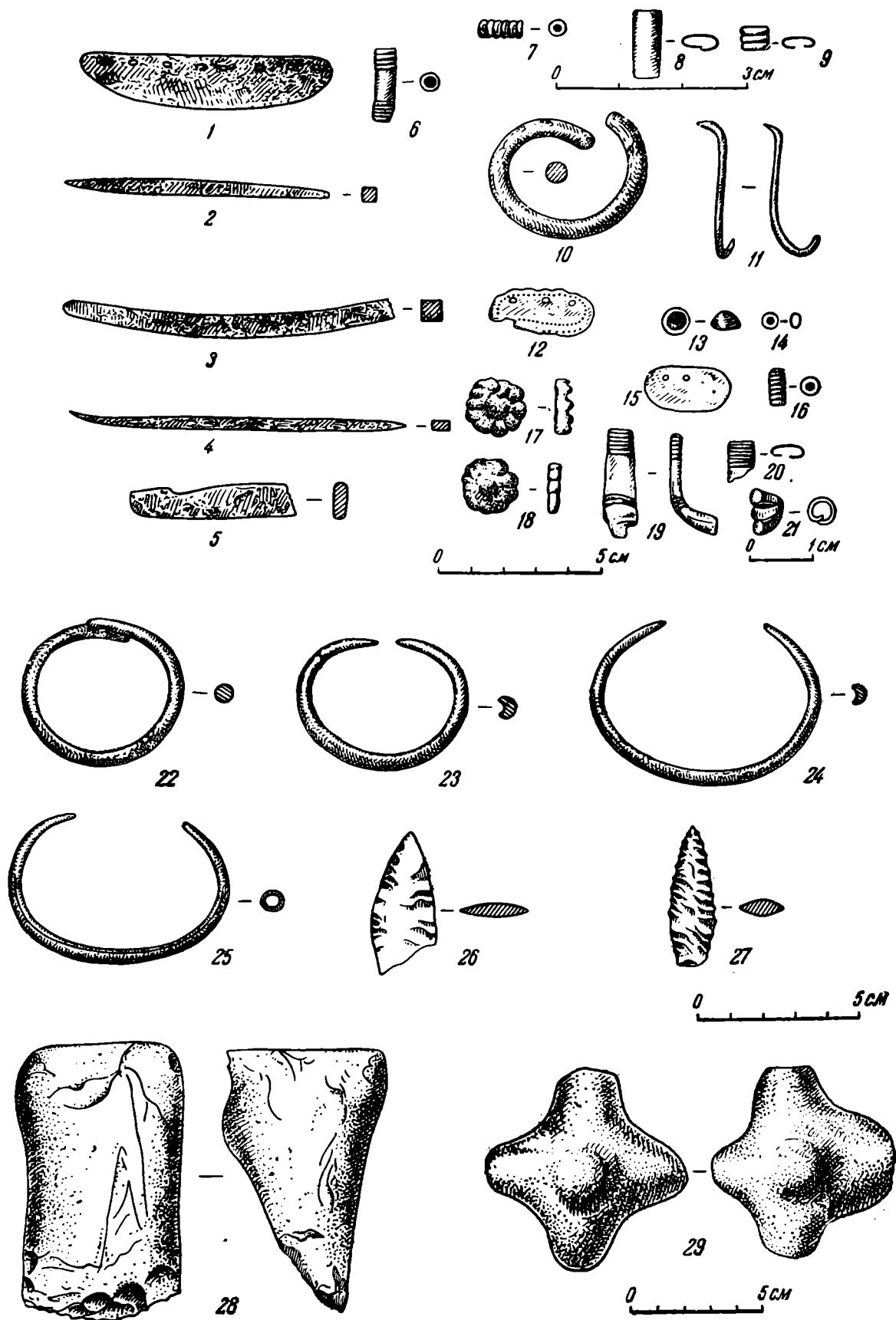

Рис. 23. Изделия из металла и камня с Мало-Кизыльского селища.

1, 6-9, 12-20 — бронзовые украшения из рва; 2, 4 — бронзовые шилья; 3, 5 — обломки бронзовых стержней; 10 — свинцовый браслет; 11 — бронзовый крючок; 21 — серебряная височная подвеска, найденная при костяке женщины; 22-25 — бронзовые браслеты, найденные при костяке женщины и в детском погребении; 26, 27 — кремневые наконечники стрел; 28 — каменная мотыга; 29 — каменная модель булавы.

углубления заполнены культурным слоем. В центре одного из них ямка от столба. Судя по незначительной глубине, в них надо видеть остаток ям, получившихся на месте выборки земли для какого-то сооружения, может быть для присыпки жилища.

В северо-западном углу раскопа, в 2—3 м от границ полуземлянки, в толще чернозема обнаружены на древней поверхности два пятна (очажка?), состоящие из лепешек силикатного шлака толщиной 1—1,5 см. Площадь одного пятна $1,5 \times 0,4$ м, другого $0,4 \times 0,4$ м.

В северо-восточном углу раскопа расчищены два очага-кострища диаметром 1,25 и 0,70 м. Они были слегка врезаны в грунтовую глину (на 0,07 м) и образовали мелкие ямки, стенки и дно которых сильно прокалены. Очаги окружены углистым слоем.

Углубление большего очага заполнено слоем черепков (около 300) от двух раздавленных крупных круглодонных сосудов. Возле кострищ найдены кости человека: нижняя половина бедренной и верхняя половина большой берцовой, обугленная фаланга, а также кальцинированные мелкие кусочки костей, часть которых лежала маленькой грудкой в ямке.

К югу от кострищ, в восточной стенке раскопа, в толще чернозема обнаружены кости предплечья человека и возле них два бронзовых браслета, вставленные друг в друга. В сделанной в стенке раскопа выемке (кв. VII-2) найден неполный костяк человека, лежащий в черноземе, повидимому, на уровне древней поверхности. Костяк, ориентированный по направлению к северо-востоку, лежал в странном положении — спиной кверху, кости рук вытянуты к северу, причем левая согнута в локте так, что кисть должна была (она не сохранилась) прикасаться к ребрам. Отсутствуют кости ног. От черепа сохранилась лишь нижняя челюсть, лежащая ветвями кверху возле шейных позвонков. Недостающие кости были удалены в древности. Возле костяка обнаружены бронзовый браслет и серебряное височное кольцо абашевского типа.

Остатки костяка нельзя рассматривать как погребение. Перед нами бесспорные следы насильственной смерти и древнего расчленения трупа. Часть его была удалена, другая — небрежно брошена. Найденные у соседнего кострища обломки бедренной и берцовой костей, обожженные и обугленные мелкие косточки могут принадлежать данному костяку. Об этом как будто говорит тот факт, что в слое возле него также были встречены обугленные косточки. Костяк несомненно принадлежал женщине, что можно заключить из находок возле него височного кольца и браслетов (рис. 23—21, 24, 25). На два метра южнее костяка, в восточной стенке раскопа на той же глубине, найден обрывок нити бус или венчика, состоящий из трех изделий: бронзовой спиральной пронизки, квадратной бронзовой и удлиненной серебряной обоймицы. Не исключена возможность, что и эти украшения относятся к тому же костяку.

Большие выемки в стенках раскопа в юго-восточном его углу обнаружили отрезок рва, тянувшегося с ЗЮЗ на ВСВ, причем в 1,2 м к востоку от границ раскопа ров под прямым углом поворачивает к ЮЮВ. Ширина рва 1,1—1,4 м, глубина 1,4 м от современной и 0,7—0,8 м от древней поверхности. Стенки его почти отвесны. Заполнение рва и прилегающие участки культурного слоя содержали, кроме обычных находок — костей и черепков, массу включений в виде зольных и глинистых пятен, отчего слой получил пеструю окраску. Над рвом и возле него найдены бронзовые четырехгранное шило (рис. 23—4) и крючок (рис. 23—11).

С самого верха в заполнении рва начали попадаться необычные находки, которые были сосредоточены в западной половине вскрытого отрезка. При прохождении первого штыка в заполнении западного конца рва найден комок охры, диаметром в 0,2 м, кусок стекловидной массы и костяк теленка, лежавший на правом боку головой к западу, череп животного отсут-

ствовал. Восточнее, в толще заполнения, кроме костей, отдельных черепков и нескольких крупных камней, разбросано много мелких бронзовых украшений: спиральные и трубчатые с рубчиками пронизки, полушарные бляшки, бляшки-розетки абашевского типа, обоймицы и т. п., а также бронзовые шило и два обломка четырехгранных стержней (рис. 23—1-3, 5-9, 12-20). Слой, содержащий эти находки, был насыщен углем, иногда прослеживались кусочки обожженных веток. Часть бронзовых украшений также подверглась, видимо, действию огня. Тут же встречались необожженные обломки костей животных. Особенно много их в нижних серых золистых слоях заполнения рва, причем кости были намеренно сильно измельчены: разрублены вдоль даже бабки (коровы), перерублены на мелкие куски ребра. Кости не подверглись разложению, чему, должно быть, способствовала зола, которая тонким слоем покрывала дно и весьма густо пропитывала заполнение.

Насыщенность заполнения находками резко падала в восточной части рва, где найдены только отдельные кости животных.

К югу от рва, на уровне древней дневной поверхности, в небольшом углублении найден полный костяк тельца, лежавший на правом боку, головой к юго-востоку. На тазовых костях обнаружена часть раздавленного сосуда. Костяк был завален крупными камнями.

Почти в центре вскрытой части жилища, на полу, к северу от очага с лепешками силикатного шлака (в кв. V-4), обнаружено трупосожжение ребенка, состоящее из кальцинированных мелких косточек. Определялся только череп, сохранившийся в виде грудки костей, среди которых молочные зубы; здесь же встречены фрагменты височных спиралек абашевского типа и бронзовый браслет из круглого прута с заходящими друг на друга концами (рис. 23—22).

Несколько поодаль найдено еще два, также небольших, детских бронзовых браслета один на другом. Форма их другая — желобчатая (рис. 23—23). К северу от черепа сохранилось небольшое пятно прокала.

Керамика селища весьма разнообразна по форме сосудов и по орнаменту.

1) Наиболее распространен тип сосудов вытянутой формы со слабо выраженной шейкой, слабо отогнутым наружу (рис. 24—1)¹, а иногда и прямым краем. У некоторых из них дно круглое.

Прочие типы представлены единичными экземплярами: 2) горшки (рис. 24—6); 3) низкие чашки, лишенные горла и с суженным дном (рис. 24—5); 4) чашки со слабо выраженным горлом и широким дном (рис. 24—4); 5) маленькие низкие мискообразные сосудики с ребром на половине высоты, хорошо выраженным горлом и отогнутым краем (рис. 24—2); 6) сосуды вазообразной формы с широким отгибом — раструбом края и узким дном (рис. 24—3); 7) сосуды с вертикальным невысоким горлом и сильно раздутым туловом, возможно бомбовидные.

Для керамики селища характерна форма днища. За исключением единичных находок (тип 6), днища отличаются мягкими, иногда совершенно незаметными переходами от стенок. Угол между стенкой и дном всегда тупой. Изредка встречаются сферические днища².

Разнородный орнамент сосудов весьма оригинален и имеет очень мало аналогий с орнаментом керамики соседних и синхронных культур. Орнамент редко покрывает всю поверхность сосудов, но в единичных случаях захватывает даже и уплощенное днище. Иногда отмечается орнаментальная полоса у дна. Встречаются и неорнаментированные сосуды.

Нанесен орнамент двумя инструментами — гребенчатым штампом и стеклом. Последним прочерчивались резные узоры, делались короткие

¹ К. В. Сальников. Памятник абашевской культуры близ Магнитогорска. КСИИМК, вып. XXXV, рис. 26, 27.

² Там же.

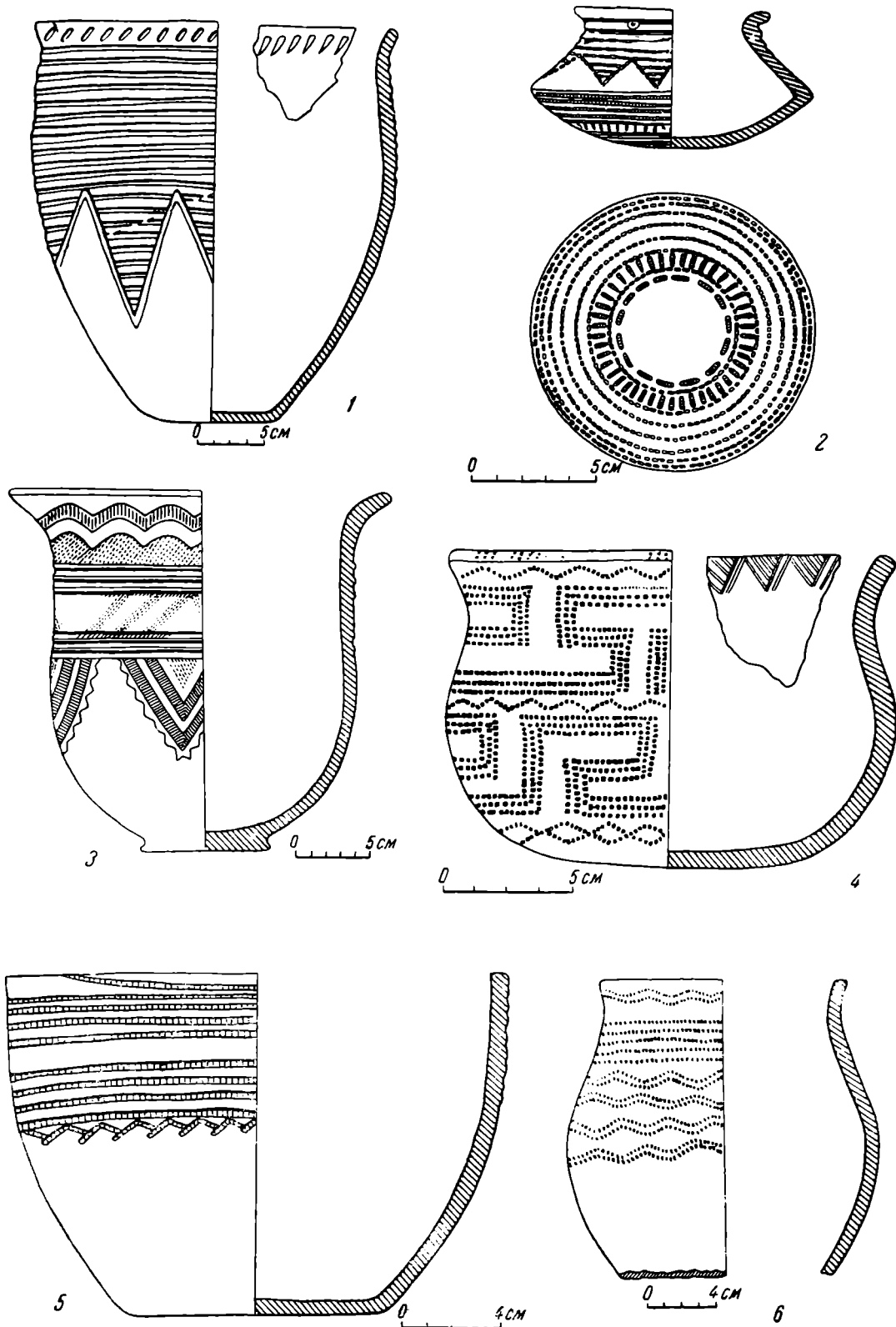

Рис. 24. Сосуды с Мало-Кизыльского селища (реконструкция).

насечки-ямки, иногда конец стека был настолько толст, что прочерчиваемые линии приобрели вид желобков шириной до 0,4—0,8 см.

Наиболее распространенными узорами, нанесенными гребенчатым штампом, являются горизонтальные или зигзагообразные пояски, которые охва-

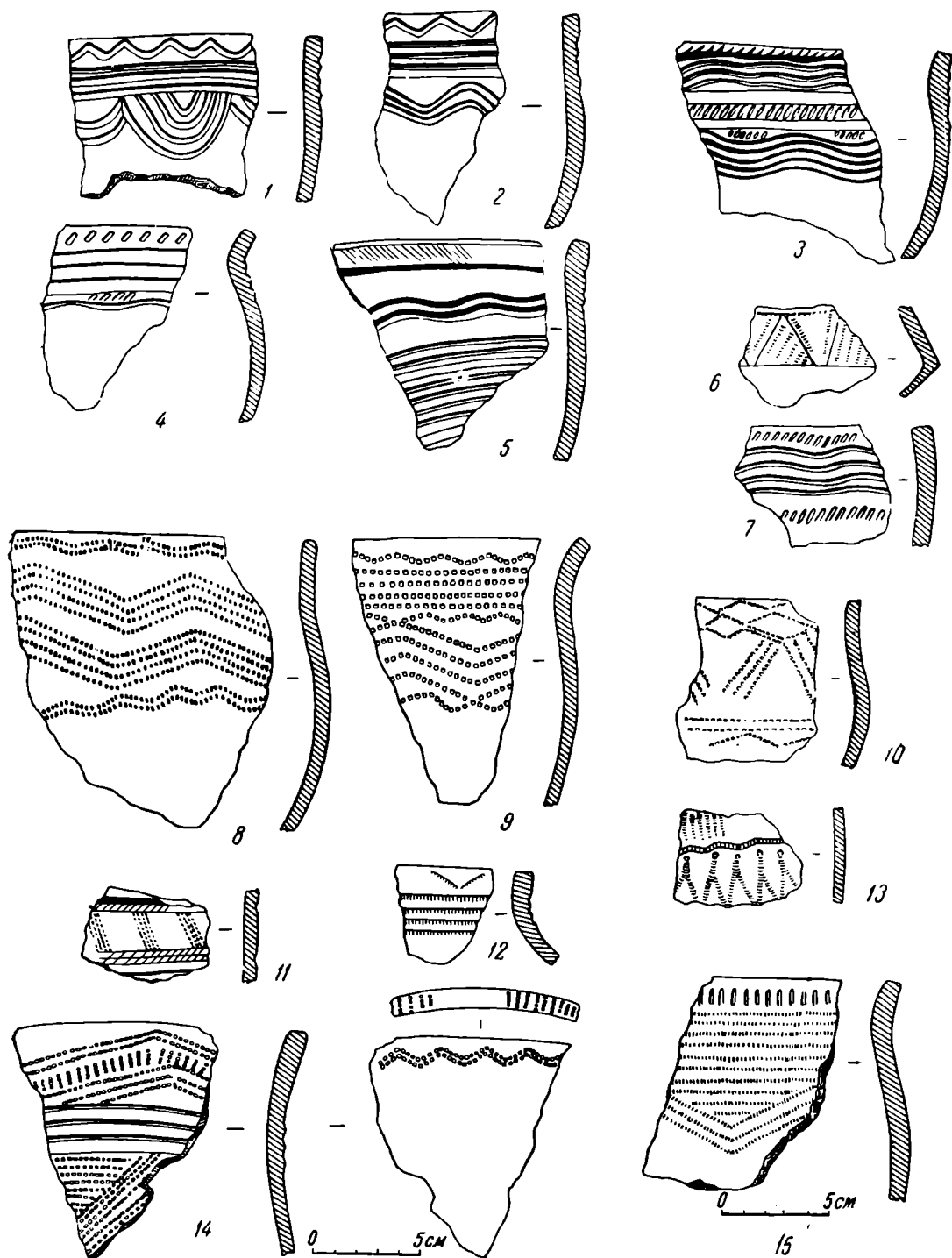

Рис. 25. Керамика с Мало-Кизыльского селища.

тывают верхнюю часть сосуда в несколько рядов, образуя сплошные широкие полосы (рис. 25—8, 9, 14). Нередко оба вида поясков сочетаются на одном сосуде. Поля поясков заканчиваются снизу зигзагом, причем иногда образуются острые углы, которые также заштриховываются горизонталь-

ными линиями¹. В некоторых случаях поля поясков ограничиваются сверху и снизу зигзагом из «гусеничных» оттисков².

Другие виды гребенчатого орнамента единичны: наклонные оттиски между двух горизонтальных зигзагов — своеобразная горизонтальная «лесенка» (рис. 25—11, 14), незаштрихованные ромбы (рис. 25—10), крутые арочки (рис. 25—10), вытянутые узкие треугольники, линии «шагающей» гребенки (рис. 25—13), меандр, горизонтальная «елочка».

На больших сосудах оттиски крупного гребенчатого штампа столь глубоки, что образуется желобок.

Резной орнамент наносился каким-то тупым и довольно толстым инструментом. Желобки, прочерченные им, образовали узор, обычно состоящий из многих рядов горизонтальных или волнистых поясков, охватывающих верхнюю половину сосуда, иногда дополняющихся рядами наклонных насечек. Последние в одних случаях обрамляют ряды поясков сверху и снизу, в других — нанесены прямо на желобки сплошь или группами, разделенными друг от друга пустым пространством (рис. 25—2 - 5, 7). Пояски в некоторых случаях покрывают всю поверхность сосуда, но нанесены чрезвычайно небрежно и слабо, отчего местами орнамент больше напоминает грубые штрихи от заглаживания поверхности гребенкой, нежели орнамент.

На одном сосуде пояски снизу заканчиваются рядом полукружий, вписанных друг в друга (рис. 25—1).

В ряде случаев узкая орнаментальная полоска оказывается на срезе горла сосуда и вдоль его внутреннего края (рис. 25—14).

По форме сосудов керамика селища не имеет ничего общего с посудой соседних памятников андроновской культуры. Отдельные сосуды находят себе аналогию среди керамики Абашевского могильника. Так, сосуды типа 5 аналогичны сосудам из кургана № 9 Абашевского могильника³. Некоторые близки колоколовидной керамике с селища Баланбаш близ Стерлитамака, на р. Белой, с которой малокизыльскую керамику связывает также характер днищ с мягким переходом к стенкам. Один уникальный сосуд (тип 6) близок сосуду из Тюнина⁴.

Преобладающие в малокизыльской керамике элементы орнамента — ряды поясков из горизонтальных и волнистых желобков, гребенчатых зигзагов, а также высокие арочки, группы насечек — мы видим прежде всего в орнаментации керамики с селища Баланбаш⁵.

Как результат некоторого влияния андроновской культуры нужно рассматривать наличие на одном лишь сосуде гребенчатого меандра, сочетающегося с зигзагами и пояском незаштрихованных ромбов, не характерных для андроновской керамики, да и сама форма этого сосуда не андроновская. По внутреннему краю сосуда нанесена узкая орнаментальная полоса — явление абсолютно не свойственное андроновской керамике.

Как известно, в керамике андроновских памятников, в свою очередь, имеют место абашевские влияния⁶.

Многие элементы формы сосудов и орнамента не связываются с андроновскими и абашевскими памятниками, в том числе и с керамикой селища Баланбаш. Эти элементы находят себе аналогии в памятниках лесной полосы Урала. Слабо выраженное горло, а иногда и отсутствие его у ряда сосу-

¹ К. В. Сальников. Указ. соч., рис. 27.

² Там же, рис. 26, 27.

³ О. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник. КСИИМК, вып. XVII, рис. 38.

⁴ А. А. Иессен. Раскопки В. Н. Глазова у с. Тюнина в 1910 г. ПИДО, № 6, 1934, стр. 96, рис. 1—1.

⁵ П. А. Дмитриев и К. В. Сальников. Раскопки на линии Уфа—Ишимбай. Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936, табл. XX и XXI.

⁶ Труды ГИМ, XVII, рис. 43, 64 и 50—1.

дов с Мало-Кизыльского селища, роднит их с прямостенной керамикой лесной полосы Урала и Зауралья, где эта форма от неолита доживает до раннежелезного века. Распространенный на изучаемом селище волнистый орнамент, может быть, нужно вести от гребенчато-волнистой керамики неолитических стоянок типа Полуденки под Тагилом¹.

Незаштрихованные ромбы на керамике памятников андроновской культуры известны нам только на одном черепке из Алексеевского селища², но они нередки в орнаментации сосудов лесных памятников: на Полуденской стоянке, на Левшинской стоянке³, на стоянке Кысы-Куль близ города Миасса и на стоянках по среднему течению р. Исети (разведка К. В. Сальникова, 1940 г.). Гусеничные оттиски, очень распространенные на керамике среднего лесного Зауралья, встречаются на Левшинской стоянке⁴.

«Шагающая» гребенка — явление обычное для керамики лесных поселений и на западном склоне Урала⁵ и на восточном (Полуденка II; раскопки Н. П. Кипарисовой).

Орнаментация внутреннего края сосуда также типична для памятников лесной полосы Урала и не характерна для степных.

Украшение сосудов широкой полосой, состоящей из многих горизонтальных поясков желобков или гребенчатых оттисков, которая занимает верхнюю часть сосуда и заканчивается снизу треугольными лопастями, заполненными такими же поясками, является характерной чертой для керамики Мало-Кизыльского селища. Подобные сплошные широкие полосы из рядов горизонтальных поясков известны на высоких горлах зауральских бомбовидных сосудов эпохи раннего железа.

Несмотря на ряд общих черт с керамикой абашевской культуры, известной по весьма ограниченному материалу, керамика Мало-Кизыльского селища имеет свои особенности, которые заставляют нас рассматривать этот памятник как уральский вариант абашевской культуры или видеть в нем проявление вновь выявленной южноуральской культуры, тесно связанной с абашевской. Характер керамики Мало-Кизыльского селища указывает на ее местное уральское происхождение.

О керамике абашевской культуры до сих пор судили обычно по сосудам из погребений Абашевского могильника, в инвентарь которых могли входить только некоторые виды посуды. Находки единственного, опубликованного, к сожалению, очень кратко, абашевского селища Баланбаш дают уже больше аналогий с малокизыльской керамикой. Можно надеяться, что по мере открытия новых абашевских поселений много будет обнаружено сосудов, сходных с малокизыльскими.

Более определенно отнести к абашевской культуре рассматриваемый памятник позволяют найденные при раскопках украшения из бронзы.

При погребениях и во рву, в раскопе III, обнаружено десять видов бронзовых украшений. Одни из них аналогичны украшениям из андроновских памятников, другие характерны для абашевских. В первую группу входят: браслеты желобчатые (рис. 23—23, 24), браслеты полые, согнутые из пластинки (рис. 23—25), спиральные пронизки (рис. 23—7, 16), бляшки полушарные (рис. 23—13), биконические бусы, выгнутые из литой трехгранной в разрезе проволоки (рис. 23—14).

Ко второй группе относятся: бляшки-розетки (рис. 23—17, 18), серебряные височные кольца, спиральные с расширенными концами (рис. 23—21), пронизки с рубчиками у концов (рис. 23—6), браслеты круглые в сечении,

¹ О. Н. Бадер. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. КСИИМК, вып. XVI, рис. 51.

² Труды ГИМ, XVII, рис. 59—19.

³ СА, т. V, рис. 13.

⁴ МИА, № 1, табл. VI, рис. 7

⁵ Там же, рис. 12.

массивные с заходящими концами (рис. 23—22), бляшки плоские овальные и полуовальные с рядом отверстий для нашивания (рис. 23—1, 15).

Почти все эти виды металлических украшений встречены в Абашевском могильнике. Характерно, что найденные в обоих памятниках спиральные с расширенными концами височные кольца сделаны из серебра. Среди украшений в погребениях Абашевского могильника не известны плоские овальные и полуовальные бляшки.

Таким образом, металлические украшения, обнаруженные на Мало-Кизыльском селище, находят себе аналогии в равной мере как в материалах андроновской, так и абашевской культур. Поскольку андроновские типы украшения широко известны и за пределами территории распространения андроновской культуры и не являются необычными для абашевских памятников, а абашевские типы не встречаются в андроновских памятниках, предпочтение в отношении определения культурной принадлежности рассматриваемого памятника надо отдать абашевской культуре.

Из других малокизыльских бронзовых изделий для абашевской культуры характерны обоюдоострые четырехгранные шильца и крючки. Аналогии двум обломкам бронзовых стержней указать не можем.

Свинцовый браслетообразный предмет из раскопа II, позидимому, является уникальной находкой для памятников эпохи бронзы Урала и соседних территорий.

Наравне со значительной насыщенностью описываемого памятника бронзовыми изделиями эта находка говорит о весьма развитой металлообработке у абашевских племен Урала, что подтверждается находкой на Мало-Кизыльском селище модели булавы и глиняного вкладыша для отливки, может быть, вислообушного топора.

Продолжали бытовать и каменные изделия, представленные крупными предметами — обломки песта, терочник, отбойник, зернотерки, и мелкими — ножевидные пластинки, иногда с ретушью по краю, наконечники стрел.

На селище обнаружено только два кремневых наконечника стрел, оба листовидной формы, имеющей массу аналогий среди находок на памятниках лесных культур, в том числе и на Урале. Подобная форма не встречается в степных памятниках: для андроновских наконечников стрел характерной надо признать подтреугольную форму с широким основанием; у малокизыльских же наконечников наибольшая ширина находится в средней части, а к основанию они суживаются.

Из других каменных изделий надо отметить модель булавы с шестью массивными отростками. Предмет изготовлен из камня какой-то мягкой породы. Один из отростков модели толще других. Он, вероятно, служил для формовки втулки булавы.

Подводя итоги результатам раскопок на Мало-Кизыльском селище в 1950 г., надо отметить большое разнообразие открытых комплексов и полученных материалов. Открыто первое жилище, прямоугольное вытянутое вдоль реки сооружение, незначительно углубленное в землю, с двухскатной асимметричной крышей, конек которой покоился на продольном ряде столбов, а края опирались на землю.

Жизнь населения в значительной доле протекала вне жилищ, возле них, на что указывают находки, сосредоточенные на площадке перед полуземлянкой, возле наружного очага.

Очаги, также не связанные с жилищем, вскрыты в северо-восточном углу раскопа III, и человеческие обожженные кости возле них, в том числе часть костяка женщины поблизости от этих очагов, наводят на мысль о каннибализме или каком-то ритуальном действии.

Бесспорно ритуальными являются предметы, найденные во рву и возле него. Бронзовые изделия входили в состав могильного инвентаря погребения

ния, совершенного по способу трупосожжения и помещенного во рву. Повидимому, ров уже существовал к моменту совершения трупосожжения и был сооружен для каких-то других целей, ничего общего с погребальными не имеющих. Зольник, обнаруженный между рвом и жилищем, возможно, был местом сожжения; прилегающий к этому месту участок рва был засыпан. При этом часть зольника, слой чернозема и даже материкового грунта под зольником снесены и пошли на засыпку, благодаря чему заполнение рва имело массу зольных и глинистых включений, в то время как за пределами участка с находками ров заполнен естественным заплывом.

Трупосожжение ребенка в жилище следует рассматривать как совершенное после того, как жилище было оставлено, если только это не результат гибели ребенка во время пожара.

Жилище и погребения, несомненно, связаны друг с другом и относятся к абашевской культуре. Хотя в погребениях найдены вещи, не встречающиеся в культурном слое (и наоборот), все же мы относим погребения и культурный слой селища к одной эпохе. Связующим звеном является Верхнекизыльский клад, содержащий бронзовые изделия того же типа, что и обнаруженные в погребениях, и сосуд одного из типов, обнаруженных в культурном слое.

Необходимо подчеркнуть, что Мало-Кизыльское селище расположено на границе территории распространения андроновских памятников. Ближайшее андроновское селище у горы Мохнатой в окрестностях Магнитогорска находится в 1,5—2 км к юго-востоку от Мало-Кизыльского. В то же время западнее, на территории южной Башкирии, известны памятники и находки вещей абашевского типа. Имеется в виду селище Баланбаш¹ и бронзовые абашевские розетки из случайных находок у дер. Кусеевой². В свете этих фактов и принимая во внимание наличие массы элементов лесных культур³ в материальной культуре Мало-Кизыльского поселения, позволительно высказать предположение о широком распространении в горах южной Башкирии памятников подобного типа, которые должны быть учтены при решении вопроса об этногенезе башкирского народа.

Пещера Смеловская I (рис. 22—II). В 3—4 км от поселка Смеловского, в известняковом обрыве левого берега р. Малый Кизыл, обследованы две небольшие пещеры.

Более обширна верхняя по течению — Смеловская I. Вход в нее расположен приблизительно в 5 м над летним уровнем воды и легко доступен со стороны берега. Устье пещеры имеет низкий полукруглый свод, шириной 2,5 м, максимальной высоты 0,7 м. Общая длина от входа до задней стенки 4,85 м.

В плане пещера состоит из трех частей: вход, длиной около 2 м, камера овальной формы, два рукава: один идет от камеры вправо и заканчивается тупиком, образованным завалом; другой уходит в глубь скалы против входа, затем поворачивает, сужается и делается недоступным для исследования. Максимальная высота пещеры 1,3 м.

В пещере вскрыто 10 м² площади пола. В археологическом отношении наслоения можно разделить на четыре горизонта.

Первый — гумусированный современный; второй — состоит из стерильных наслоений глины и продолжается до глубины 0,4—0,5 м от поверхности; третий — содержит глину различных расцветок, куски щебенки с пятнами копоти или мелких углей, кости животных расколотые, а иногда цельные. Очажного слоя проследить не удалось, но местами обнаружены небольшие

¹ П. А. Дмитриев и К. В. Сальников. Указ. соч.

² Хранятся в Чкаловском краеведческом музее.

³ В этой связи надо упомянуть случайную находку весной 1950 г. на территории селища бронзового вислобушного топора, аналогичного найденному на Горбуновском торфянике.

скопления закопченной щебенки по соседству с включениями угля. Этот горизонт простирался с глубины 0,4—0,5 м до 1,1—1,3 м.

Всего собрано 459 костей и обломков, из них более крупных 153. Наиболее насыщен слой бурой и серобурой глины, залегающий на глубине 0,92—1,3 м.

Наличие мелких осколков продольно расколотых трубчатых костей, нарезок на некоторых костях — свидетельство того, что отложения костей в пещере связаны с деятельностью человека, что подтверждается также находками угля и закопченной щебенки.

На глубине 0,62—0,75 м встречено три кремня: отщеп, ножевидная трехгранная в разрезе пластинка, обломок ножевидной пластинки с двусторонней ретушью по обоим краям.

Описанные находки не оставляют сомнения, что пещера посещалась древним человеком.

Надо отметить, что среди костей животных встречаются трубчатые, не подвергавшиеся раскалыванию; некоторые экземпляры костей носят на себе явные следы зубов хищников.

Отсутствие насыщенного, ярко выраженного культурного слоя и наличие костей, затащенных в пещеру хищниками, заставляют рассматривать Смеловскую пещеру как место кратковременных охотничьих стоянок.

Четвертый горизонт (глубина 1,1—1,45 м) содержит бурую глину с галькой и подстилается сплошным слоем щебенки, представляющим, видимо, результат разрушения скалистого дна пещеры. В щебенке, как и в бурой глине с галькой, встречаются обломки зубов животных, но они уже не представляют археологического интереса, поскольку некоторая окатанность их есть результат деятельности воды.

Пещера Смеловская I имеет много общего с пещерами в бассейне р. Юрюзани, исследованными С. Н. Бибиковым в 1938—1939 гг. Их объединяет карстовый характер, небольшие размеры, малочисленность находок кремневых орудий. Если в ряде юрюзанских пещер (Ключевая, Бурановская) культурный слой ясно выражен, то в других (Гребневая пещера, Орловский и Никольский навесы), так же как и в Смеловской I, он недостаточно насыщен.

Отсутствует выраженный очажный слой.

Изучение кремневых изделий не дает возможности с уверенностью считать пещеру Смеловскую I палеолитической, но присутствие костей ледниковой фауны (пещерная гиена, тигро-лев, носорог, гигантский олень) делает такую датировку вероятной.

Разработка кремня (рис. 22—III). В 1949 г. геологом С. В. Лопатиным в Нагайбакском районе, близ аула Энбекчили, в шурфе и возле него, были собраны кремни.

Бахтинским отрядом на месте находок С. В. Лопатина, в 2,5 км к юго-западу от аула Энбекчили, на пологом склоне небольшой возвышенности, были осмотрены выходы кремневых глыб, вокруг которых на площади свыше 0,5 гектара встречаются на поверхности мелкие кремни. Шурф С. В. Лопатина был расширен; заложена траншея, длиной 9 м при ширине 1 м, доведенная до глубины 2,2 м. Траншея дала следующие наслоения. Под черноземом, мощностью в 0,3—0,4 м, залегают разнородные суглинки и глины, в которые в западной половине траншеи врезается котлообразное углубление, диаметром 4 м, глубиной 2,2 м, сильно сужающееся книзу. Углубление заполнено разнородными слоями, в которых встречается кремень в виде небольших осколков, кусков и глыб до 1 м диаметром. Заполнение углубления состоит из трех слоев гумуса, разделенных пестроцветными глинами. Нижний слой подстилается гумусированной глиной. Если в углублении кремень встречается до глубины 1,6 м, то вне его он проникает только в почвенно-растительный слой (чернозем).

Среди кремня, собранного в черноземе, в углублении и на поверхности, имеются экземпляры со следами преднамеренного откола, отщепы, ножевидные пластинки, нуклеидные обломки, но ни на одном из них не замечено ретуши и других следов обработки, что позволило бы рассматривать часть находок как бесспорные орудия. Здесь в древности были разработки кремня, на это указывает вскрытое углубление, заполненное гумусированными слоями с черноземом, и наличие кремней со следами преднамеренных отколов. Выработки орудий здесь не производилось. Дело ограничилось, видимо, первичной оббивкой и расколом, может быть, в целях определения качества кремня.

В 1950 г. небольшие раскопки были произведены еще на ряде памятников. В 1,5 км от Мало-Кизыльского селища, вверх по р. Малый Кизыл, раскопано во II Мало-Кизыльском могильнике три кургана. В двух оказались погребения эпохи ранней бронзы, в третьем — два погребения: основное — эпохи ранней бронзы и впускное — сарматской, прохоровской культуры. Еще выше по реке, на левом ее берегу, разведочными шурфами выявлены две энеолитических стоянки. На р. Уй, у пос. Бирюковского, доследован частично смытый рекой курган с ограбленным андроновским погребением. У поселка № 108 на р. Бахте, на берегу озера Лебединого, раскопан небольшой курганчик с каменной обкладкой, содержащий вытянутый на спине костяк, ориентированный головой к западу, лишенный инвентаря. Это погребение — типичное для золотоордынского времени.

Главнейший итог работ Южно-Уральской экспедиции 1950 г. — выявление значительного количества памятников в ранее не изученных районах и исследование на материалах Мало-Кизыльского селища новой для Зауралья культуры эпохи бронзы. Необходимо продолжить изучение этого памятника в более широких размерах и выяснить отношение его культуры и культуры древнего населения Башкирии.

И. В. С И Н И Ц Ы Н

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ И ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ

Археологическая экспедиция Саратовского университета и Областного музея продолжала в 1950 г. раскопки и разведки, начатые в 1948—1949 гг. в низовьях Узеней в пределах Джангалинского района Западного Казахстана¹. В Саратовской области произведены разведки по р. Терешке, в Воскресенском районе и в окрестностях г. Вольска.

Основная работа экспедиции в Западном Казахстане была направлена на раскопки курганного могильника Кара-Оба, расположенного на левом берегу Малого Узеня, в 6 км к северо-востоку от с. Джангалы (Новая Казанка). Одновременно экспедиция вела дополнительные разведки дюнных поселений, обнаруженных в прошлые годы по берегам озер Сары-Айдин, Раим и др. В результате произведенных работ получен разнообразный материал, позволяющий наметить основные исторические этапы заселения этого района, а также выявить общность культур Северного Прикаспия, Юго-западного Приуралья и Приаралья.

Самыми ранними памятниками изучаемого района являются дюнные поселения с кремневым микролитическим инвентарем, расположенные по берегам озер, у водоемов, по склонам песчаных, местами сильно развеянных дюн. В отдельных пунктах следы поселений обнаруживаются непосредственно на береговой линии. Это позволяет сделать заключение, что уровень воды в озерах в эпоху существования древних населенных пунктов сравнительно мало отличался от современного. Наблюдения и находки среди дюн остатков поселений, а также разновременных погребений, от эпохи бронзы до позднего средневековья (XV—XVI вв.), свидетельствуют, что дюны пришли в движение в последние два-три столетия, образовав места огромные всхолмления с ложбинами выдувания.

Среди находок вместе с кремневыми орудиями встречается разнообразная керамика, плохо сохранившиеся кости животных, птиц и местами огромные скопления костей рыб. Вследствие движения дюн культурный слой нарушен и стратиграфически расчленить находимый материал весьма затруднительно. Для выяснения хронологической последовательности поселений исключительно важны две стоянки на гряде дюн, между озерами Раим и Сары-Айдин, в 2 км к юго-востоку от Джангалы. Культурный слой здесь также нарушен и находки встречаются на поверхности дюн, в неглубоких котлованах выдувания.

Отличительной особенностью этих стоянок является то, что на них совершенно отсутствует встречающаяся в большом количестве на других

¹ КСИИМК, вып. XXXII, 1950; вып. XXXVII, 1951.

памятниках керамика, характерная для эпохи бронзы срубно-хвалынского и андроновского времени. Вместе с кремневыми орудиями микролитического облика на стоянках изредка встречаются черепки посуды, преимущественно с гребенчатым орнаментом, более древнего, неолитического облика. Особый интерес представляет находка на стоянке № 1 места «мастерской» по изготовлению кремневых орудий. В центре поселения, на чистом песке, небольшая площадка (диаметром 3,5 м) была сплошь покрыта кремневыми обломками пластин, сколами и мелкими отщепами. Собрано свыше тысячи кремневых отщепов и осколков, среди которых несколько конусовидных нуклеусов. Такое скопление осколков кремня, наличие нуклеусов, а также форма занятой ими площадки определенно свидетельствуют о том, что здесь находилось круглое наземное сооружение, где производилась выделка кремневых орудий.

Из собранного со всех стоянок многочисленного кремневого материала наиболее выразительны ножевидные пластинки, различной формы скребки, проколки, сегментовидные вкладыши, трапеции, нуклеусы, наконечники стрел. В большинстве орудия изготовлены из кремня хорошего качества. Кремнь преимущественно серый, полупрозрачный, нередко коричневатого и светложелтого цвета.

Аналогичный кремневый инвентарь дюнных поселений широко распространен не только в пределах Прикаспийской низменности, но и во многих районах Казахстана. На восток и юго-восток от Урала подобные поселения в последние годы обнаружены в ряде районов — по Уилу, Сагизу, Эмбе, в пределах Тургая и всего Приаралья. На этой огромной территории выявляется поразительное сходство не только отдельных категорий микролитических орудий, но и самих поселений. Это сходство было обусловлено общностью хозяйственных форм и этническим единством древнейшего населения Северного Прикаспия и Приаралья. И едва ли можно признать правильным заключение, «что в эпоху позднего неолита и ранней бронзы Казахстан в культурном отношении не был единым, а здесь было несколько культур»¹. Скорее можно утверждать, что древнейшие поселения во всем своем комплексе отражают этническое единство охотничье-рыболовецких племен. Лишь в дальнейшем, в конце III и во II тысячелетии до н. э. вместе с хозяйственным и общественным развитием более ярко выявляются местные особенности в виде культур — андроновской в пределах Казахстана, срубно-хвалынской в Нижнем Поволжье.

Этот поздний этап родового общества эпохи бронзы на изучаемой территории также прослеживается по археологическим материалам. Поселения эпохи бронзы были открыты в Джангалинском районе еще при обследовании низовьев Узеней в 1948—1949 гг. В этом году они вновь дали интересный дополнительный материал.

Среди находок на поселениях особенно многочисленна керамика, довольно разнообразная по форме, размерам, орнаменту: почти в каждом комплексе имеются черепки от горшков, поверхность которых сплошь покрыта оттиском гребенчатого штампа, образующим елочный рисунок, горизонтальные линии или другие элементы. Нередко встречаются черепки с мелким или крупным вдавленным ямочным орнаментом, нанесенным концом круглой или плоской палочки на сырые стенки сосуда.

Наиболее распространенную группу керамики представляют сосуды баночной формы с прямыми или слегка выпуклыми стенками. Сосуды этого типа, как правило, имеют прямой край, несколько округлые или почти прямые стенки, широкое горло, плоское и массивное дно. Поверхность их

¹ А. А. Формозов. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 147; он же. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом. «Бюлл. ком. по изучен. четверт. периода», № 15, 1950.

нередко украшена несложным орнаментом в виде нарезных линий, треугольников, расположенных обычно в верхней части сосудов (рис. 26). Посуда этого типа в большинстве случаев имеет до 15—18 см в высоту, такой же диаметр горла, дно до 10—12 см. Были в употреблении и крупные сосуды с широким горлом и туловом, высотой до 40 см.

Вместе с керамикой встречаются различные предметы быта, глиняные пряслица цилиндрической формы. В одном пункте у озера Сары-Айдин

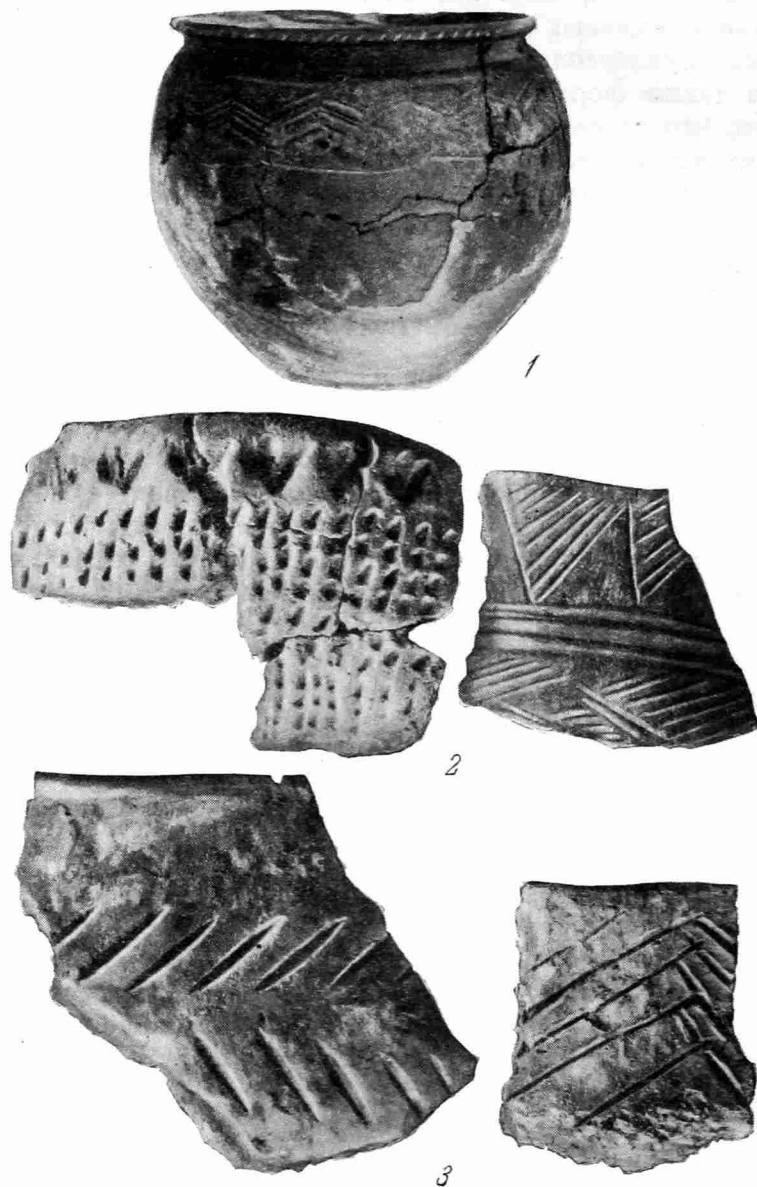

Рис. 26. Керамика с поселений близ Джангалы.

1 — сосуд с жертвенного места (1/2, нат. вел.); 2—3 — фрагменты орнаментированной керамики.

найдено пряслице, сделанное из головки бедренной кости животного. Из немногочисленных каменных предметов отметим несколько обломков небольшого размера плит из песчаника, служивших точильными или шлифовальными камнями. Некоторые из них использовались в качестве зерноотерок.

В процессе разведок, кроме отдельных находок на поселениях, зарегистрировано несколько разрушенных, а также частично или полностью сохранившихся погребений. К последним относится обнаруженное на посе-

лении № 1, к юго-востоку от озера Раим. В момент открытия погребение частично находилось на поверхности. Могила была вырыта в чистом песке, и очертание могильной ямы выявить не было возможности. Мужской скелет лежал на левом боку в скорченном положении, грудью вниз, головой на северо-запад, череп несколько отклонен к западу, ноги сильно согнуты — бедра лежали под прямым углом к позвоночнику, пятки касались бедренных и тазовых костей. Перед лицом стоял глиняный горшок баночной формы, с несколько выпуклыми боками и чуть отогнутым наружу венчиком. Высота горшка 16 см, диаметр горла 16 см, дна 10 см.

Особенно интересными и важными оказались находки погребений и жертвенного места на берегу озера Сары-Айдин, близ старого моста через М. Узень. Здесь с юго-восточной стороны поселения, по склону развеевной дюны, обнаружено пять погребений, расположенных на небольшом расстоянии (40—60 м) друг от друга. Четыре могилы сильно развеевны ветром и движением дюн; уцелели плохо сохранившиеся кости человека, черепки посуды. Одно погребение сохранилось полностью. Скелет мужчины среднего возраста лежал на левом боку, грудью вниз, головой на восток, руки согнуты, так что кисти были перед лицом, ноги сильно согнуты в коленях — бедра лежали перпендикулярно к позвоночнику, берцовые кости — параллельно бедрам. Никаких вещей при погребении не оказалось.

Здесь же, между погребениями, на небольшом расстоянии друг от друга, в шести точках обнаружены жертвенные сосуды. Вследствие развеевания дюн сосуды (в черепках) лежали непосредственно на поверхности. В одном случае сохранившийся большой сосуд (рис. 26—1) стоял вверх дном и прикрывал предметы, повидимому, ритуального значения. Среди них: каменный курант ручной зернотерки с тщательно зашлифованной одной стороной, большой бесформенный камень-песчаник красного цвета и обрубленная кость крупного животного (нога коровы).

Керамика погребений и жертвенных мест совершенно однородна с керамикой поселения, что указывает на одновременность всего комплекса. Анализ керамики и бытовых предметов поселений Джангалинского района позволяет определить их место среди многочисленных памятников андроновской и срубно-хвалынской культуры. Особенно близкими памятниками этого типа являются такие поселения, как Алексеевское в Западном Казахстане¹, Максютовское и Успенское в Нижнем Поволжье² и ряд других, многие элементы материальной культуры которых находят себе полные аналогии среди находок Джангалинских поселений. Ритуальные особенности, связанные с устройством погребений и жертвенных мест, указывают на этническое родство племен, оставивших упомянутые памятники.

В этом отношении исключительный интерес представляет сопоставление ритуальных особенностей погребений и жертвенных мест, обнаруженных на Джангалинском и Алексеевском поселениях. Наблюдается полная аналогия обряда жертвоприношения.

О. А. Гракова, характеризуя ритуальные особенности открытого ею жертвенного места на Алексеевском могильнике, отмечает, что «жертвенное место на Алексеевском могильнике пока остается единственным памятником подобного рода как в андроновской, так и в сходной с ней срубной культуре»³. Можно считать, что жертвенное место на Джангалинском поселении является вторым аналогичным памятником, свидетельствующим не только о сходстве ритуала, но и об этническом единстве населения Узней, Тобола и всего Приуралья.

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, XVII, 1948.

² И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, т. XI, 1949.

³ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 73.

Курганный могильник Кара-Оба

Вторым объектом археологических исследований был курганный могильник Кара-Оба на левом берегу М. Узенья, в 6 км к северо-востоку от Джангалы, в местности Джас-аул. В группе насчитывается до 40 насыпей; они никогда не подвергались распашке и прекрасно сохранились. Большая часть их имеет правильную полушарную форму с оплывшей южной полкой и более крутой северной. Диаметр насыпей 12—30 м при высоте от 50 см до 2,5 м. Курганы этого типа содержали погребения скифо-сарматской культуры.

Второй тип курганов — небольшие, хорошо подобранные насыпи, диаметром 5—10 м, при высоте от 30 см до 1 м, под которыми оказались грунтовые могилы с погребениями золотоордынского времени.

Всего в группе раскопано 13 курганов. Из них в девяти оказалось 14 погребений скифо-сарматского времени и в четырех — погребения кочевников золотоордынского времени (XIII—XIV вв.).

Наиболее выразительные и интересные материалы получены из курганных погребений скифо-сарматского времени. Как правило, каждый курган содержал одну могильную яму с одним скелетом. Лишь в трех курганах были впускные могилы. В двух могилах обнаружены захоронения женщины с ребенком младенческого возраста.

Три кургана оказались ограбленными в древности; над ограбленными могилами раннесарматского времени устроены впускные позднесарматские погребения (V—VIII вв.).

Анализ могильного инвентаря и погребального ритуала, а также стратиграфические данные в расположении могил позволяют установить хронологическую последовательность открытых погребений и тем самым выявить исторические этапы развития скифо-сарматских племен на изучаемой территории.

Наиболее раннее — погребение № 1 из кургана № 11. По форме могилы, погребальному ритуалу и инвентарю оно резко отличается от всех погребений данной группы. Могила прямоугольной формы, ориентирована длинной стороной по линии восток — запад. Вокруг нее на горизонте было сосредоточено большое скопление угля и золы — остатков сгоревшего здесь костра. На дне могилы скелет погребенного лежал на спине, вытянуто, головой на запад.

Датирующими погребение являются предметы вооружения — железный меч, копьё и бронзовые наконечники стрел. Железный меч (акинак) имеет типичную форму скифских мечей. Общая длина его около 50 см (конец обломан). Полоса плоская с обеих сторон. Ширина ее у перекрестья 5,4 см. Перекрестие сердцевидной формы, наверху заканчивается завитками, соединенными в середине узкой полоской. С внешней стороны завитки ограничены прямыми линиями (рис. 27—1). Из-за ржавчины детали наверху не прослеживаются. Не менее типичны бронзовые трехгранные наконечники стрел и железное втульчатое копьё (рис. 27—2). Общая длина копья 29 см, перо — в форме длинного листа. Наибольшая ширина пера в средней части 4,7 см.

Аналогичные мечи-акинаки, копьё, наконечники стрел хорошо известны по многим комплексам скифских погребений и отдельным находкам на широкой степной полосе Юго-востока, от Северного Причерноморья до Южного Приуралья¹.

¹ Ханенко. «Древности Приднепровья», вып. III, 1900, табл. 55; Н. Я. Мерперт. Акинак с когтевидным навершием. КСИИМК, вып. XXII, 1948; С. И. Капшина. Погребения скифского типа в Ольвии. СА, т. XIII, 1950, рис. 9; М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАДР, вып. 37, табл. VII, рис. 14.

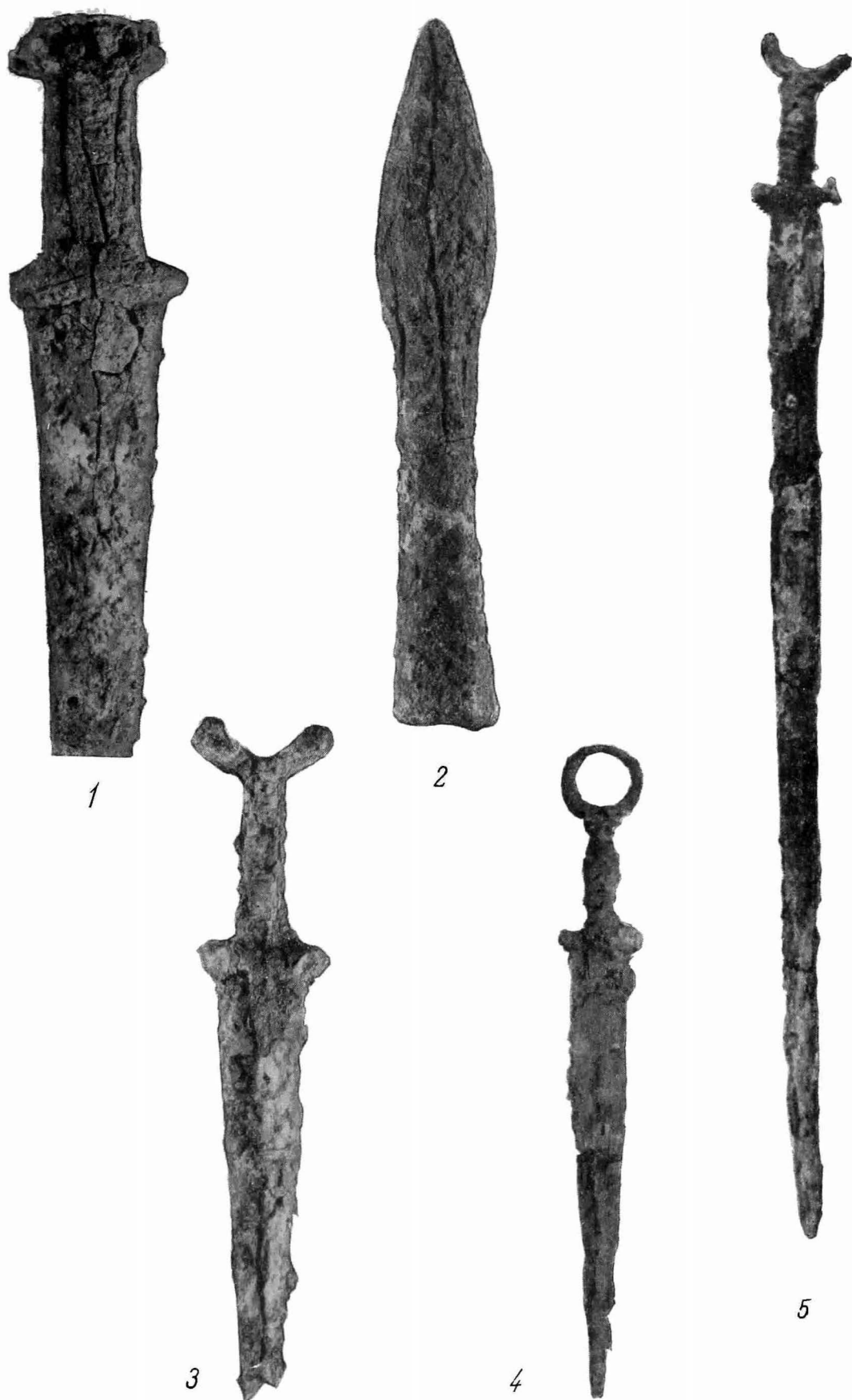

Рис. 27. Железное оружие из курганного могильника Кара-Оба.

1 — акынак (1/5 нат. вел.); 2 — наконечник копья (1/3 нат. вел.) из погребения первого кургана № 11;
 3 — кинжал из погребения второго кургана № 10 (1/3 нат. вел.); 4 — кинжал (1/4 нат. вел.); 5 — меч
 (1/6 нат. вел.) из погребения второго кургана № 11.

Описываемое погребение Кара-Обского могильника не представляет исключения из комплекса погребений, хронологически определяемых, преимущественно V—IV вв. до н. э.

К следующему культурно-историческому этапу относятся погребения с одинаковым ритуалом и весьма выразительным комплексом могильного инвентаря. Вскрыто 11 погребений в девяти курганах. Из них в семи было по одному погребению, в двух по две могилы также с одиночными погребениями; в двух могилах вместе с женскими скелетами находились скелеты детей, умерших в младенческом возрасте (курган № 10, погребение № 2; курган № 13).

Основной тип могильных сооружений — большая яма удлиненно прямоугольной формы, ориентированная длинными сторонами с юга на север. Длина ям 2,5—2,8 м, ширина до 1,5 м, глубина 2—2,8 м. Вдоль длинных стенок — заплечики. Две могилы с подбоем под восточной стеной.

Погребальный обряд и инвентарь весьма однообразны. Скелеты во всех случаях лежат на спине, с вытянутыми конечностями, головой на юг. При каждом погребении в могилу клались куски бараньего мяса — передние ноги с лопатками, в одном случае — череп барана и ребра лошади. Во всех погребениях находились глиняные сосуды, ритуальные сосудики-курильницы, оружие, украшения — бусы, бронзовые зеркала. Некоторые категории предметов встречаются и в мужских и в женских погребениях.

Показателен инвентарь мужских погребений, свидетельствующий о широком распространении вооружения. Во всех мужских погребениях найдены железные мечи, кинжалы, железные черешковые наконечники стрел, остатки кожаных колчанов. Важно отметить наличие оружия и при одном женском погребении с ребенком младенческого возраста (курган № 10, погребение № 2). В нем вместе с другими предметами ритуала, около плеча правой руки, положены: железный кинжал с серповидным навершием и прямым перекрестием (рис. 27—3), железные трехгранные черешковые наконечники стрел, кожаный колчан.

Мечи и кинжалы имели устойчивую форму: серповидное навершие, прямое перекрестие и округлую рукоять, обмотанную узким ремнем. Лишь в одном погребении (курган № 11, погребение № 2) вместе с длинным мечом (105 см) с серповидным навершием (рис. 27—5), помещался кинжал с кольцевидным навершием (рис. 27—4). Длина кинжала 43 см. На всех кинжалах и мечах сохранились остатки деревянных ножен.

Длинные мечи и кинжалы указанного типа имеют многочисленные аналогии в погребениях прохоровской культуры Южного Приуралья¹ и Нижнего Поволжья².

Одиночные погребения с мечами подобного типа известны на правобережной степной полосе Волги, в районе Степного, в местности Бичкин Булук (наши раскопки 1937 г.), в раскопках М. И. Артамонова и Г. В. Подгаецкого на Маныче³ и на Дону, у ст. Цымлянкой (раскопки 1950 г.). Погребения этого типа в указанных районах встречаются в качестве впускных в курганах эпохи бронзы и не образуют целых групп, что наблюдается на Узеньях, в Заволжье.

Не менее характерными являются и другие предметы могильного инвентаря. Особо следует отметить бронзовые зеркала, найденные во всех муж-

¹ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области. МАР, вып. 37, табл. III—VI; Б. Н. Граков. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда. «Тр. секции археол. РАН ИОН», т. IV, 1928; П. А. Дмитриев и К. В. Сальников. Отчет о раскопках Уфа—Ишимбаево. «Археолог. исследования в РСФСР», 1934—1936 гг., 1941, стр. 138, табл. XXIII, рис. 8; К. В. Сальников. Сарматские курганы близ г. Орска. МИА, № 1, 1940.

² И. В. Сидицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. «Уч. зап. СГУ», вып. XVII, 1947.

³ Изв. ГАИМК, № 109, стр. 209, рис. 195; СА, т. XI, стр. 321, рис. 18.

ских и женских погребениях. Все они однотипны; диаметр диска от 10 до 18 см; одна сторона диска плоская, другая с овальным широким ободком по краю (рис. 28—2). Большинство зеркал положено в могилу в разбитом виде.

Из бронзовых предметов весьма оригинален крючок в виде головы грифона на четырех стойках и кольцевой основе (рис. 28—3). Предмет

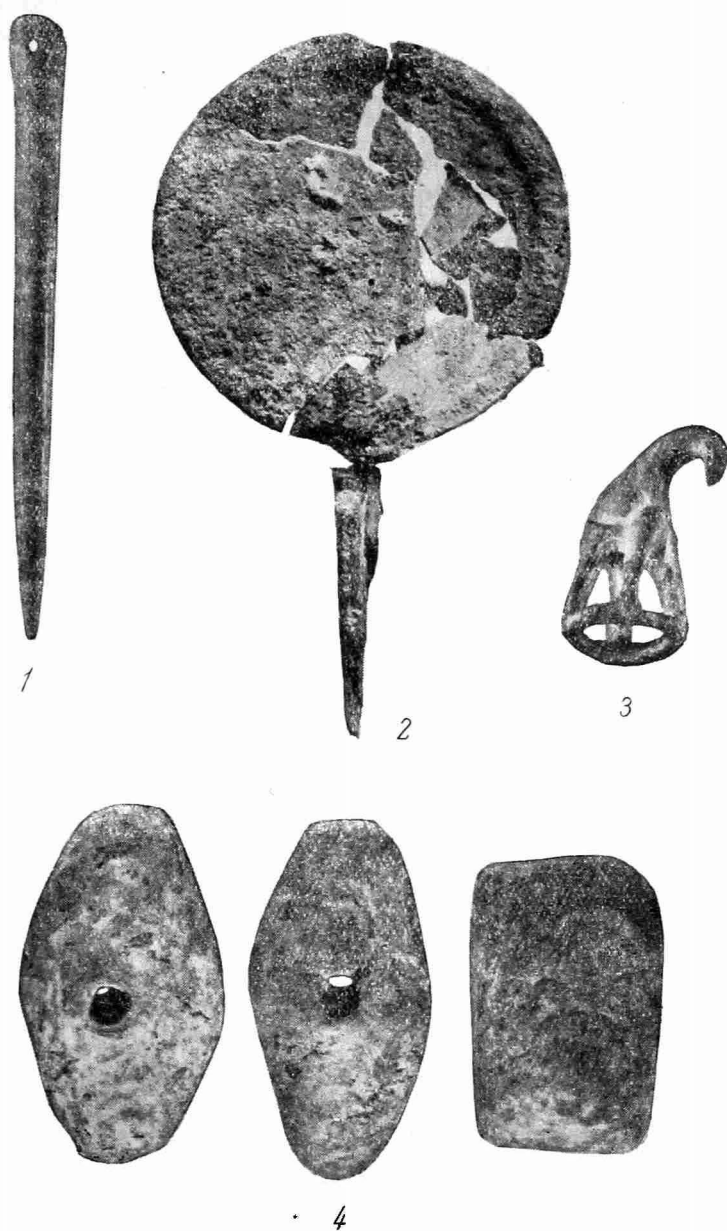

Рис. 28. Инвентарь из курганного могильника Кара-Оба.

1 — костяная игла (1/2 нат. вел.); 2 — бронзовое зеркало из кургана № 13 (1/2 нат. вел.); 3 — бронзовый крючок из погребения второго кургана № 11 (нат. вел.); 4 — глиняные предметы из кургана № 9 (2/3 нат. вел.).

находился под перекрестием большого меча, рядом с кожаным колчаном; можно предполагать, что он служил крючком от ножен меча или от колчана.

Среди украшений выделяется однообразный набор бус из гагата и стекла. Наиболее многочисленны — гагатовые двух форм: крупные шарообразные и мелкие плоские. Бусы находились не только на шее погребенных, но и на руках вокруг запястий, а также на ногах несколько выше ступней. В одном женском погребении (курган № 13) вместе с бусами

на груди помещались подвески из розового коралла. В отдельных погребениях отмечены бронзовые серьги из тонкой проволоки.

Из костяных предметов отметим находку в женском погребении (курган № 9) игольника из трубчатой кости овцы (длина 12 см, диаметр 1,4 см). В мужском погребении (курган № 11, погребение № 2) найдена костяная игла с ушком, просверленным сбоку на конце (рис. 28—1). Поверхность ее тщательно полирована, длина 19 см. В том же погребении

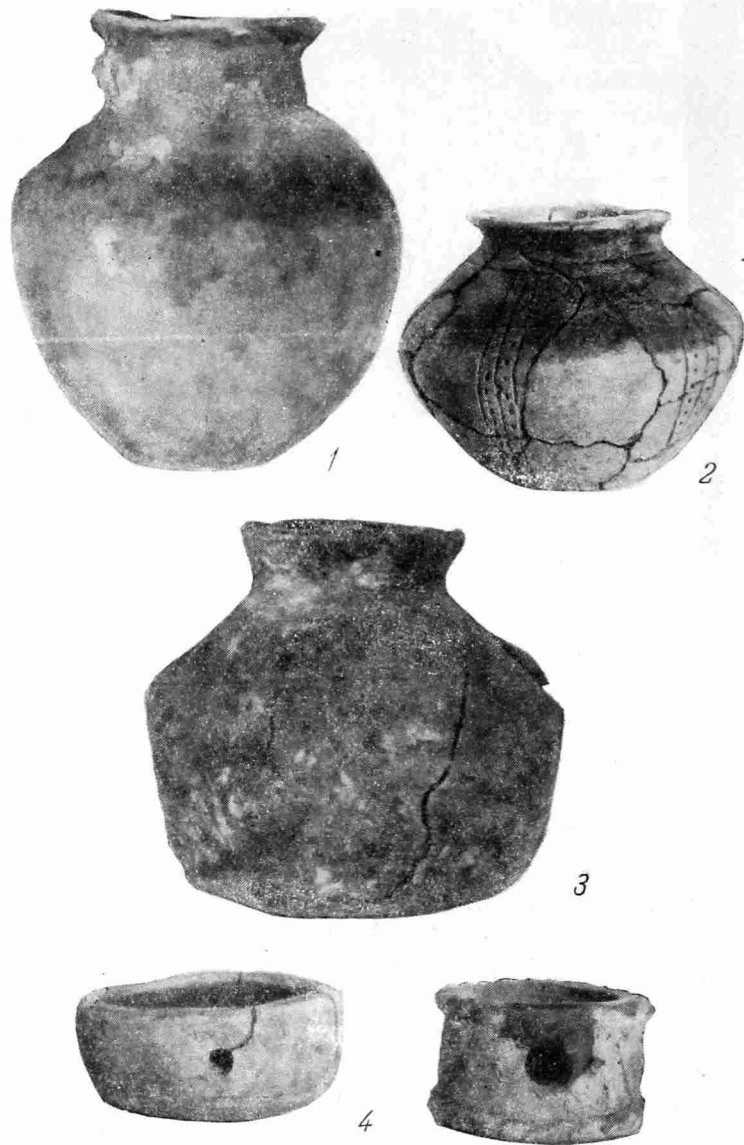

Рис. 29. Керамика из курганного могильника Кара-Оба.

1 — сосуд из кургана № 11, погребение № 2 (1/5 nat. вел.); 2 — сосуд из погребения № 3 того же кургана (1/5 nat. вел.); 3 — сосуд из кургана № 13 (1/3 nat. вел.); 4 — курьельницы из погребения № 3 кургана № 11 и кургана № 5 (1/3 nat. вел.).

найдено пять костяных предметов цилиндрической формы, сделанных из костей пальцев (пястье) руки взрослого человека. Предметы, повидимому, служили амулетами.

К каменным изделиям относятся пряслица из бледнокрасноватого песчаника, вероятно уральского. В отдельных погребениях встречены песчанниковые плиточки с углублением на одной стороне. В женском погребении (курган № 9) около правого бедра, в глиняном сосудике находилось три предмета, назначение которых остается неясным. Один из них сделан

из сланца и имеет вид продолговатой пластинки, длиной 4,5 см, шириной 3 см и толщиной 1,5 см. Два предмета сделаны из глины и имеют боченковидную форму, с дырочкой в середине (рис. 28—4). Аналогичные предметы из сланца были обнаружены нами при раскопках 1948 г. у Джангалы, в мужском погребении III—II вв. до н. э.¹ Наконец, среди могильного инвентаря значительное место занимает глиняная посуда. В большинстве своем сосуды сделаны от руки, имеют шаровидный корпус, узкое цилиндрическое горло с отогнутым наружу краем. На некоторых по плечикам нанесен нарезной орнамент из параллельных линий, образующих треугольники или ломаные линии. По своей форме выделяется боченкообразный сосуд с двумя плоскими боками (рис. 29—3). Лишь в одной могиле (курган № 5) встречен сероглиняный, лощеный сосуд станковой работы. Почти во всех мужских и женских погребениях находились глиняные курильницы цилиндрической или округлой формы с уплощенным дном, с круглым отверстием у верхнего края (рис. 29—4). Некоторые курильницы имеют вид широкой площадки на конусовидной подножке. Аналогичные курильницы известны во многих комплексах и являются характерными для погребений сарматской культуры как раннего, так и позднего времени.

Если сравнить весь керамический комплекс находок из погребений Кара-Обского могильника с материалами сарматских погребений других районов, то в целом он находит многочисленные аналогии среди керамики курганных погребений прохоровской культуры Приуралья и Нижнего Поволжья. Таким образом, материалы курганных погребений раскопок 1950 г. позволяют сделать совершенно определенное заключение о том, что территория низовьев Узней на протяжении III—I вв. до н. э. и в первые века нашей эры была густо заселена однородной племенной группой местного кочевого населения. Эта большая племенная группа может быть отмечена на этнографической карте сарматских племен Северного Прикаспия, по составлению которой интересные опыты сделаны К. Ф. Смирновым².

К позднесарматскому времени относятся два погребения (курган № 6, погребение № 1, и курган № 10, погребение № 1), содержавшие бедный, но весьма интересный инвентарь. Погребальный обряд отличается тем, что погребенные положены в неглубоких могилах, расположенных над ранними сарматскими захоронениями. Оригинально погребение № 1 из кургана № 10. Скелет мужчины средних лет лежал лицом вниз, руки связаны в локтях, ноги ниже колен перекрещены и связаны около ступней (рис. 30—1). Такая поза погребенного вызывает предположение о насильственной смерти.

Тазовые кости и бедро левой ноги оказались кем-то выброшенными вместе с глиняным сосудиком и находились в могильной засыпке. Среди инвентаря характерны наконечники железных трехперых и плоских черешковых стрел (рис. 30—3), железные поясная пряжка и дужки-накладки, глиняный сосуд и пр. (рис. 30—2).

Обнаруженные погребения имеют многочисленные аналогии среди поздних сармато-аланских памятников Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Приднепровья.

Дата погребений может определяться наконечниками плоской формы и трехгранными черешковыми крупными размеров. Наконечники этого типа, в отличие от мелких трехгранных черешковых, широко бытовавших в сарматской среде в первые века нашей эры, находят ближайшие аналогии в наконечниках из погребений IV—VIII вв.

¹ КСИИМК, вып. XXXII, 1950, рис. 29—1.

² К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 97.

На основании приведенных сопоставлений можно отнести Джангалинские погребения к числу поздних сармато-аланских погребений Нижнего Поволжья, хронологические рамки которых определяются V—VIII вв.

В Кара-Обском могильнике экспедицией вскрыто также четыре кургана золотоордынского времени. Все они содержали однотипные захоронения; могильные ямы — прямоугольной формы, погребенные положены на спине, с вытянутыми конечностями, головой на восток или запад. Могильный инвентарь, при всей его бедности, характерен для кочевнических погребений золотоордынского времени: в женских найдены височные подвески,

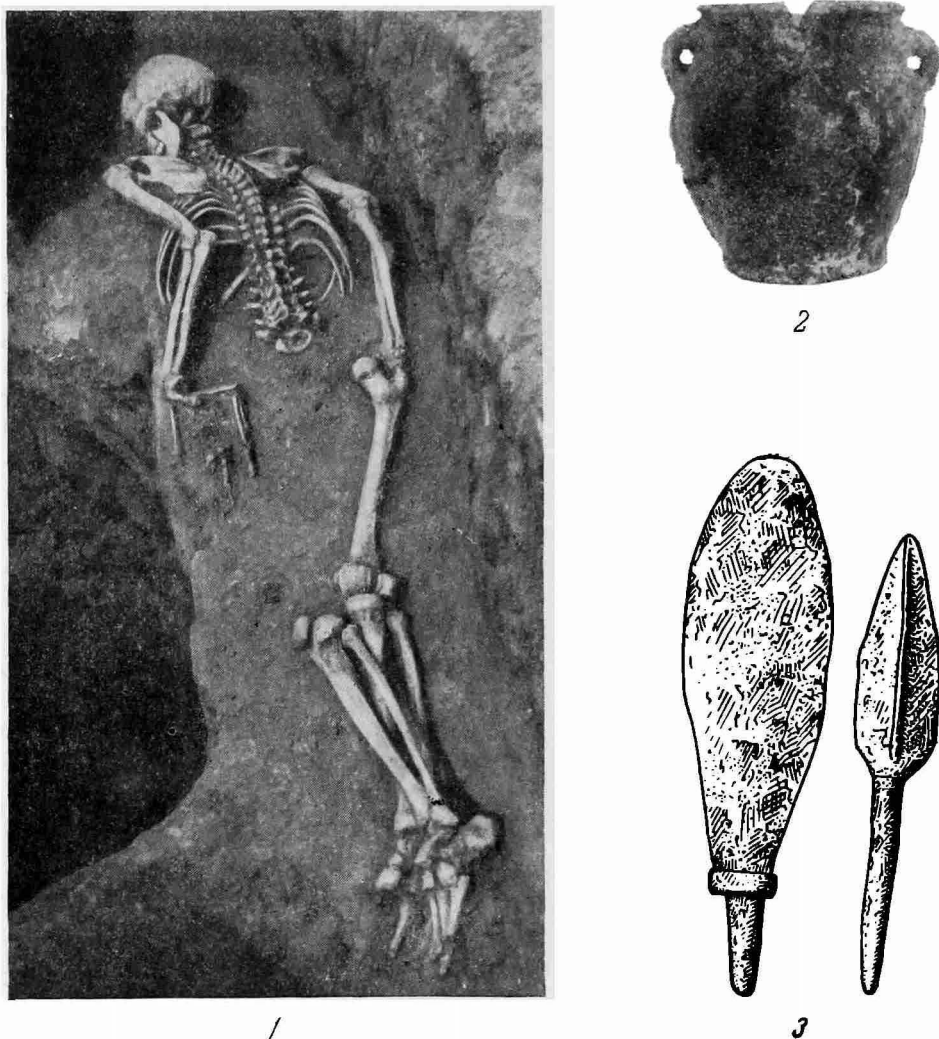

Рис. 30. Погребение и инвентарь из курганного могильника Кара-Оба.

1 — погребение № 1 из кургана № 10 и предметы из этого погребения; 2 — горшок (1/3 nat. вел.);
3 — железные наконечники стрел (2/3 nat. вел.).

бронзовые зеркала, головной убор бокка; в мужских — железные плоские наконечники стрел, железное кресало, стремяна, удила от узды и пр. Погребения с аналогичным инвентарем широко распространены в пределах Нижнего Поволжья и датируются XIII—XV вв.

Работы в Саратовской области

Работы экспедиции на правобережной стороне Волги, к северу от Саратова, по р. Терешке и в окрестностях г. Вольска носили разведочный характер. Около г. Вольска экспедиция произвела контрольные раскопки

на Вольском городище «Попово блюдечко». Городище сильно разрушено, однако контрольные раскопки позволили выявить мощный культурный слой с черепками глиняной посуды, костями домашних животных и зольной массой. Часть керамики представляет собой ярко выраженный тип посуды, характерный для срубно-хвалынской культуры северных районов Саратовского Поволжья. Второй тип — простые горшки баночной формы, поверхность которых сплошь покрыта однообразным «рогожным» орнаментом. Несмотря на сильное разрушение городища, оно заслуживает дополнительных исследований.

Напротив г. Вольска, на левом берегу Волги, близ села Еланки, экспедиция произвела обследование местности, где, по указаниям жителей села, находилась каменная баба. Обследование показало, что каменная баба находится не на кургане, а в луговой пойменной долине, куда она перевезена лет 60 тому назад и поставлена в качестве межевого знака на лугах. Первоначальное ее местонахождение обнаружить не удалось.

Изваяние представляет собой грубо высеченную из темнокоричневого сливниго песчаника фигуру четырехгранной формы, до 1,48 м высотой, около 50 см толщиной. Плечи слегка покаты, голова округлой формы, лицо плоское, треугольником, глаза и нос слабо выражены. Общий облик фигуры повторяет известные каменные изваяния, обнаруженные в разных местах Нижнего Поволжья¹.

Памятник доставлен в Вольский музей краеведения.

Разведки по р. Терешке охватили район от Глотовки до Кошелей. Около Глотовки обследовано поселение эпохи поздней бронзы. Вниз по течению Терешки, до ее впадения в Волгу, зарегистрировано несколько курганных групп, которые подвергаются распашке; некоторые из них в настоящее время представляют едва заметные насыпи.

В заключение разведки осмотрено известное Березниковское городище на берегу Волги, между Березняками и Кошелями².

В последние годы городище не распаивается, поверхность его задернована и хорошо сохранилась. На городище встречаются черепки посуды, преимущественно с «рогожным» орнаментом. Детальное исследование этого городища даст интересные материалы к изучению слабо разработанной истории племен городецкой культуры³.

---

¹ Б. В. Зайковский. Каменные бабы в Саратовском Поволжье. Труды СУАК, вып. XXIV, 1908.

² Труды СУАК, вып. XXIX, 1912, стр. 93.

³ Н. В. Трубникова. Городецкие племена и связь их со скифами и сарматами. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950.

П. Д. ЛИБЕРОВ

КУРГАНЫ У ХУТОРА ХАРЧЕВИК

В 1950 г., по поручению начальника Скифской степной экспедиции ИИМК АН СССР Б. Н. Гракова, мной при участии научного сотрудника Запорожского краеведческого музея В. Ф. Пешанова исследовано четыре кургана около хутора Харчевик, находящегося в 8—9 км от с. Каменки-Днепровской. Хутор расположен у дороги, ведущей в с. Петровку, на берегу р. Белозерки, впадающей в Белозерский лиман.

Здесь на высокой гряде и по ее склонам расположена значительная группа курганов самых различных размеров, достигающих иногда 6—7 м высоты. Большинство их подвергается систематической распахке. Основная цель исследования состояла в том, чтобы найти могильник, одновременный большому Каменскому городищу, которое раскапывалось Скифской степной экспедицией в течение ряда лет. Главное наше внимание было обращено на наиболее компактно расположенную и свободную от посевов группу курганов, находящуюся на расстоянии около 0,5 км к югу и юго-востоку от хутора.

В 1950 г. удалось раскопать только четыре кургана. Из них три высотой от 0,5 до 1 м и один почти совершенно распаханный. При исследовании обнаружены погребения самых различных эпох, начиная от ямной и катакомбной культур до средневековья.

Курган № 1, наибольший из раскопанных, включал 15 погребений, относящихся к ямной, катакомбной, срубной, может быть, скифской культурам и, наконец, к средневековью; остальные три кургана содержали по одному погребению сарматского времени.

Рассмотрим основные, характерные особенности погребений.

Курган № 1 (высота 1 м, диаметр 28—30 м) сильно распахан. По его окружности заметны слабые следы рва. Послойное снятие насыпи при помощи круговых траншей с разбивкой на четыре сектора дало значительное количество костей животных, обломков лепной керамики, несколько фрагментов амфор; обнаружен ряд впускных погребений, сопровождавшихся иногда лепными сосудами баночного типа. Находки расположены преимущественно вокруг центра. Среди них оказались обломки амфорной ручки шестигранной формы (рис. 31—1), раздавленный лепной сосуд (рис. 32—1) без каких-либо признаков погребения, отдельные кости лошади и пр. В 6 м севернее центра кургана, на глубине 0,2—0,25 м от поверхности насыпи, встречено небольшое кострище (диаметр 0,4 м, толщина линзы 2 см), состоявшее из пережженной земли, золы и мелких угольков.

Ниже находки встречались реже. К северу и юго-востоку от центра обнаружены светлые могильные пятна, образовавшиеся в результате за-

сыпки впускных могильных ям глиной, выброшенной из могил, как выяснилось позже, относящихся к катакомбной культуре (погребения № 7, 9). Отдельные находки обломков керамики продолжались и ниже.

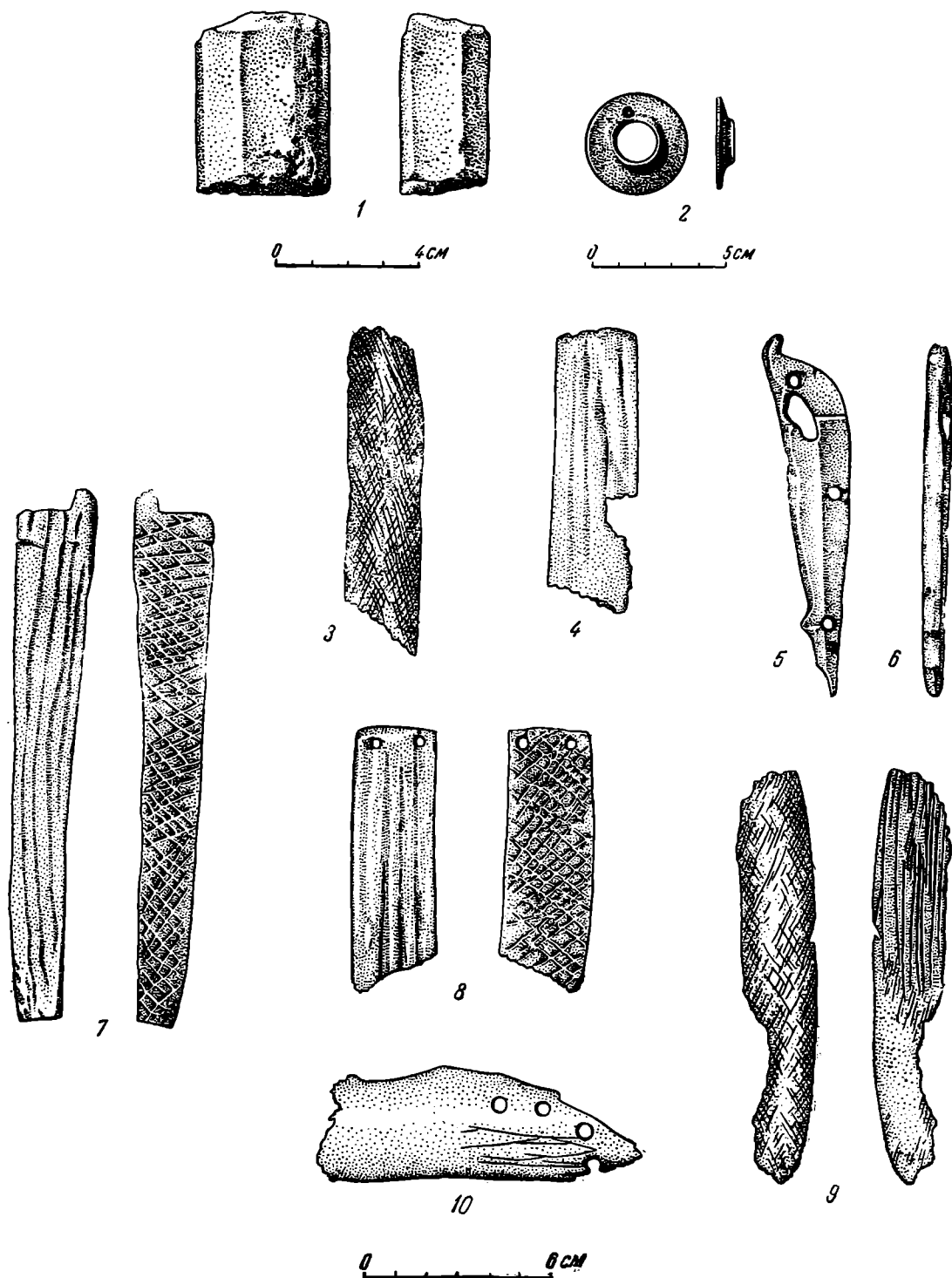

Рис. 31. Предметы из кургана № 1 у хутора Харчевик.

1 — обломок шестигранной ручки от амфоры эллинистического времени; 2 — костяной предмет из погребения № 14; 3 — 10 — костяные предметы от колчана из погребения № 10.

В результате раскопок в самой насыпи и на уровне горизонта обнаружено шесть погребений (№ 1, 2, 3, 6, 11, 12), остальные девять находились в черноземном слое несколько ниже уровня горизонта, или в обычных неглубоких грунтовых могилах, или в катакомбах.

Изучение особенностей погребального обряда и погребальных сооружений наряду с отмеченными выше стратиграфическими наблюдениями позволяет сделать некоторые хронологические предположения.

Наиболее ранним является расположенное в центре кургана погребение № 13, для которого создана первичная насыпь. Об этом свидетельствует выкид светлой земли, лежащий на уровне горизонта, и погребальный обряд, близкий к обряду, характерному для ямной культуры. Могильная яма имела глубину 0,6 м (от уровня горизонта), длину 2 м, ширину 0,9 м; углы ее закруглены. Выкид земли находился в северо-восточном конце могилы. Костяк взрослого человека лежал на спине, головой на северо-восток, руки вытянуты, ноги, вероятно, были подтянуты коленями кверху и позднее свалились в разные стороны (рис. 33—1); кости плохой

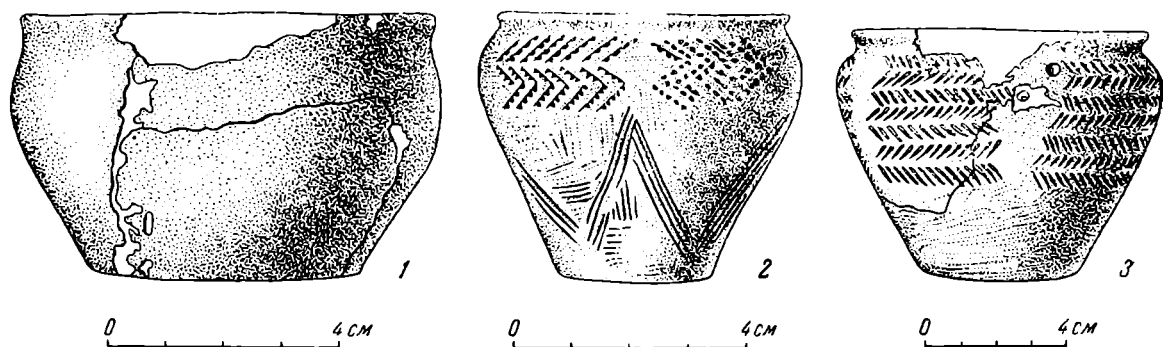

Рис. 32. Глиняные горшки из кургана № 1 у хутора Харчевик.

1 — из насыпи кургана; 2 — из погребения № 4; 3 — из катакомбы № 9.

сохранности со следами окраски. Несколько выше правого плеча лежало два больших куса красной и розовой краски. На дне могилы замечен тонкий коричневатый слой. Таким образом, все признаки погребального обряда свидетельствуют о том, что захоронение безошибочно может быть отнесено ко времени ямной культуры или переходному периоду от ямной к катакомбной.

Ко второй по времени группе можно отнести погребения № 4, 8, 15 в ямах и № 5, 7 и 9 в катакомбах. Большинство этих могил не имеет выкида и только в двух случаях грунтовая земля из катакомб № 5 и 9 заполняла входную яму. Во всех остальных случаях, когда могильные ямы значительно затрагивали грунт, выброшенная из ямы земля или совершенно не использовалась для засыпки и, может быть, разбрасывалась по насыпи, или в какой-то степени смешивалась с черноземом и поэтому в засыпке была незаметна. Следовательно, эти погребения представляются несомненно впускными и более поздними.

Могильная яма погребения № 15, расположенная в северо-западной части кургана, была длиной 2 м, шириной 0,65 м, глубиной 0,4 м от уровня горизонта; углы сильно закруглены; по длине ориентирована на ЗСЗ—ВЮВ. Костяк лежал вытянуто, на спине, головой на ЗСЗ; правая рука вытянута вдоль туловища, левая — кистью на тазе; позвоночник сильно изогнут и создавал видимость горбатости (рис. 33—2). На черепе, костях рук и ног следы краски. Кости очень плохой сохранности. Вещей нет. Под костяком у головы и таза заметны следы древесной подстилки коричневого цвета. Наличие гнилушек дерева в засыпке ямы и остатков деревянного столбика (диаметром до 0,1 м) в 0,6 м от западного конца могильной ямы указывает, вероятно, на существовавшую вначале крышу. Остальные погребения этой группы, в том числе и № 4 и 8 в ямах, относятся к катакомбной культуре.

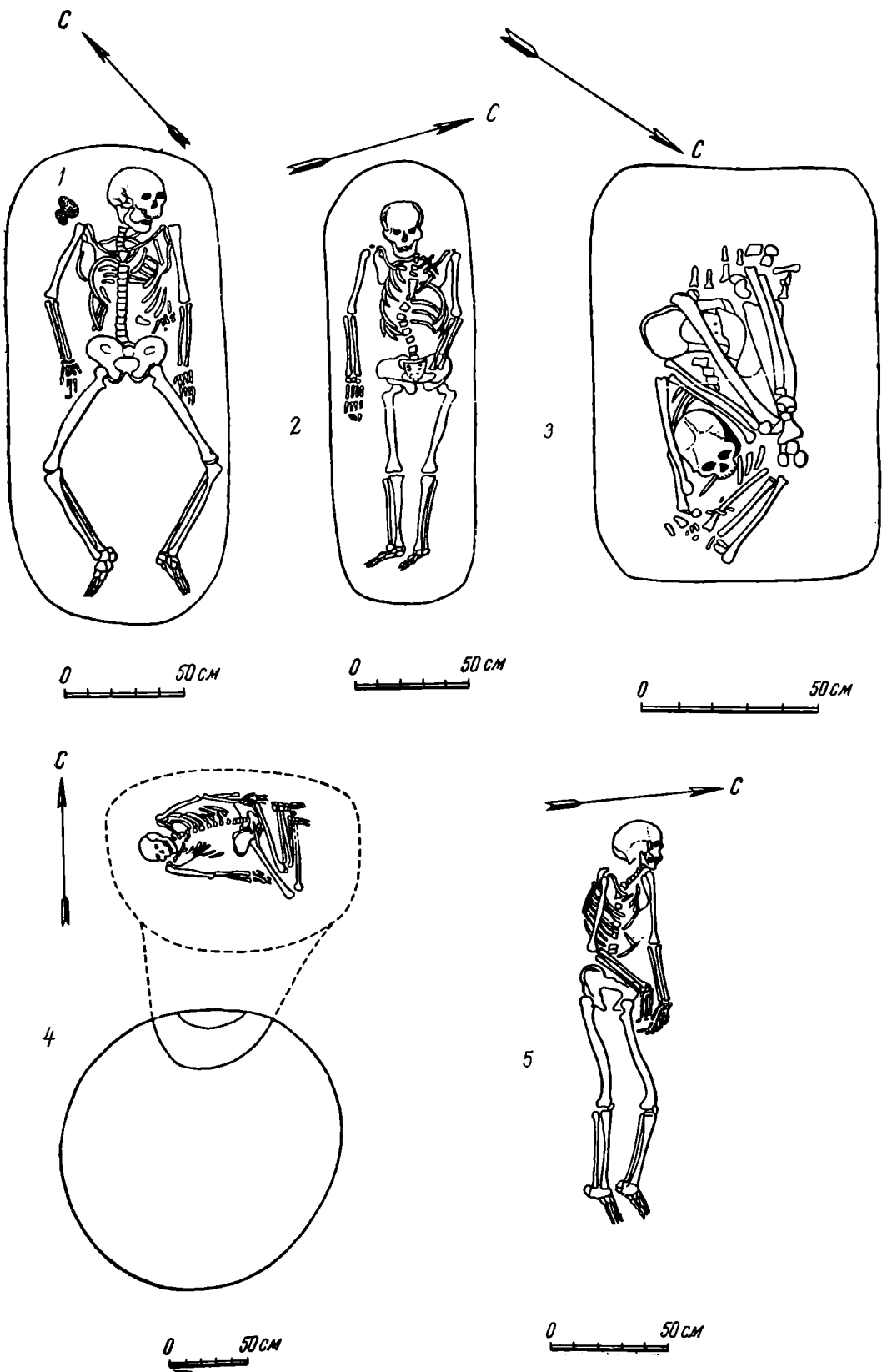

Рис. 33. Положение костяков в различных погребениях кургана № 1 у хутора Харчевик.

1 — погребение № 13 (1 — кусок красной краски); 2 — погребение № 15; 3 — погребение № 8; 4 — погребение № 5; 5 — погребение № 11.

Так, в обычной небольшой могильной яме, длиной 1,2 м, шириной 0,8 м, глубиной 0,4 м, ориентированной по длине на северо-восток — юго-запад, было детское погребение (№ 4), сохранившееся только в виде отдельных фрагментов. В северном углу, вероятно в ногах, стоял вверх дном небольшой лепной глиняный сосуд катакомбного типа. Сосуд имел орнамент в виде елочки на плечиках и прочерченных треугольников, спускающихся от нижнего края орнамента до дна сосуда (рис. 32—2). В другой могильной яме с закругленными углами (погребение № 8), длиной 1,4 м, шириной 0,8 м, глубиной 1,0 м от уровня горизонта, ориентированной по длине ВСВ—ЗЮЗ, кости взрослого человека лежали в куче посередине ямы (рис. 33—3). Положение костей было ненормальным для обычного скорченного погребения. Надо полагать, что погребение состоялось в тот момент, когда остов лишился своих мускульных покровов. На костях заметны слабые следы красной краски. Вещей нет. В сероватой засыпке могильной ямы встречались остатки сгнившего дерева.

Почти аналогичное положение костяка оказалось в катакомбе № 7 (рис. 34—1). Здесь человеческие кости лежали в центре в еще более бесформенной куче. Под черепом следы красной краски. Вещей не было. Входная яма — округлой формы, дно круто опускалось к катакомбе в северо-западном направлении, западная и восточная части дна шли также наклонно к середине входной ямы; катакомба почти прямоугольной формы; длина 2 м, ширина 1,4 м в западном конце и 1,5 м — в восточном. В конце устья устроена ступенька, высотой около 0,25 м, достигающая дна могилы.

Заслуживает особого внимания погребальный обряд. Входная яма и сама катакомба подверглись сильному обжигу, слой прокаленной глины на стенках и потолке доходил до 2 см толщины. Во входной яме близ устья катакомбы наблюдалась зола.

Входные ямы катакомб с погребениями № 5 и 9 имели также округлую форму, но дно было ровное и заканчивалось двумя (№ 5) и тремя ступеньками (№ 9). Первая катакомба в плане подчетыреугольная с сильно закругленными углами, вторая почти круглой формы. Продольный же разрез всех катакомб почти совершенно одинаковый, в форме удлиненного полуовала (рис. 34—1). Человеческий скелет в катакомбе № 5 лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на запад, ноги сильно скорчены, колени скошены направо (рис. 33—4). На тазовых костях находился черный комок неопределенного вещества. В катакомбе № 9 костяк лежал на спине, головой на юг, плечевые кости вытянуты вдоль туловища, предплечья лежали так, что кисть правой руки находилась у нижней челюсти, левой — на груди; ноги скорчены (колени лежали на грудной клетке (рис. 34—2). Справа, возле шеи, стоял лепной горшок с елочным орнаментом, спускающимся лопастями от плечиков (рис. 32—3). Такая скорченность возможна только тогда, когда умершего сильно стягивали веревкой. В данном случае это обуславливалось чрезвычайно малыми размерами катакомбы, особенно устья.

Погребения третьей группы находятся главным образом в насыпи и частью на уровне горизонта или в мелких ямах. Такое расположение захоронений относительно горизонта и наличие сопровождающих их глиняных сосудов баночного типа указывают на принадлежность погребений ко времени срубной культуры.

К этой группе могут быть отнесены погребения в насыпи (№ 1, 2, 3, 6) и погребения на уровне горизонта или немного ниже его (№ 12 и 14). Все они не имели никаких признаков могильных ям. Сохранившиеся полностью или частично человеческие скелеты лежали на левом боку (№ 1, 2, 6), а в одном случае — на правом (№ 3), в скорченном положении. Ориентировка различна: два погребения на юго-восток (№ 1, 2), одно на

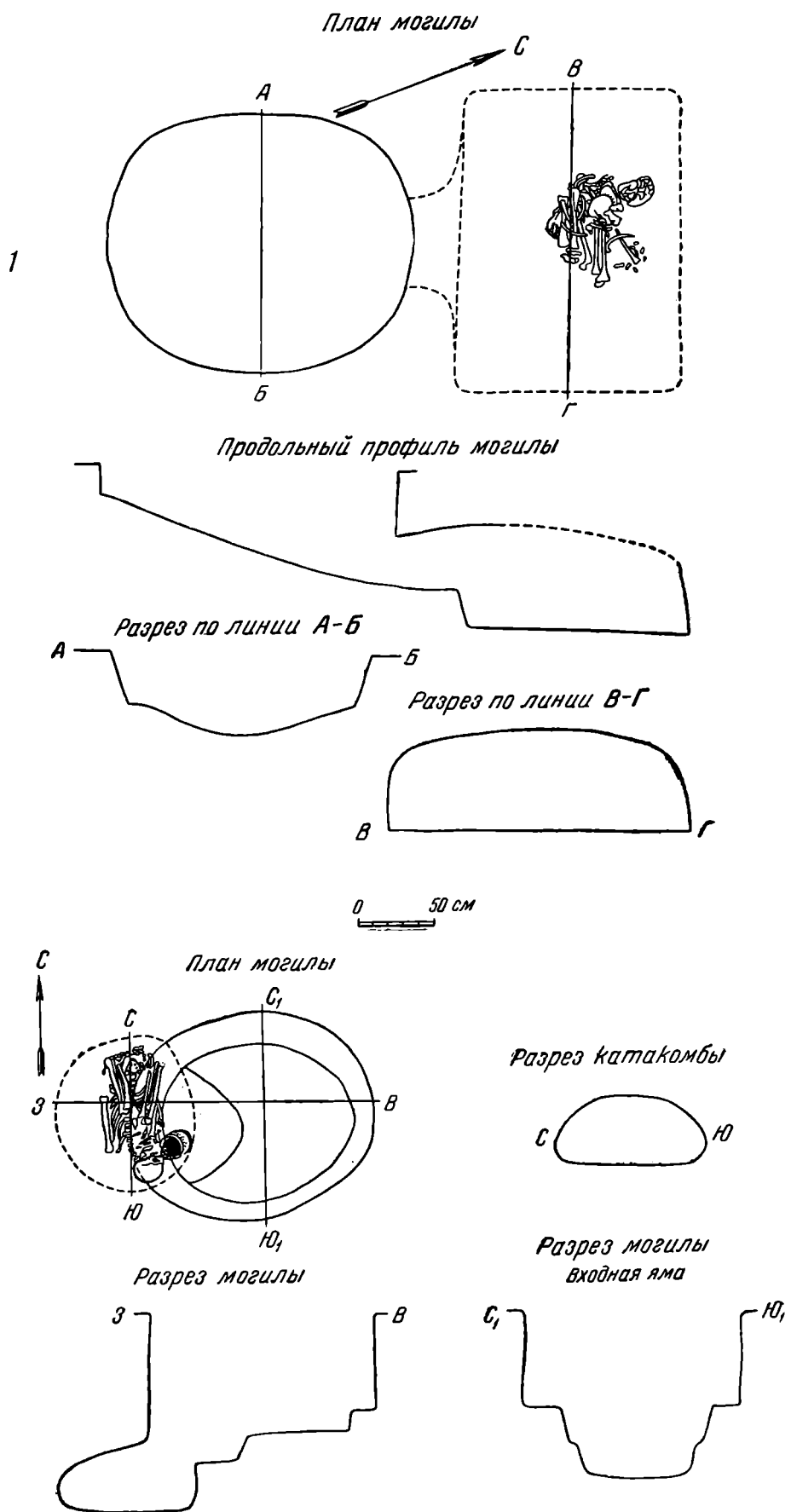

Рис: 34. Планы и профили катакомб кургана № 1 у хутора Харчевик.
 1 — катакомба № 7; 2 — катакомба № 9.

восток-северо-восток (№ 3) и одно на запад (№ 6). Остальные (№ 12 и 14) сохранились настолько плохо, что положение костяков определить не удалось. В трех случаях погребения сопровождалось сосудами баночного типа, поставленными, как правило, перед самым лицом или немного дальше. Среди остатков костяка в погребении № 14 обнаружен костяной предмет кольцеобразной формы с двумя отверстиями; центральное имело диаметр около 1,5 см при общем диаметре предмета около 3,5 см, боковое отверстие очень незначительных размеров (рис. 31—2).

Непосредственно над погребением № 14 и немного выше уровня древнего горизонта находилось погребение № 11. Скелет лежал вытянуто на левом боку, головой на запад-северо-запад. Кости плохой сохранности, вещей не было (рис. 33—5).

И, наконец, последнее погребение этого кургана (№ 10), подвергшееся полному ограблению, обнаружено в самом центре на глубине 0,4 м от уровня горизонта. Человеческие кости и обломки предметов были разбросаны на разных уровнях в засыпке могильной ямы. В разных местах лежали обломки крупных плоских железных наконечников стрел с черешками, костяные пластинки от колчана (рис. 31—3-10), кости ног лошади и пр.

Курганы № 2 и 4, высотой 0,5—0,7 м, диаметром 14—18 м, и курган № 3, заметный только по светлому пятну, содержали по одному погребению. Все они подверглись полному ограблению, человеческие кости разбросаны в беспорядке, от глиняных сосудов сохранились отдельные фрагменты и лишь в одном случае (курган № 2) удалось восстановить сосуд сарматского типа. Могильные ямы овальной и прямоугольной формы ориентированы на северо-запад — юго-восток.

Наибольший интерес представляет могила кургана № 4, который в свое время был значительно выше. Могильная яма овальной формы расположена почти в центре; с ее северной и южной сторон выкид грунтовой земли. На западном конце северного выкида находились остатки кострища, диаметром 0,3 м. Северо-восточная стенка могилы идет отвесно до глубины 1,4 м, ниже — ступенька шириною 0,3 м, высотой 0,2 м, опускающаяся покато к дну могилы. Юго-западная стенка скошена, благодаря чему ширина могилы сократилась с 1,1 м по верху до 0,7 м на глубине 1,3 м от уровня горизонта, откуда начинается подбой высотой 0,3 м, шириной 0,4 м, уходящий под юго-западную стенку по всей ее длине.

При ограблении человеческие кости были выброшены из подбоя и раскиданы в беспорядке на ступеньке вдоль северо-восточной стенки могилы.

Произведенные в процессе раскопок наблюдения над погребальным обрядом, погребальными сооружениями и их стратиграфией позволяют сделать следующие предварительные выводы:

1) Из 15 погребений, обнаруженных в кургане № 1, большинство относится к ямной, катакомбной и срубной культурам. На основании находок фрагментов амфор и обломка шестигранной амфорной ручки, датированных И. Б. Зеест по составу глины IV—III вв. до н. э., можно предполагать наличие в этом кургане скифского погребения.

Центральным является погребение № 13, как возможно судить по единственному в кургане выкиду светлого грунта из ямы и специфическому погребальному обряду. Остальные впущены позднее в первичную и в последующую досыпки насыпи, как показывает стратиграфия погребений.

2) Обращает на себя внимание обряд сожжения костра непосредственно в могиле и в катакомбе, прослеженный в погребении № 7. Такой обряд появился, вероятно, еще в период перехода от ямной к катакомбной культуре, что довольно убедительно было прослежено в кургане № 1 у с. Константиновки¹. Здесь, в могильной яме погребения № 4, было со-

¹ П. Д. Либеров. Курганы у с. Константиновки. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951.

вершено сожжение костра, обильные остатки которого находились в засыпке ямы и на дне могилы; стенки ее сильно прокалены. В могиле три небольших ниши. С такими же двумя нишами была и центральная могила. В обеих могилах ниши пустые. В западной полé кургана обнаружена небольшая катакомба. В одной из ее стенок была устроена ниша, аналогичная нишам погребений № 4 и 6, в которой оказалось захоронение, вероятно, грудного ребенка. Здесь же найден маленький лепной сосуд, датирующий погребение, по мнению О. А. Граковой, раннекатакомбным временем. Следовательно, катакомбное погребение № 7 в кургане № 1 у хутора Харчевик может быть также датировано раннекатакомбным временем.

Более поздним периодом датируются, вероятно, катакомбы № 5 и 9 и погребение № 4 в обычной могильной яме. При погребениях № 9 и 4 обнаружены глиняные лепные сосуды со сложным орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом. Елочный орнамент располагался по плечикам и ниже в виде лопастей, характерных для фатьяновской культуры среднего ее этапа, так называемой Ярославской группы, предположительно датируемой О. А. Граковой второй четвертью II тысячелетия до н. э.¹

3) Из группы погребений, относящихся к срубной культуре, особого внимания заслуживает погребение № 14, от инвентаря которого по существу сохранился только один костяной предмет с двумя отверстиями. Такие предметы часто встречаются в погребениях срубной культуры в степях Северного Причерноморья и бытуют вплоть до раннескифского времени. В. А. Городцов нашел совершенно такой же, но бронзовый предмет в кургане № 1 у хутора Черногоровки Харьковской области вместе с бронзовыми удилами стремяновидной формы и бронзовыми же псалями с тремя отверстиями².

Непосредственно над погребением № 14 находилось погребение № 11—более позднее. Оно не может быть древнее скифского времени ни по своему стратиграфическому расположению, ни по положению костяка, лежавшего вытянуто на левом боку, головой на запад—северо-запад. Вытянутое положение на боку в скифское время иногда встречается. В. А. Городцов указывает на такое погребение в кургане № 5 у ст. Стулки Харьковской области, где человеческий скелет лежал в могильной яме на правом боку с вытянутыми ногами и согнутыми в локтях руками, головой на северо-восток—восток. Позади черепа стояла чарка с одной ручкой³.

На этом основании можно предполагать, что фрагменты амфор, датируемые IV—III вв. до н. э., могут относиться именно к погребению № 11.

4) Не вызывает сомнений, что погребение № 10 (степняка-кочевника) должно быть отнесено к средневековью. В аналогичных погребениях степей Северного Причерноморья, Приуралья и Западного Казахстана неоднократно засвидетельствованы фигурные костяные части от колчанов.

На основании комплекса вещей с таким же, как в погребении № 10, костяным предметом, служившим для прикрепления колчана к поясу (рис. 31—5), найденного в 1949 г. в кургане № 1 у с. Джангалы в Западном Казахстане, И. В. Сеницын датирует эти костяные части VIII—IX вв. н. э.⁴

5) Курганы № 2, 3, 4 принадлежат сарматским погребениям и по ряду признаков (характерным для того времени подбойным могилам, керамике, особенно из погребений курганов № 2 и 4, и по ориентировке могил на ССЗ—ЮЮВ) относятся, вероятно, к среднесарматскому времени.

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, стр. 22 сл.

² В. А. Городцов. Раскопки в Изюмском уезде Харьковской области в 1901 г. Тр. XII АС в Харькове, т. I, табл. XIII, рис. 2, 3, 5, 6, 7.

³ В. А. Городцов. Указ. соч.

⁴ И. В. Сеницын. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXXVII, стр. 97 сл., рис. 36—3.

Следовательно, курганный могильник у хутора Харчевик содержит погребения не только ямной, катакомбной и срубной культур, но и погребения скифского и сарматского времени.

Принадлежность к сарматскому времени трех курганов из четырех раскопанных позволяет предполагать, что значительная часть курганов этой группы, повидимому, сооружена каким-то сарматским племенем. Исследование сарматского могильника и обнаружение селища помогли бы раскрыть время появления здесь сарматов и пролили бы свет на историю скифских и сарматских племен.

К. Ф. С М И Р Н О В

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ДАГЕСТАНЕ
В 1948—1950 ГОДАХ

Дагестан, издревле заселенный множеством различных племен, в силу своего географического положения был удобной территорией, по которой проходили пути, связывающие не только племена, разделенные Кавказским хребтом, но и население обширной Евразии с народами древних цивилизаций Закавказья и Передней Азии. Эта часть кавказского перешейка уже в древности была ареной крупных исторических событий.

В VII в. до н. э., на заре скифской истории, приморская часть Дагестана послужила путем, по которому скифы северных степей прошли в Закавказье и Переднюю Азию. Несколько столетий позже, когда южные районы Дагестана были включены в состав Кавказской Албании, аорсами, одним из наиболее мощных объединений сарматских племен, через Дагестан был проложен торговый караванный путь из Передней Азии и Закавказья в глубь аорских северокаспийских степей, в земли цветущего Хорезма и соседних с ним кочевых и оседлых народов Средней Азии. В раннее средневековье территория Дагестана составила часть Хазарии, древняя столица которой Семендер находилась в приморской части, севернее Дербента. В годы арабского нашествия население Дагестана оказало упорное сопротивление завоевателям и приостановило продвижение арабов в глубь Восточной Европы.

Имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники далеко не достаточны, чтобы восстановить с большей или меньшей полнотой страницы древней и средневековой истории народов Дагестана. В связи с актуальной задачей создания труда по истории Дагестана приобретают особое значение многочисленные и яркие вещественные памятники его древности.

В 1947 г. по инициативе Дагестанского краеведческого музея Е. И. Крупновым были возобновлены систематические археологические исследования Дагестана¹, начатые группой ленинградских археологов в 1936 г. и прерванные Отечественной войной. В 1948—1950 гг. эти работы были продолжены и значительно расширены Дагестанской археологической экспедицией ИИМК и Дагестанского музея².

Основными объектами изучения экспедиции были памятники сармато-албанского (последние века до нашей эры — первые века нашей эры) и

¹ Е. И. Крупнов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 19—20.

² К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 113 сл.

хазарского времени в районе Махачкала — Тарки, Буйнакса и Карабудахкента. Попутно произведены раскопки памятников эпохи бронзы близ Тарков и в Карабудахкентском районе.

Теперь нам известны в Дагестане выразительные памятники эпохи ранней и развитой бронзы, из которых наиболее ранним является укрепленное поселение первой половины II тысячелетия до н. э. на правом берегу р. Гамжи-Озень у с. Кая-Кент, исследованное А. П. Кругловым¹.

В 1950 г. Дагестанская экспедиция исследовала первое грунтовое погребение, близкое по времени Каякентскому поселению. Оно обнаружено участником экспедиции В. И. Марковиным близ с. Карабудахкент, справа у дороги, идущей в с. Гели.

На дне могилы овальной формы, устланной мелкой галькой и обложенной с северной стороны камнями, было расставлено до 20 разнообразных по форме сосудов бурой глины прекрасного темнокоричневого и черного лощения, отличной формовки от руки, с налепным, вдавленным и резным геометрическим орнаментом (рис. 35). Среди посуды большие кувшины или корчаги с «просверленными» маленькими ручками, украшенные по бокам налепным орнаментом в виде бараньих рогов, миски, жаровня, биконические одноручные кубки с орнаментом по плечу из довольно глубоких лунок или резных заштрихованных треугольников, массивные кружки и подставки для сосудов. В центре могилы, внутри кольца из толченого известняка, находилась круглая ямка, заполненная красной краской, углями и золой; здесь лежали три четырехугольные глиняные курильницы.

Кроме глиняных сосудов в могиле найдены изделия из меди: кованый копьевидный ножичек с узким черенком архаической формы (рис. 35), спиральные и цилиндрические тонкие пронизки. Богатство и разнообразие предметов свидетельствуют о погребении в этой могиле влиятельного лица родовой общины. Весь облик погребального инвентаря, особенно керамики (формы, цвет глины, характер лощения и орнамента), весьма близок энеолитической и раннебронзовой культуре земледельцев Закавказья, в особенности Армении (Шенгавит, Шреш-блур, Элар, Кюльтапа, Армавир-блур, Заглик)², и отчасти Грузии (курганные погребения древнебронзовой эпохи Триалети)³.

Весь погребальный комплекс, имеющий преимущественно весьма древние закавказские аналогии, заставляет нас отнести погребение ко времени не позже первой половины II тысячелетия до н. э.

Небольшие по размеру раскопки не дают пока возможности определить, имеем ли мы дело с отдельным погребением или здесь расположено родовое кладбище древнего населения Карабудахкента.

Известные теперь, правда весьма еще малочисленные, памятники ранней бронзы Дагестана показывают, что уже в начале II тысячелетия до н. э. в плоскостной части страны жили земледельческие племена, родственные по культуре, а возможно связанные и по происхождению с населением Закавказья.

К более позднему времени (вторая половина II тысячелетия до н. э.) А. П. Круглов отнес обнаруженное А. А. Русовым поселение близ

¹ А. П. Круглов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. V, 1940, стр. 66; он же. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 131.

² Е. А. Байбуртян. Псевдонеолитические поселения Армении. «Пробл. истории матер. культуры», № 1—2, 1933; Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий у подошвы Арарата и Куро-Араксинский энеолит. «Вестн. Гос. музея Грузии», XXIII-В, 1944; Б. Б. Петровский. Поселения медного века в Армении. СА, т. XI, 1949.

³ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 101—105.

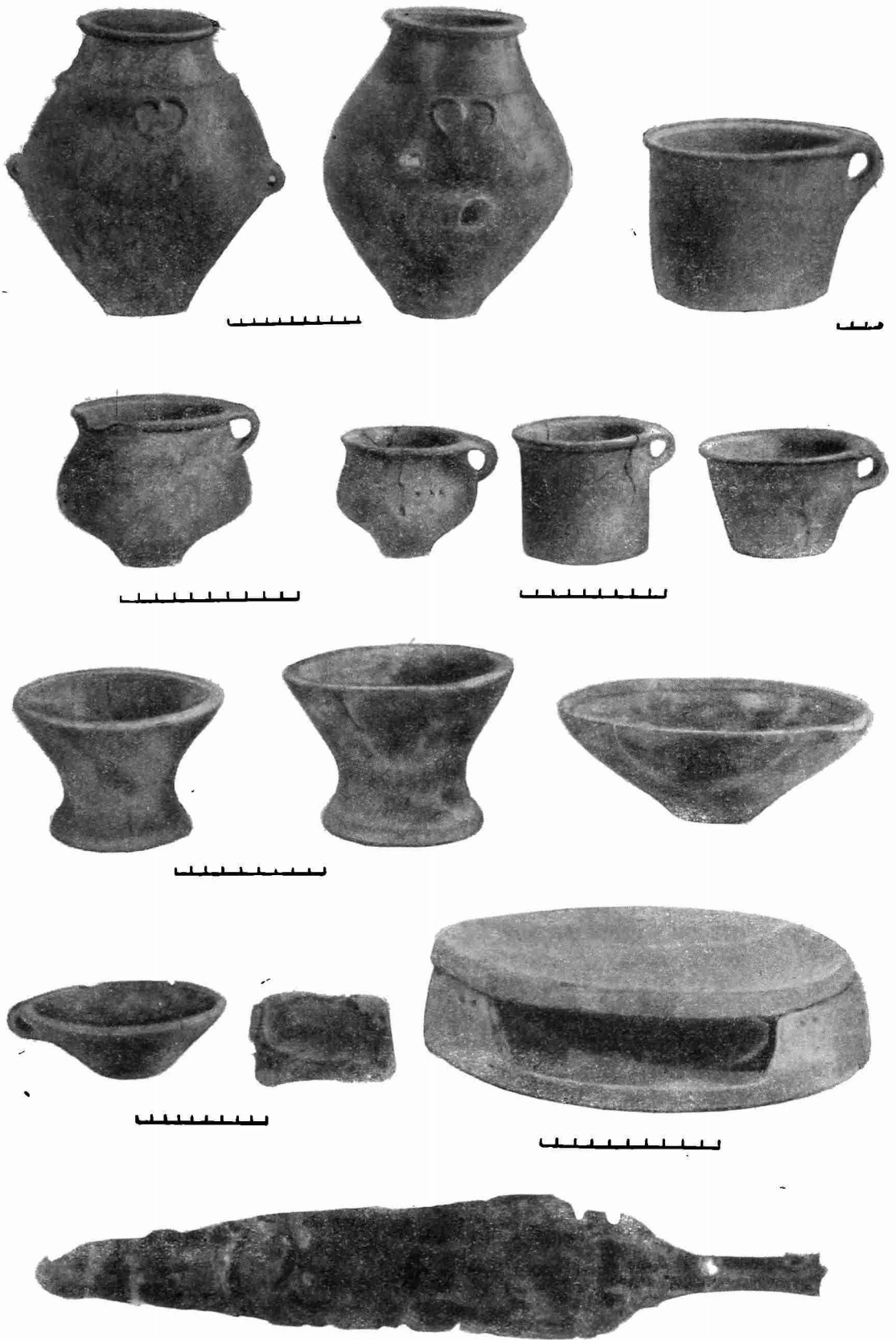

Рис. 35. Вещи из Карабудахкентской грунтовой могилы первой половины II тысячелетия до н. э. (масштабы керамики даны см; медный нож — 3/4 нат. вел.).

с. Джеми-Кент¹, отметив, что могильники, одновременные Джемикентскому поселению, в Дагестане не известны. Он допускал возможность синхронности между Джемикентским поселением и курганами прикаспийского Дагестана, раскопанными А. А. Русовым.

В результате работы Дагестанской экспедиции 1948—1949 гг. были обнаружены и частично исследованы курганные погребения второй половины II тысячелетия до н. э. Одно из них с медными и пастовыми длинноцилиндрическими бусами обнаружено участником экспедиции А. М. Твердохлебовым в большом, теперь разрушенном земляными работами кургане у с. Кяхулай (близ Махачкала); другое — в массивном каменном ящике — было исследовано В. И. Марковиным в кургане близ с. Тарки. В районе Кяхулая и Тарков имеется несколько однотипных курганов, вероятно, того же времени.

В 1950 г. экспедиция приступила к исследованию небольшой группы невысоких курганов в урочище «Каркома-хола» в 3 км от ст. Манас. Насыпи, высотой немногим более 1 м, под дерновым слоем скрывали кольца, выложенные из камня (кромлехи). Под двумя исследованными в 1950 г. курганами (№ 3 и 4) нами обнаружены глубокие и обширные земляные сводчатые камеры-катакомбы, входы которых были заложены массивными каменными плитами.

Катакомба в кургане № 3 находилась на глубине 3,4 м от современной поверхности насыпи; длина камеры 2,4 м, ширина 2,3 м, высота 1,15 м. Катакомба в кургане № 4 значительно больше. Вырытая на глубине 4,5 м, она имела длину 3,6 м и ширину 2,8 м; максимальная высота у входа 2,06 м. Катакомбы в плане овальной формы обращены входом на запад. Стены обработаны каким-то узким, вероятно, киркообразным инструментом с нешироким округлым концом. Потолок катакомбы № 3 был побелен. Бросается в глаза исключительная выработанность формы самих катакомб, свидетельствующая о длительном опыте ее строителей в сооружении подобного типа подземных камер.

Из катакомбы № 3 напротив входа прорыт ход с полукруглым арочным потолком, шириной 0,55 м и высотой 0,35 м; его можно было проследить в длину на 1,5 м. Ход был облицован сырцовыми кирпичами. Назначение его выяснено раскопками 1951 г.: он соединял катакомбу с другой, более обширной.

В катакомбе № 4 пол был выложен большими сырцовыми кирпичами, а в задней стене почти у пола устроена небольшая нишка для сосуда.

В катакомбах обнаружены семейные захоронения (не менее пяти костяков в каждой могиле). Погребенные лежали вытянуто на спине, головой ко входу, т. е. на юго-запад. При них найдены глиняные сосуды, две каменные булавы грушевидной формы — по одной при главном покойнике в каждой камере (рис. 36—5), медные украшения (рис. 36—3, 6, 7, 10): височные кольца с заходящими друг на друга утолщенными и расплюснутыми концами, очковидная привеска из прямоугольной в сечении проволоки, массивные спиральные трубочки-пронизки, медные, пастовые и сердоликовые бусы (рис. 36—8, 9, 11), костяные поделки в виде колков музыкального инструмента (рис. 36—4).

По составу и цвету глины и характеру лощения керамика Манасских катакомб очень близка Карабудахкентской, но отличается от нее по форме (рис. 36—1, 2, 12—16). Здесь найдены миски с одной или двумя лентовидными ручками, некоторые с очень узкими донцами, как кубки Карабудахкентского погребения (рис. 36—1, 13, 14), горшочки с шаровидным туловом, прямым невысоким бортиком и уплощенным дном (рис. 36—2),

¹ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э., стр. 131—132

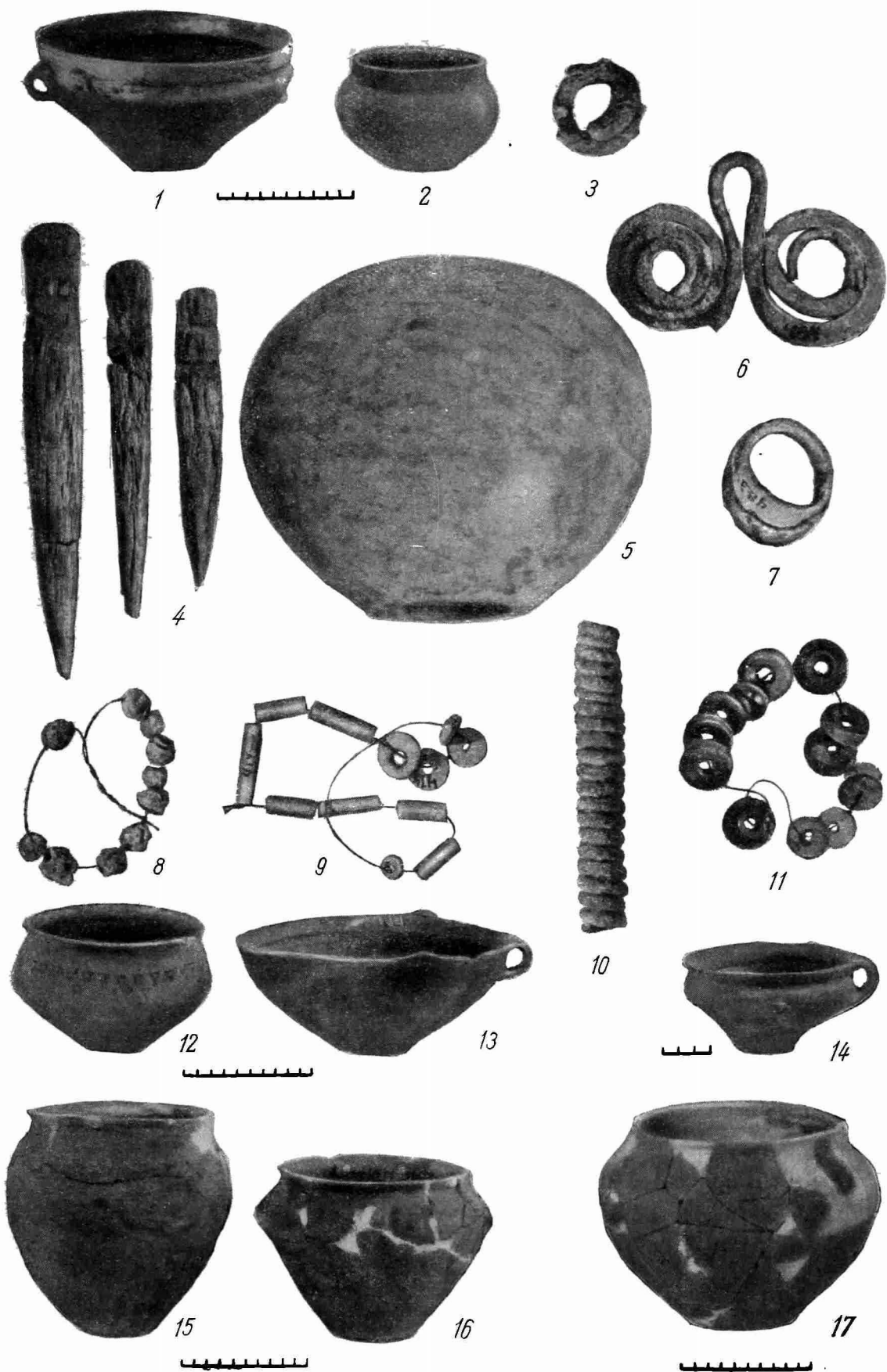

Рис. 36. Вещи из Манасских курганов.

1 и 2 — сосуды; 3 — бронзовое височное кольцо из кургана № 3; 4 — костяные предметы; 5 — каменная булава; 6 — бронзовая подвеска; 7 — бронзовое височное кольцо; 8 — бронзовые бусы; 9 — пастовые бусы; 10 — бронзовая спиральная пронывка; 11 — сердоликовые бусы; 12–16 — сосуды из кургана № 4; 7 — сосуд из кургана Ярги-тёбе (1, 2, 18 — 1/5 нат. вел.; 3, 4, 6–11 — 4/5 нат. вел.; 5 — нат. вел.; все линейные масштабы давы в см).

горшки плоскодонные с яйцевидным туловом и отогнутым наружу венчиком (рис. 36—15, 16); один из них имеет небольшие глухие вертикальные ручки и содержит остатки усохшей пищи в виде легкой коричневой массы; горшок с биконическим туловом и с орнаментом в виде штампованных треугольников (рис. 36—12). Весь облик сосудов очень архаичен, некоторые из них имеют несложный желобчатый орнамент, нанесенный лощилом (орнаментальная традиция энеолитического времени). Однако один из сосудов катакомбы № 4 имеет форму плоскодонного горшка с яйцевидным туловом, т. е. одну из типичных форм керамики каякентско-хороочевской культуры (рис. 36—15). Поверхность его также обмазана глиной, как и поверхность большинства сосудов эпохи поздней бронзы Дагестана.

Пастовые длинноцилиндрические и плоские кольцевидные бусы из катакомбы № 4 (рис. 36—8, 9, 11) тождественны бусам из Кяхулайского кургана и из ряда погребений II тысячелетия до н. э. более западных районов Северного Кавказа¹.

Обнаруженные в Манасских катакомбах грушевидные булавы и медные височные кольца характерны для эпохи развитой бронзы; очковидная привеска и спиральные трубки напоминают бронзовые изделия кобанской культуры.

Обе катакомбы с одинаковым погребальным обрядом мы склонны датировать серединой II тысячелетия до н. э.

В 0,5 км на юг от урочища Каркома-хола экспедиция доследовала разрушенную земляными работами каменную гробницу в большом кургане Ярти-тебе. Гробница прямоугольной формы, сложенная из шести рядов больших камней и плит (длина 3,4 м, ширина 1,7 м, высота без перекрытия 0,8 м), была ориентирована по линии ЮЗ — СВ и содержала обломки трех больших горшков. Один из них удалось восстановить: это плоскодонный широкий горшок красной глины с выпуклыми боками, украшенными оттиском перевитой веревочки (рис. 36—17). Обломки других сосудов имеют орнамент из желобков и лунок и по глине тождественны с манасскими. Как известно, «веревочный» орнамент был широко распространен на керамике и на бронзе Северного Кавказа во второй половине II тысячелетия до н. э.²

Устанавливая хронологическую близость исследованных курганов в районе Тарков — Кяхулая, Манаса и Джемикентского поселения, мы еще не располагаем достаточными данными, чтобы говорить о хозяйственном единстве и этническом родстве населения, оставившего эти памятники. Судя по находкам в Манасских катакомбах костей овцы, можно предположить, что древнее население этого района было прежде всего скотоводческим. Разнообразие погребальных сооружений (каменные гробницы, катакомбы и пр.) скорее свидетельствует о существенных этнических различиях в населении приморского Дагестана.

Вещественные находки в Манасских курганах, да и сама форма погребальных сооружений (катакомбы), выявляют общие черты культуры древнего дагестанского населения и племен более западных районов Северного Кавказа (Осетии, Кабарды) и предкавказских степей. Таким образом, открытые за последние годы в Дагестане новые памятники II тысячелетия до н. э. свидетельствуют о том, что древнее население приморской части страны не было изолированным и находилось в тесных межплеменных сношениях не только со своими южными, но и северо-западными соседями.

До возобновления археологических работ в 1947 г. в Дагестане почти не были известны памятники первых веков нашей эры. Лишь при неболь-

¹ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА, № 3, 1941, стр. 260—262.

² Там же, стр. 213 сл.

ших раскопках Е. Козубского и Ф. Афанасьева под Буйнакском в 1897—1899 гг. среди инвентаря каменных гробниц одного из курганов были обнаружены вещи сарматской культуры III—IV вв. (оружие, фибулы и пр.)¹. Кроме того, на Джемикентском поселении найдено катакомбное погребение III—V вв. н. э.²

Открытие Е. И. Крупновым в 1947 г. памятников сарматской культуры в Таркинском могильнике под Махачкалой³ послужило началом изучения одного из важнейших этапов древней истории Дагестана, когда его южная часть вошла в состав Кавказской Албании. Другой могильник сармато-албанского периода обнаружен Я. А. Федоровым в 1949 г. на окраине Карабудахкента.

В течение 1947—1949 гг. в Таркинском могильнике было вскрыто более 30 погребений от I в. до н. э. до III в. н. э.; начатые в 1950 г. раскопки Карабудахкентского могильника дали еще около 60 погребений в основном того же времени и той же культуры.

В результате раскопок Таркинского и Карабудахкентского могильников выявилось значительное сходство культуры населения приморской части Дагестана первых веков н. э. с каякентско-хороочевской культурой: каменные ограды вокруг некоторых могил, использование в ряде случаев каменных ящиков для погребений сарматского времени, захоронения покойников в скорченном и сидячем положениях, отдельные формы глиняных сосудов Карабудахкентского могильника, подражающие каякентским (например, плошка из могилы № 38; рис. 37—7).

В этих же могильниках, особенно Таркинском, много элементов погребального обряда, свойственных сарматским племенам Нижнего Поволжья I в. до н. э. — III в. н. э.: вытянутое положение покойников (иногда ноги перекрещены в голенях, одна из рук кистью покоится на тазе), меловая посыпка дна могилы или отдельные куски мела и охры, разбитые зеркальца. Ориентировка погребенных неустойчива; преобладает восточная и юго-восточная, встречается также северная и южная.

В составе погребального инвентаря также выделяются вещи, характерные для сарматской культуры: орудия, многие формы глиняных сосудов — миски (рис. 37—9, 10), кувшины (рис. 37—13-15, 17), фибулы (рис. 38—10), зеркальца (рис. 38—11-13), пряжки, пряслица, оселки, перевитая бронзовая проволока, проволочные височные колечки и пр. — и типичные вещи албанской культуры, хорошо известной по памятникам Восточного Закавказья (в Мингечауре, Мильской и Муганской степях Азербайджана, в Алазанской долине Восточной Грузии). Элементы албанской культуры особенно ярко представлены в Карабудахкентском могильнике: миски и кувшины черного и красного лощения (рис. 37—1, 5, 8, 12), бронзовые прорезные колокольчики (рис. 38—8), головные булавки (рис. 38—1—4), некоторые типы ножей, браслетов и пр.

В Карабудахкентском могильнике мы видим одновременное сочетание различных погребальных обрядов: захоронение в вытянутом, скорченном и, вероятно, сидячем положении; довольно частые захоронения отдельных черепов и вторичные погребения костей покойников после истления праха.

Могильник носит родовой характер, где отдельные семьи имели свой участок. Погребения сосредоточены группами, насчитывающими от 3 до 14 костяков. Кости часто перемешаны.

Наибольший интерес представляет квадратная могила (4,4 × 4,4 м) с каменной оградой из нескольких рядов камней и плит (без перекрытия), в которой обнаружено около 40 костяков, лежащих в беспорядке, и много

¹ А. А. Захаров. Contributions to Caucasian Archaeology. A large barrow in Daghestan, ESA, t. V, Helsinki, 1930, стр. 183—216.

² А. П. Круглов. Археологические работы на Северном Кавказе, стр. 67.

³ Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 19—20.

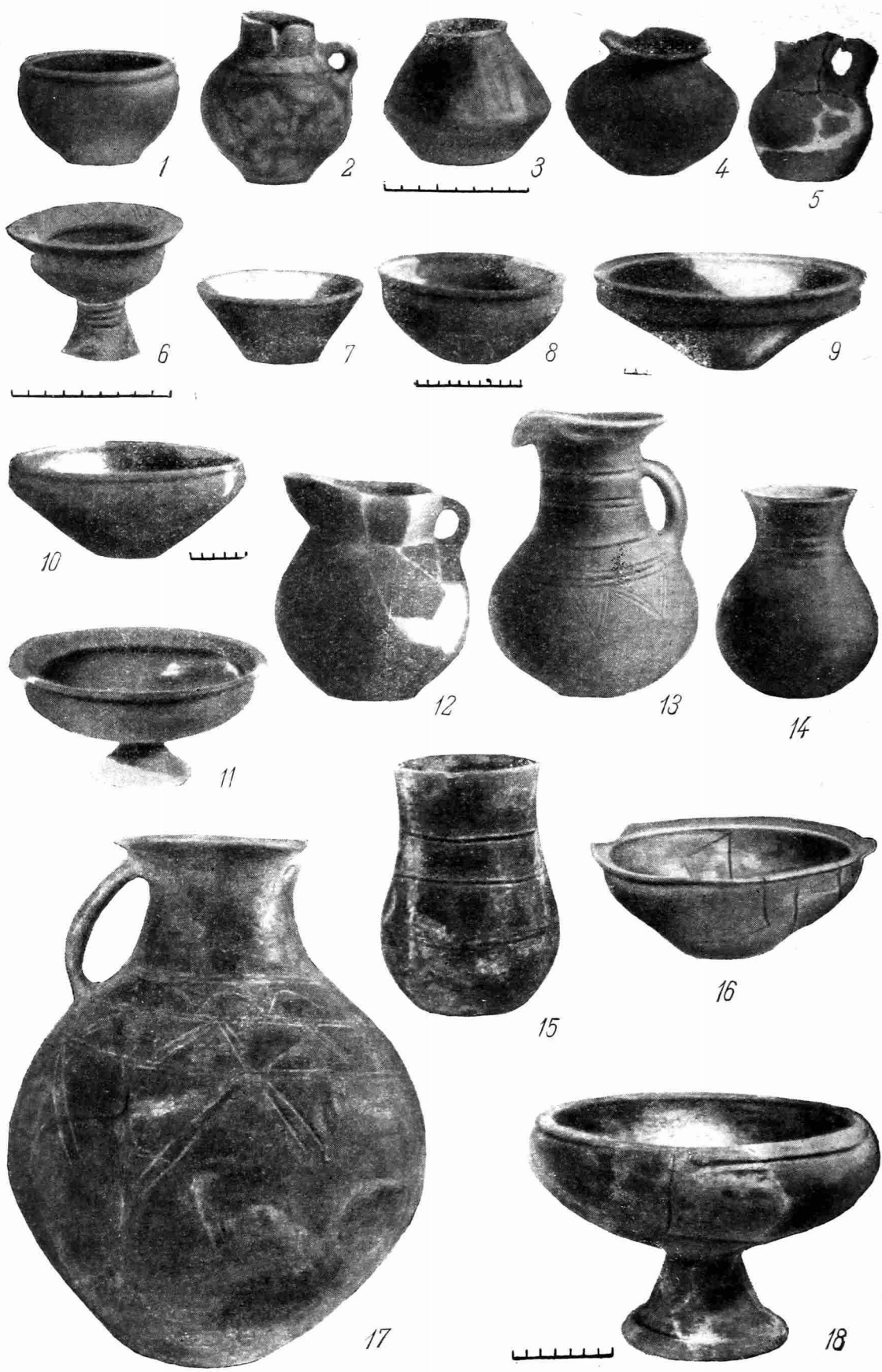

Рис. 37. Керамика из Карабудахкентского могильника.

1 — погребение № 26; 2 — погребение № 34; 3 — 11 — могила № 38; 12 — погребение № 53; 13 — погребение № 52; 14 — погребение № 40; 15—18 — погребение № 58 (1, 2, 4, 5, 12—15, 17 — 1/5 нат. вел.; 7, 11, 16 — 1/6 нат. вел.; все линейные масштабы даны в см).

инвентаря. Вероятно, это гробница наиболее богатой большой патриархальной семьи.

Рядом с могилой в ограде из массивных камней обнаружено отдельное захоронение коня.

Черепя коней и целые костяки найдены и на других участках могильника.

В составе погребального инвентаря обнаружены вещи, прототипы которых мы находим в материальной культуре предшествующих эпох. Уже указывалось на глиняные плошки формы, встречающейся и в каменных гробницах Каякентского могильника (рис. 37—7). На некоторых мисках по краю борта сделаны выемки и выступы (рис. 37—11, 16), как и на мисках из Карабудахкентского погребения начала II тысячелетия до н. э. и катакомбы № 4 Манасского курганного могильника (рис. 35—13). Вместе с вещами I в. до н. э. и первых двух веков нашей эры найдены бронзовые и серебряные височные кольца с утолщенными, заходящими друг на друга концами (рис. 38—6), которые по форме почти совсем не отличаются от височных колец эпохи бронзы (в частности, из Манасских катакомб). Железные и бронзовые головные булавки с загнутым верхним концом или с гвоздевидной и округлой головкой с дырочкой (рис. 38—1-4) происходят от аналогичных булавок из погребений поздней бронзы Закавказья, в частности Грузии (Самтавро, Бешташени)¹.

Уже небольшие раскопки Таркинского могильника в 1947 г. позволили Е. И. Крупнову считать этот памятник принадлежащим местному, сильно сарматизированному населению Кавказской Албании периода ее расцвета².

Вывод о значительной сарматизации населения приморской части Дагестана подтвердился нашими раскопками 1948—1950 гг.³

На основании свидетельств античных писателей (Страбон, Плиний, Птолемей) мы склонны считать население Таркинского района первых веков нашей эры частью смешанного населения из кавказских аборигенов (удинов) и аорсов, которые упомянуты Плинием («Естественная история», VI, 38) под именем утидорсов⁴.

Карабудахкентский могильник, очевидно, надо считать памятником, оставленным другим удинским племенем, менее подвергшимся сарматизации и поэтому сохранившим значительные пережитки местной традиции погребального обряда, а в материальной культуре — большую общность с местной культурой эпохи бронзы и с албанской культурой Закавказья.

В 1948 г. Дагестанская экспедиция начала исследования богатого и интересного могильника хазарского времени (VII—X вв.) в урочище Бакалы-коль близ с. Агач-Кала Буйнакского района⁵.

В районе Агач-Калы встречается буро-красная керамика с характерной штриховкой, сделанной гребенчатым штампом. Особенно много ее было найдено на плато, на склоне которого находится могильник. Большое количество камней, валявшихся на поверхности плато, свидетельствовало о наличии здесь остатков каменных построек. В обнажениях южного края

¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 71, рис. 75; стр. 73, рис. 80.

² Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 20.

³ К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. КСИИМК, вып. XXXII, стр. 113—118; он же. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 159—160; он же. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки. МИА, № 23, 1951.

⁴ К. Ф. Смирнов. Новые данные о сарматской культуре Северного Кавказа, стр. 118; он же. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки.

⁵ К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951.

Рис. 38. Вещи из Карабудахкентского могильника.

1 — железная булавка (погребение № 5); 2—5 — бронзовые булавки (погребения № 18, 25, 38, 58); 6 — серебряные височные кольца (погребение № 58); 7 — бронзовая подвеска; 8 — бронзовый колокольчик; 9 — костяные наконечники стрел (погребение № 38); 10 — бронзовая фибула (погребение № 1); 11—13 — бронзовые зеркала (кв. 5а, погребения № 5 и 18) (3/4 нат. вел.).

городища четко вырисовывались контуры печи. В ряде мест торчали большие сосуды для хранения продуктов, в частности зерна.

Уже предварительное знакомство с археологическим комплексом в районе Агач-Калы показало, что здесь находится ценный памятник раннего средневековья.

За три полевых сезона, с 1948 по 1950 г., на Агачкалинском могильнике нами исследовано шесть больших каменных склепов, 20 земляных могил и два каменных ящика. Кроме восточного отделения самого большого и богатого склепа № 1, где найдены вещи VII—VIII вв. (некоторые даже V—VI вв.), погребения в склепах и в земляных могилах по всему комплексу вещей относятся к IX—X вв. Наиболее поздними погребениями можно считать те, в составе инвентаря которых обнаружены браслеты темносинего и черного стекла.

Инвентарь земляных могил и склепов однотипен, одинаков и обряд погребения, несмотря на различные виды погребальных сооружений.

По общему архитектурному облику каменные склепы делятся на два вида: сложенные из больших, вертикально поставленных плит (склеп № 3) и сложенные из нескольких рядов небольших плит и камней (№ 1, 5). Сухая кладка этих склепов напоминает кладку современных каменных построек дагестанских аулов. При сооружении склепов № 2, 4, 6 были применены оба приема — сочетание кладки с большими, вертикально поставленными плитами.

В устройстве склепов первого вида и маленьких каменных гробничек (№ 13 и 20), возможно, отразилась древняя дагестанская традиция сооружения гробниц в виде каменных ящиков. Склепы второго вида конструктивно дают более сложную и развитую форму, хотя гробницы с примитивной каменной кладкой теперь нам известны в Дагестане уже с эпохи бронзы (гробница в кургане Ярти-тёбе).

Земляные могилы представляют один из вариантов простой грунтовой ямы, обставленной в головах и ногах небольшими каменными плитами, служившими опорой для деревянного перекрытия (доски или плахи) над погребенными.

В 1950 г. обнаружены у изголовья (могила № 16) и вдоль могилы (№ 19) каменные стенки, которые, вероятно, являются пережитком оград или обкладок грунтовой могилы камнями, прослеженных в дагестанских могильниках первых веков нашей эры.

Почти все погребенные, независимо от типа погребального сооружения, хоронились в вытянутом положении на спине, головой к поселению, т. е. на восток. Исключение представляет маленький каменный ящик № 11, в котором были сложены кости женщины и ребенка.

Глиняные сосуды, преимущественно кувшины, чаще всего ставились по одному в головах, реже в ногах (рис. 39—23—30). При мужских костях имеется оружие, особенно в богатых склепах (копья, сабли; рис. 39—1), иногда стрелы, а также предметы конского убора (стремена, удила, различные металлические бляхи и кольца). Предметы женского инвентаря, особенно в склепах, весьма разнообразны: на голове одна или две булавки (рис. 39—2-4), в ушах серьги из бронзы, серебра или золота (рис. 39—5-7), на шее богатые ожерелья из каменных, стеклянных и пастовых бус, медальоны и различные привески, на руках бронзовые или серебряные перстни (рис. 39—10) и браслеты; встречаются полые бубенчики или бусы, иногда позолоченные, стеклянные туалетные сосудики с краской (рис. 39—21-22), ухвертки (рис. 39—9, 11) и металлические зеркала (рис. 39—8). В 1950 г. найден бронзовый медальон с изображением креста (рис. 39—17) и нательный сердоликовый крест (рис. 39—18). Последние, очевидно, попали сюда от христиан и использовались языческим населением в качестве украшений (подвесок).

{Рис. 39. Вещи из Агачкалинского могильника и поселения.

1 — сабля (могила № 19); 2 — бронзовая булавка (могила № 16); 3, 4 — бронзовые булавки (склеп № 6); 5 — бронзовая серьга (могила № 16); 7 — позолоченная серьга (склеп № 5); 8 — бронзовое зеркало; 9 — бронзовая ухвертка; 10 — бронзовый перстень (могила № 16); 11 — бронзовая ухвертка (склеп № 6); 12, 13 — бусы-печатки (могила № 20 и склеп № 4); 14, 15 — бронзовые бляшки от пояса (склеп № 5); 16 — бронзовая бляшка от пояса; 17 — бронзовый медальон (кв. 29); 18 — сердоликовый крестик (склеп № 6); 19 — бронзовая бляшка (склеп № 6); 20 — бронзовая бляха (склеп № 20); 21, 22 — стеклянные флакончики (склепы № 2 и 4); 23, 24 — кувшины из склепа № 6; 25 — кувшин из склепа № 4; 26 — сосуд из могилы № 16; 27, 29 — кувшины из склепа № 5; 28 — кувшин из могилы № 18; 30 — кувшин из склепа № 3; 31, 32 — кувшины с поселения (1 — 1/6 нат. вел.; 2 — 22 — 1/2 нат. вел.; 23 — 32 — 1/8 нат. вел.).

От одежды в склепах сохранились лишь обрывки кожи, меховой одежды, тонкой и грубой ткани, искусно простроченных узких кожаных поясов. Ремни имели металлические пряжки и часто украшались бронзовыми или серебряными наконечниками и разного вида бляшками с растительным узором, изображением животных, человеческих лиц и религиозных сцен (рис. 39—14-16).

Рассматривая Агачкалинский могильник как кладбище этнически однородного населения, жившего вблизи на плато, мы должны подчеркнуть резкую имущественную и, очевидно, социальную дифференциацию этого населения, достигшего раннего этапа классового общества. Богатые семьи погребались в склепах, рядовое население в земляных могилах. Размерами, тщательностью сооружения и особым богатством инвентаря выделяются склепы № 1 и 5. Представляли ли прочие склепы самостоятельные семейные усыпальницы или своего рода «филиалы» больших склепов, можно выяснить лишь после вскрытия более обширной площади. Фамильный характер погребений очевиден. В неразграбленных склепах № 2, 4, 6, где удалось установить число погребенных (5—8 человек), преобладают женские захоронения; однако в каждом склепе был хотя бы один мужской костяк. Очевидно, только с захоронением воинов следует связывать конские погребения, которые расположены близ входа в склепы, обычно на уровне их пола.

Земляные могилы на вскрытой площади распределены неравномерно. Они главным образом группируются также около склепов, выражая определенную зависимость рядового населения от богатой верхушки общества, погребенной в склепах.

Часто могилы содержат коллективные погребения — одновременные (№ 3, 5, 6, 9, 11, 12) и последовательные (№ 7, 16). Особый интерес представляет коллективная могила (№ 16) с 17 покойниками (мужчины, женщины и дети). Она свидетельствует о существовании большой, очевидно патриархальной, семьи у раннесредневекового населения данного района. Вероятно, единую семейную группу представляют сосредоточенные в одном месте погребения № 5—8, 10. В этой группе зафиксировано не менее восьми погребенных.

Агачкалинский могильник входит в общую группу памятников алано-хазарского времени Северного Кавказа (VI—X вв.). Территориально и хронологически ближе всего к Агачкалинскому стоит катакомбный могильник IX в. у с. Дуба-юрт на р. Аргуни Грозненской области¹. Однако Агачкалинский могильник имеет специфические черты в сооружении земляных могил и склепов, в обряде погребений и в составе погребального инвентаря. Эти особенности сближают его с большим «курганом» под Буйнакском, погребения которого относятся к III—VII вв. н. э.² и подтверждают генетические связи населения VII—X вв. с местным населением дохазарского времени.

Таким образом, археологические данные дают право рассматривать население, оставившее Агачкалинский могильник, как местное, очевидно, входившее в племенное хазарское объединение Северного Дагестана под именем барсилов раннесредневековых источников³.

В 1950 г. начаты раскопки поселения, находящегося на плато над Агачкалинским могильником. Поселение, судя по одинаковым формам керамики (рис. 39—31-32), браслетов, колец с выступами, пряслиц, одновременно могильнику. При раскопках обнаружены среди золы, угля

¹ А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. Грозный, 1938.

² А. А. Захаров. Указ. соч., стр. 216.

³ М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.

и обожженной земли остатки каменных фундаментов зданий и развалившихся каменных стен с глиняной обмазкой. Внутри помещений сохранилась некоторая домашняя утварь: глиняные кувшины и большие сосуды для хранения продуктов, зернотерная плита, пряслица, очажные подставки, бронзовые кольца и обломок браслета, архитектурная глиняная деталь в виде головы барана. Около домов вскрыта гончарная печь с обломками еще необожженной посуды. Находки на поселении костей домашних животных (главным образом, овцы), каменной зернотерки и отпечатка зерна ячменя в глиняной обмазке свидетельствуют о развитии скотоводства и земледелия.

Материалы раскопок Агачкалинского археологического комплекса характеризуют высокую культуру местного населения, вероятно уже достигшего начального этапа классового общества, занимающегося земледелием и скотоводством, расцвет в Северном Дагестане VII—X вв. строительного дела и различных ремесел — керамического, кузнечного, литейного и ювелирного. Находки среди инвентаря Агачкалинского могильника привозных вещей (арабские аббасидские диргемы, бусы, медальоны и перстни с резным камнем, каменные бусы-печатки, стеклянные сосуды, перстни и браслеты, крест из сердолика и пр.) свидетельствуют о широких торговых связях населения Северного Дагестана, особенно с арабскими странами и, вероятно, с Византией.

Культура населения Северного Дагестана родственна аланской. Ее творцами были местные племена Дагестана, очевидно, непосредственные предки кумыкского населения Дагестанской АССР.

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

РАСКОПКИ ИЛУРАТА, ТИРИТАКИ И МИРМЕКИЯ

Работы по исследованию городов древнего Боспора, планомерно проводимые Боспорской археологической экспедицией, были продолжены в 1950 г. Экспедиция была организована ЛОИИМК АН СССР совместно с Ленинградским государственным университетом им. А. А. Жданова и Керченским археологическим музеем¹.

Раскопки велись на трех городищах — Илурат (дер. Ивановка, в 17 км на юго-запад от Керчи), Тиритака (пос. Аршинцева) и Мирмекий (мыс Карантинный).

В Илурате на внутренней территории городища значительно расширены оба раскопочных участка, на которых работы систематически ведутся с 1948 г. На участке I полностью раскопаны еще один дом, расположенный вдоль северо-восточной стороны первой Поперечной улицы (рис. 40). Занимаемая им площадь составляет 224 м². Вход в дом, шириной 1,85 м, устроен со стороны улицы. В отличие от других, ранее раскопанных жилых зданий, входной проем здесь вводит не прямо во двор, а отделен от него коридорообразным проходом Φ , длиной 4,25 м, шириной 1,95—2,10 м, с дверью в северо-восточном конце. За нею расположен узкий, вытянутый с северо-запада на юго-восток двор, с трех сторон которого находятся жилые и хозяйственные помещения.

Двор тщательно вымощен каменными плитами (рис. 41); преобладают большие массивные, с хорошо выровненной наружной поверхностью. Во дворе С нет водостока для удаления атмосферных осадков за пределы усадьбы, подобно тому как это устроено в соседнем доме (И — К — Л — Н), раскопанном в 1949 г.² Повидимому, водосток был заменен поглотителем в виде прямоугольной ямы (0,4 × 0,8 м), вырубленной в скалистом материке рядом со входом в помещение Т.

По обе стороны от коридора Φ расположены хозяйственные помещения Т и Х. Из них помещение Т (длина 5,9—6,1 м, ширина 2,9 м) несомненно служило кладовой, где хранились запасы продовольствия, что

¹ Состав экспедиции следующий: начальник В. Ф. Гайдукевич, руководители отрядов Е. Г. Кастанаян, М. А. Наливкина и А. П. Иванова; в работах по обмерам раскопок Илурата принимала участие Л. И. Чуистова (зам. директора Керченского музея), раскопочным участком I в Илурате заведывала Э. Д. Рабинович. В экспедиции работали студенты ЛГУ.

² См. КСИИМК, вып. XXXVII, стр. 198; план на рис. 64а (начинавшийся во дворе Л водосток проходил под полом помещения К через люк, устроенный в нижней части юго-восточной стены этого помещения; дождевая вода стекала на уличную мостовую).

подтверждается наличием в юго-восточной половине впущенных на 0,3 м в пол (выровненная глиной скала) двух днищ больших глиняных пифосов.

При расчистке остатков пифоса, расположенного ближе к входу, на дне обнаружено довольно много зерен пшеницы. Интересно, что дно другого пифоса имеет свинцовые скрепы; следовательно, он еще в древности был подвергнут реставрации ввиду появившихся трещин.

Симметрично помещению *T*, по другую сторону коридора *Ф*, находится помещение *X* (длина 5,6 м, ширина 2,9 м); оно сообщалось только с

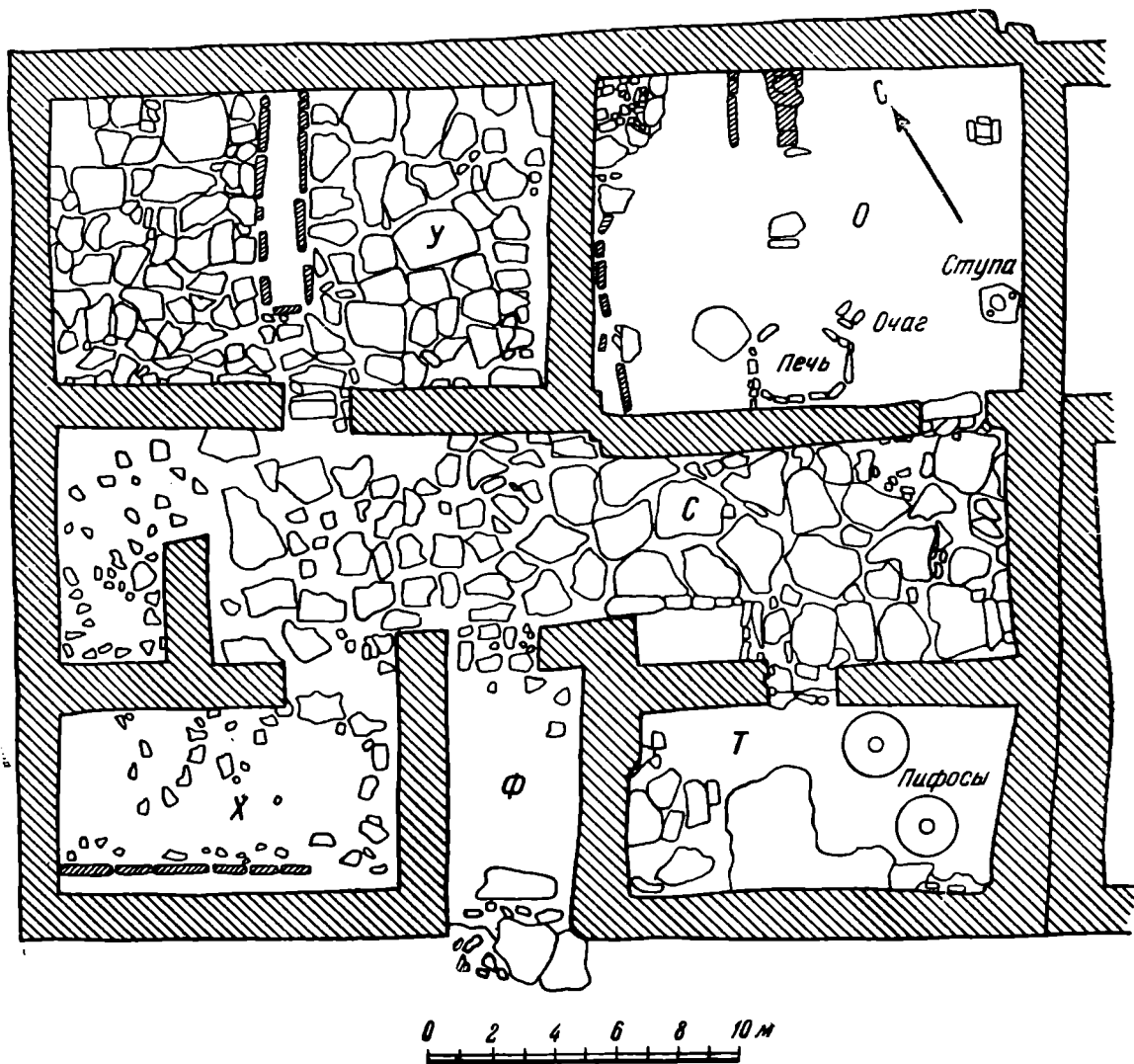

Рис. 40. Илурат. План дома, открытого в 1950 г. на участке I.

двором; вход был шириной 1,6 м; пол земляной, лишь кое-где по его поверхности рассеяны небольшие каменные плитки. Существенная часть внутреннего оборудования — «загородка», образованная из шести каменных плит, расположенных вдоль юго-западной стены. Поставленные на ребро известняковые плиты вкопаны в пол и возвышаются над ним на 0,3 м; расстояние между плитами и стеной 0,25 м.

Кажется наиболее вероятным, что помещение *X* предназначалось для домашнего скота и «загородка», очевидно, выполняла функции ясель для засыпки корма.

Отгороженное короткой стеной небольшое пространство (1,6 × 3,6 м) в северо-западной части двора (между помещениями *Y* и *X*) служило маленьким сараем или кладовой.

Главные помещения дома (О и У) занимают северо-западную половину усадьбы. Каждое из них имеет вход только со двора, между собой они не сообщаются. Хотя стена, разделяющая комнаты О и У, сильно разрушена и от нее на значительном протяжении уцелел только один нижний ряд кладки, тем не менее можно быть вполне уверенным, что дверного проема в стене не было. Подтверждением этому, в частности, служит находящаяся в помещении О вдоль его северо-западной стены «загородка», составленная из ряда врытых в пол плит («загородка» несколько деформирована, часть плит сдвинута со своих мест). Существование такой «загородки» около стены исключает возможность устройства здесь двери. В помещении (5,2 × 6,7 м) глинобитный пол расположен на 0,6 м ниже уровня вымостки двора С.

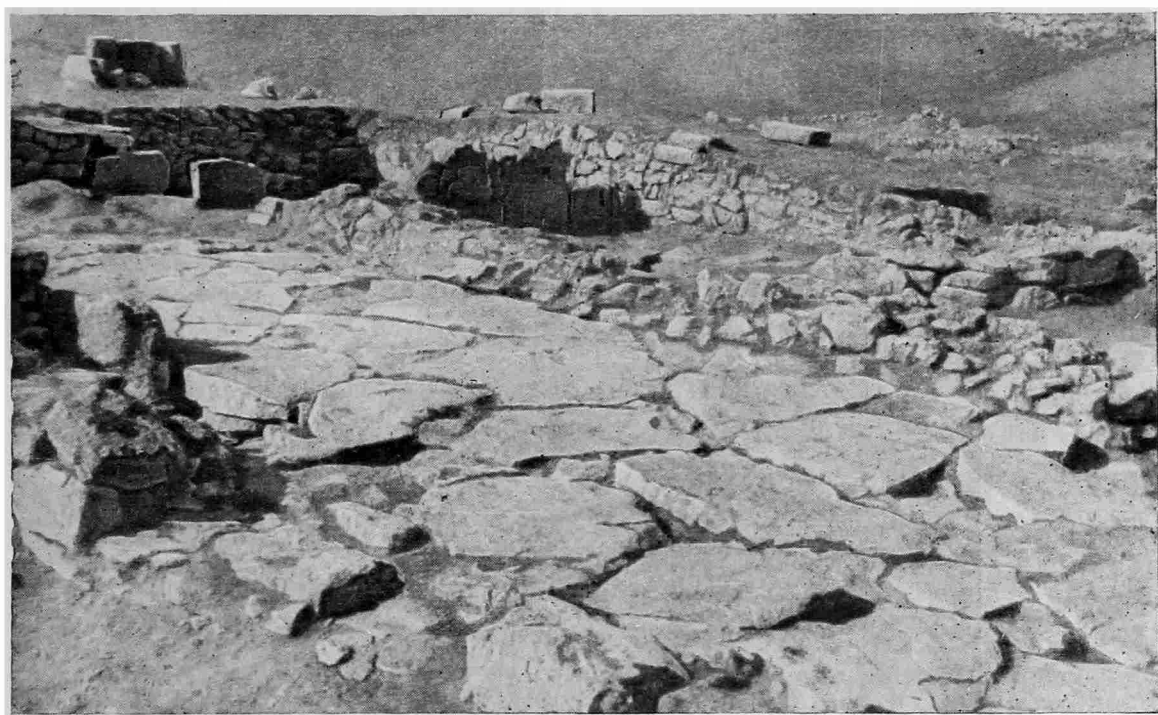

Рис. 41. Илурат. Вымостка двора С.

Близ входа, у юго-западной стены, находится печь обычного для илуратских домов типа: внешний корпус состоит из вертикальных плит, внутри топки возвышаются три каменных столбика, поддерживавших глиняную плиту, которая перекрывала топку¹. Около печи на полу вырыта неглубокая яма для золы.

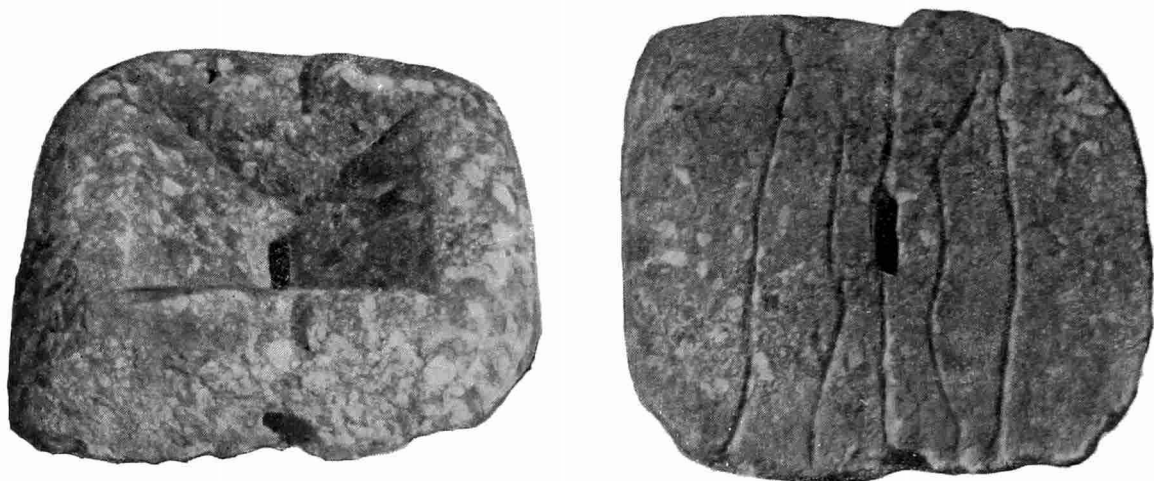
Как и в других уже исследованных домах Илурата, рядом с большой печью, служившей для выпечки хлебных лепешек и для обогрева комнаты, сооружен из трех плиток известняка маленький очажок, имеющий в плане форму буквы П. Повседневная мелкая стряпня, варка пищи производилась на этом миниатюрном очажке, высотой 0,2 м.

На полу, неподалеку от очага, лежал прекрасно сохранившийся четырехугольный гранитный жернов от ручной мельницы (рис. 42—1). Его длина 0,56 м, ширина 0,5 м, высота 0,12—0,14 м. На нижней стороне жернова очень хорошо видны высеченные бороздки. Настоящая находка заставляет вспомнить соседний дом, где при раскопках 1949 г. в комнате И рядом с очагом оказался подобного типа каменный жернов. Отличная

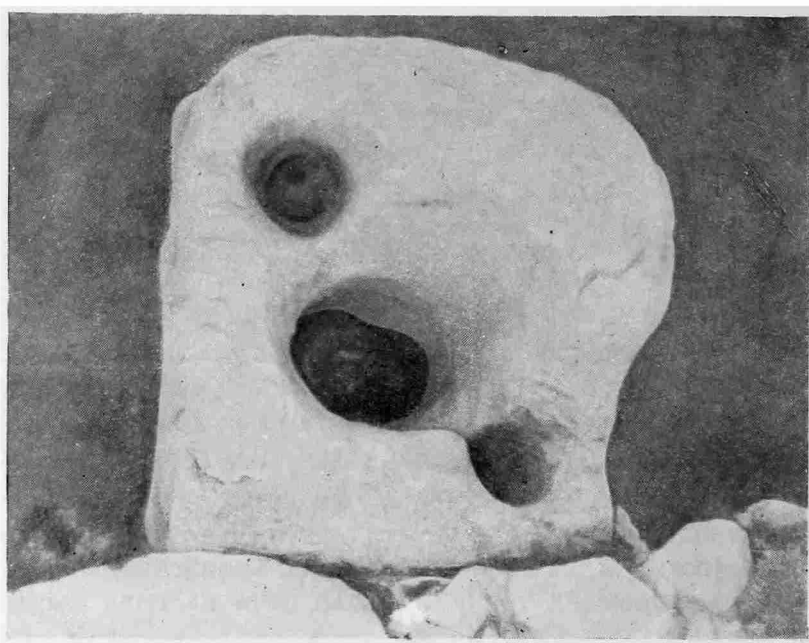
¹ Подробнее об илуратских печах см. в КСИИМК, вып. XXXVII, стр. 203—204.

сохранность жернова, найденного в помещении О, позволяет отметить существенную деталь его устройства. На двух противоположных сторонах, близ основания, сделаны полукруглые вырубki. Наличие их показывает, что деревянная горизонтальная рукоятка, служившая для толкания жернова и накладывавшаяся на него сверху в специально устроенные углубления, была

1

2

Рис. 42. Илурат.

1 — жернов; 2 — ступа (вид сверху) из помещения О.

с двух сторон связана с основанием жернова железными стержнями, верхние концы которых соединялись с рукояткой, а нижние входили в выемки, где закреплялись свинцовой заливкой.

В помещении О обнаружено еще одно орудие для переработки хлебных злаков: возле юго-восточной стены установлена каменная ступа (рис. 42—2) несколько необычного устройства. Кроме центрального углубления (диаметр 0,22 м, глубина 0,52 м), присущего каждой ступе, у этого экземпляра есть еще два дополнительных круглых углубления, расположенные в угло-

вых частях (диаметр 0,11 и 0,10 м, глубина 0,19 и 0,07 м). Повидимому, найденная ступа с тремя рабочими ячейками была приспособлена для изготовления не одного какого-нибудь продукта, а нескольких его разновидностей.

Не совсем ясно назначение полукруглой площадки, высотой 0,5 м, занимающей северный угол комнаты. Передняя ее сторона, сложенная из трех рядов более крупных камней, имеет дугообразное очертание.

Нечто подобное обнаружено раньше лишь еще в помещении Г, которое входит в состав комплекса А—Б—В—Г—Д, раскопанного в 1948 г. на том же участке I¹. Здесь также оказалась полукруглая выкладка из одного ряда камней, устроенная в углу, образованном стеной и возвышенной юго-западной частью помещения. Последнее было культовым, что подтверждается, в частности, открытием в нем жертвенника с человеческим черепом².

Поскольку есть основание думать, что полукруглая угловая площадка в помещении Г выполняла какие-то функции, связанные с культом, возникает вопрос, не было ли обусловлено устройство сходного сооружения в северном углу помещения О аналогичными культовыми потребностями? К сожалению, отсутствие вещевых находок, которые могли бы подтвердить такое предположение, не позволяет пока на нем настаивать.

У северо-восточной стены сохранилась «загородка». Одна сторона ее состоит из двух поставленных на ребро (и впущенных своей нижней частью в пол) плит, а другая, параллельная первой и отстоящая от нее на 0,55 м, сложена из нескольких камней; высота сооружения 0,6 м.

Соседнее помещение У — такое же по площади (4,35—4,65 м × 7,6 м); вход в него (ширина 1,1 м) со стороны двора, почти точно посередине юго-западной стены. Хорошо сохранились четыре каменные ступени, уложенные в дверном проеме. Такой ступенчатый спуск был совершенно необходим, так как пол в помещении на 0,65 м ниже вымостки двора. Пол состоит из сплошного плитового настила, отсутствующего лишь внутри «загородки», расположенной в средней части помещения. Ее образуют два параллельных ряда поставленных на ребро плит, начинающихся у северо-восточной стены помещения. Плиты вкопаны нижней частью в земляное основание пола. Поперечная замыкает «загородку» в юго-западном ее конце, на расстоянии около 1 м от дверного проема. Внутренняя ширина «загородки» 0,4—0,5 м; пол в ней промазан глиной. Сделана «загородка» не особенно тщательно; входящие в нее плиты производят впечатление случайно подобранного материала — они разных размеров, различной толщины. Юго-восточная сторона в значительной своей части состоит из более высоких плит (до 0,93 м), чем северо-западная, в которой к тому же имеются небольшие промежутки между отдельными плитами, причем крайняя из них в юго-западном конце высотой всего лишь 0,24 м.

Такие «загородки» — обычная принадлежность илуратских домов. Один из типов, представленный в помещении У (подобные обнаружены еще в двух других домах)³, отличается тем, что двумя рядами плит ограждено пространство в средней части комнаты, как бы разделяясь на две половины.

Очевидно, «загородки» служили для различных хозяйственных целей. Там, где содержался скот, из плит устраивались ясли для корма. Пример подобного использования «загородок» дает помещение Х, занимающее западную угловую часть раскопанной в 1950 г. усадьбы.

¹ См. план в КСИИМК, вып. XXXVII, стр. 198, рис. 64а; ср.: СА, т. XIII, стр. 197 и рис. 12 на стр. 199.

² Подробнее об этом см. СА, т. XIII, стр. 198 сл.

³ Помещения М и Н, см. КСИИМК, вып. XXXVII, стр. 198, рис. 64а; стр. 205, рис. 67а.

Что касается «загородок» такого образца, как в помещении У, то приходится ограничиться лишь самым общим определением их назначения. Что именно в них содержалось, в точности еще не установлено; надо надеяться, что дальнейшие раскопки помогут выяснить и это.

В отношении строительной техники новый расследованный комплекс лишь подтвердил стойкую однородность приемов, применявшихся при возведении жилых кварталов Илурата. Основным материалом для кладки стен служил крупный и мелкий бут и небрежно обколотые плиты. Хорошо обработанные плиты шли на облицовку дверных проемов, оконных отверстий, на устройство внутренних «загородок». Весьма вероятно, что для самых верхних рядов кладки стен, связанных с устройством перекрытий и кровли, также предпочитался штучный камень. В огромных завалах, составляющих основной материал внутреннего заполнения развалин домов, наряду с бутовым камнем, естественно преобладающим, обнаруживаются плиты правильной формы чистой тески, иногда имеющие прямоугольные вырубki. Количество подобного рода плит в раскопах значительно больше того, что могла бы дать разрушившаяся облицовка проемов, к тому же и характер многих плит не соответствует таким облицовочным кладкам; приходится думать поэтому, что часть плит регулярного типа принадлежала венчающим рядам кладок стен.

Одна из плит, обнаруженная в помещении У (рис. 43), оказалась надгробием с пятистрочной греческой надписью; по форме букв она должна быть отнесена к середине II в. н. э. Надпись (к сожалению, отсутствуют ее верхние начальные строки) сообщает, что стела поставлена брату Матридору (!) памяти ради; текст заканчивается возгласом: «Возрадуйтесь!», обращенным к проходящим мимо могилы.

Возможно, надгробие было воздвигнуто местным фиасом (религиозным обществом), членом которого состоял Матридор; такое предположение подтверждается наличием в надписи выражения τῷ ἰδίῳ ἀδελ(λ)φῷ («собственному брату»). Известно, что члены боспорских фиасов назывались братьями, и на одной из пантикапейских стел II в. н. э., поставленной фиасом своему умершему сочлену, применено выражение, такое же как и на илуратском надгробии.

Очевидно, надгробие, найденное в завале помещения У и являющееся первым эпиграфическим памятником из Илурата, было взято с некрополя и использовано в качестве строительного материала.

Среди важнейших архитектурных элементов открытого в 1950 г. дома остается лишь отметить, что обломки черепиц, обнаруженные во дворе и в помещениях, подтверждают существование черепичных кровель. То, что таких обломков найдено сравнительно мало (а это постоянно наблюдается при раскопках домов Илурата), не должно нас удивлять. Илурат перестал существовать как заселенная гарнизоном крепость в конце III в. н. э. Но жизнь в других населенных пунктах пантикапейской округи продолжалась и позднее — в IV в. Вполне понятно, что из оставленных обитателями Илурата домов многое было утилизировано окрестными жителями. Не мог остаться без внимания и такой ценный материал, как керамические кровельные покрытия. Все мало-мальски годные для дела черепицы, конечно, были забраны и использованы в других местах.

Вещевой материал (больше всего дало помещение О) состоял преимущественно из обломков лепной керамики, как всегда, преобладающей в Илурате и амфор (главным образом боспорских) III в. н. э. Во дворе С найден обломок еще одного каменного топора, относящегося к периоду бронзы¹.

¹ О находках в Илурате вещей эпохи бронзы см. КСИИМК, вып. XXXVII, стр. 207; СА, т. XIII, стр. 191.

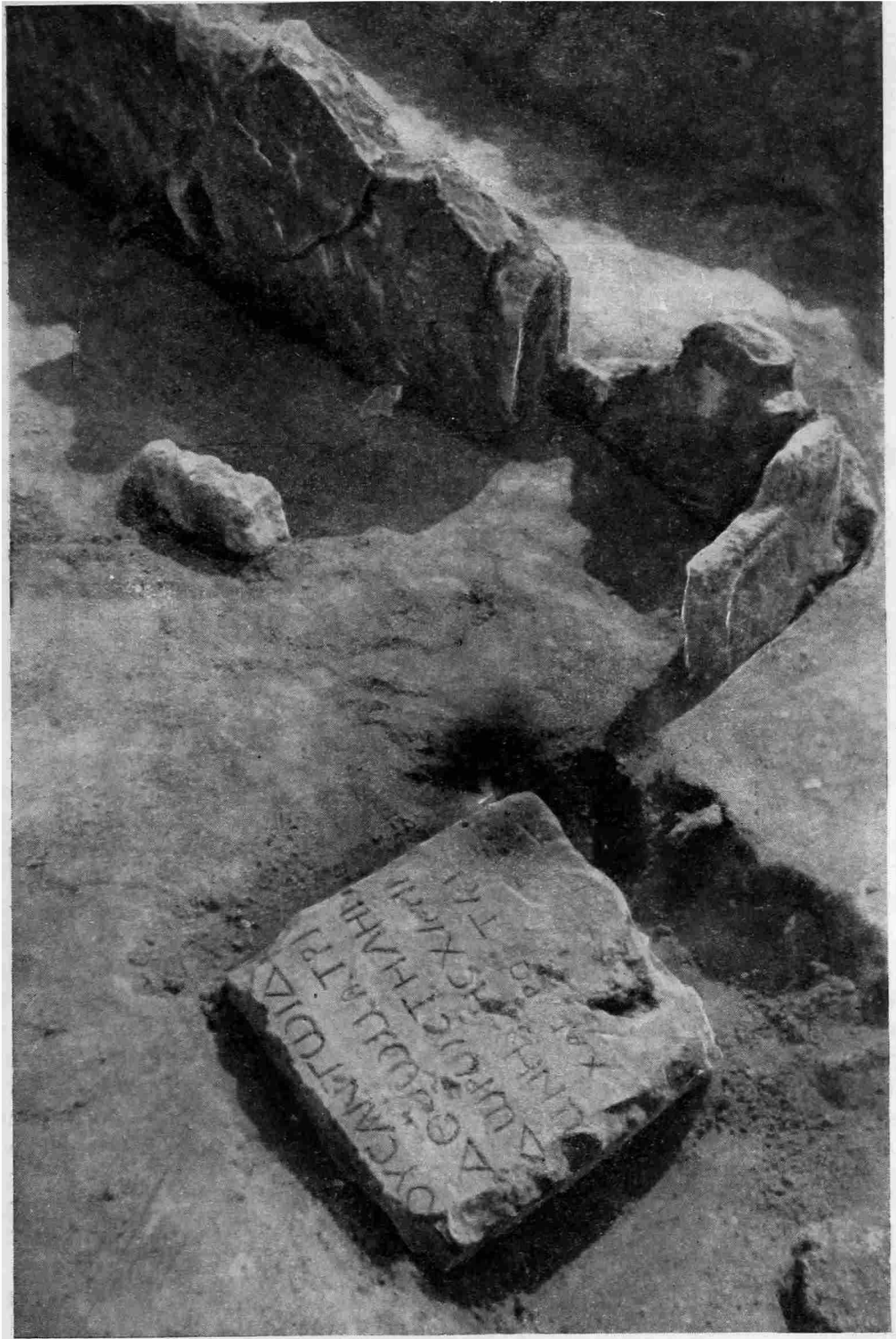

Рис. 43. Илурат. Плита с надписью, найденная в помещении У
(на заднем плане видна частично открытая «загородка»).

Среди битой керамики, разбросанной по двору, собраны куски сосуда, который удалось восстановить. Это круглая красноглиняная чашка с прямыми стенками и плоским дном, к которому снизу были прикреплены три ножки (они не сохранились). В стенках и в дне проделаны сквозные дырки (рис. 44—1). Внутри поверхность покрыта тонким слоем белой глины.

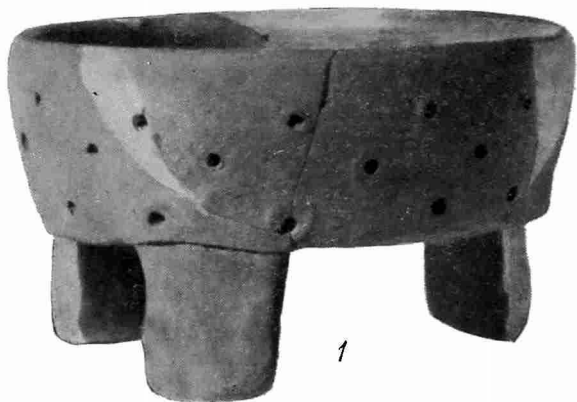

Рис. 44. Илурат. Керамика.

1 — сосуд-педяка III в. н. э.; 2 — обломок сосуда VIII — IX вв.

Такой же сосуд с одной сохранившейся ножкой найден в 1949 г. при раскопках двора Л, принадлежащего соседнему дому.

Повидимому, такие сосуды применялись в домашнем хозяйстве для отцеживания творога. От попытки видеть в них жаровни — переносный нагревательный прибор, или курильницы следует отказаться ввиду полнейшего отсутствия даже самых слабых признаков нагара на стенках. В сосуде, обнаруженном во дворе С, внутренняя поверхность, специально обмазанная светлой глиной, сохранилась совершенно чистой, как и в сосуде из раскопок 1949 г., хотя в последнем обмазки нет.

В заключение характеристики остатков вновь открытого дома укажем еще на одну небезинтересную подробность.

В восточном углу помещения У в промежутке между плитами, образу-

щими сплошной настил, оказалось углубление, в котором лежал костяк собаки, перекрытый слоем глины до уровня плитового пола. Пожалуй, проще всего было бы объяснить такое несколько неожиданное захоронение внутри помещения тем, что любимую собаку хозяева похоронили у себя в доме. Кажется все же более вероятным, что погребение собаки в доме было ритуальным и что в данном случае мы имеем дело с проявлением того же обычая, который засвидетельствован находкой скелета собаки в глинобитном заполнении дверного проема мавзолея, открытого экспедицией П. Н. Шульца в скифском Неаполе¹. Последнее вполне подтверждает, что у скифов практиковалось принесение собаки в жертву, очевидно, в целях обеспечения безопасности². Таким образом, выявленное в помещении У своеобразное захоронение дает еще один штрих, подтверждающий живучесть скифских традиций у населения Илурата.

¹ Эту интересную подробность нам сообщил А. Н. Карасев, лично производивший расследование входа в мавзолей в 1948 г.

² В этой же связи уместно вспомнить, что рядом с одним из скифских погребений классического периода, открытым в районе Нимфея, была обнаружена могила с захоронением лошади и собаки (см. E. A. Gardner. *Ornaments and Armour from Kertch in the New Museum at Oxford*, Journ. of Hellen. Studies, V, 1884, стр. 63).

В 1950 г. раскопки были продолжены и на участке III; в результате этих работ расследованная здесь площадь городища значительно увеличилась (рис. 45). Полностью раскрыто помещение П, частично раскопанное в 1949 г.¹, и примыкающее к нему с юго-восточной стороны помещение Т; за ним следует (в том же юго-восточном направлении) помещение Ц (открыта лишь часть его). Кроме того, выявлены два помещения (Р и Х), прилегающие к помещению П с юго-западной стороны. Определилась интересная планировка квартала.

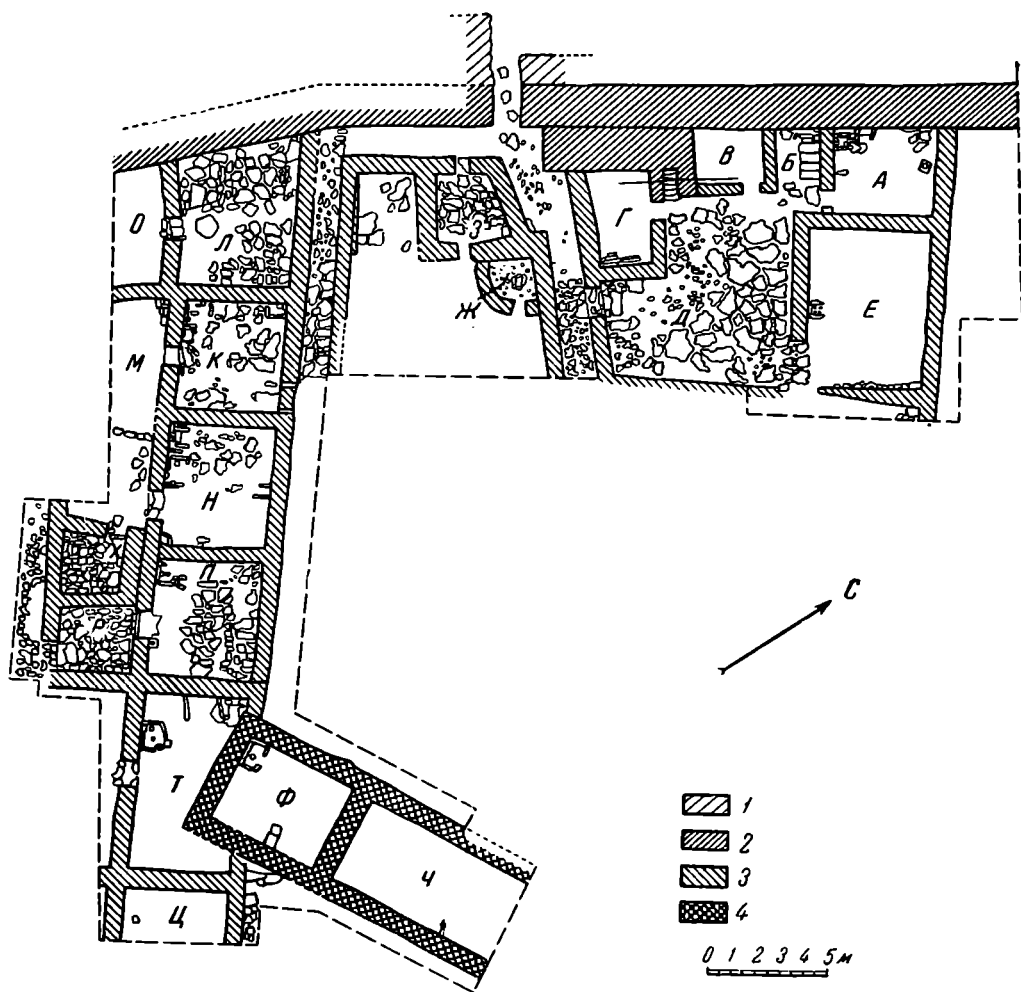

Рис. 45. Илурат. План участка III.

1 — оборонительная стена-пояс II в. н. э.; 2 — то же I в. н. э.; 3 — стены вданий II — III вв. н. э.; 4 — то же VIII — IX вв. н. э.

Начиная от оборонительной стены, на протяжении 34 м простирается вытянутый в одну линию длинный ряд не сообщавшихся между собой больших помещений (Л, К, Н, П, Т, Ц), имеющих вход с юго-западной стороны. С этой же стороны к ним примыкали небольшие хозяйственные постройки, что вполне удалось выяснить во время исследования участка за помещением П. Вдоль помещений Р и Х проходит узкий (1,1 м) переулок, вымощенный мелкими каменными плитами. Такой же замощенный переулок тянется от оборонительной стены рядом с помещениями Л, К, Н, П, Т, Ц. Его отделяет от отмеченного выше параллельного переулочка пространство, шириною 9,40 м, занятое постройками. Как видим, здесь применен иной прием застройки, нежели в квартале, открытом на первой Поперечной

¹ План участка III см. КСИМК, вып. XXXVII, стр. 200, рис. 646.

улице участка I. Там в каждом доме помещения сгруппированы вокруг двора, занимающего центральную часть усадьбы.

По такому же принципу распланирован дом *A—B—B—Г—Д—E*, раскопанный на участке III в 1948—1949 гг. Иную картину дает квартал участка III, изучавшийся в 1950 г. Жилые комплексы тут более ограниченных размеров, при этом они (во всяком случае некоторые) лишены дворов. Примером может служить комплекс *П—Р*, состоящий всего лишь из двух помещений: к большой жилой комнате *П* примыкает с юго-западной стороны меньшее помещение *Р* с выходом только в переулок.

Различия в планировке отдельных кварталов обусловлены были социально-имущественной градацией населения Илурата и тем положением, которое занимали отдельные жители как военные поселенцы в составе гарнизона крепости.

По своему устройству вновь открытые жилые помещения *П* и *Т* типичны для Илурата. В плане комнаты прямоугольны, в каждой влево от входа, у юго-западной стены, расположена обычная печь, а рядом с нею маленький П-образный очажок. В помещении *П* печь занимает западный угол, а возле юго-восточной притолки стоит каменная ступа. Полы в комнатах глиняные. Глиной покрыта материковая скала, на которой возведены стены зданий, а там, где скала имела особенно большие неровности, сделан выравнивающий настил из каменных плит, сверху промазанный глиной.

Сохранность стен неравномерная, местами они достигают высоты 1,50 м, но есть участки, где кладка разобрана почти до основания, а иногда и совсем выбрана, что в значительной мере обусловлено более поздним (средневекового времени) строительством, следы которого неожиданно выявились в 1950 г. в связи с раскопками помещений *П* и *Т*. Несколько подробнее мы остановимся на этом ниже.

Полы в помещениях (*П*, *Р*, *Х*, отчасти *Т*) находятся на глубине 1,5—1,6 м от современной поверхности городища, но далее на северо-восток и юго-восток насыпь городища резко понижается, слой над средневековым зданием (с помещениями *Ф* и *У*), открытым в 1950 г. к северо-востоку от помещения *Т*, достигает глубины 0,5—0,7 м.

Большая часть толщи отложений представляет собой аморфную массу грунта эолового происхождения, в нем содержится огромное количество камня от разрушенных построек и некоторое число обломков керамики. Культурный слой, в тесном смысле — это отложения, залегающие в виде тонкого пласта непосредственно на уровне полов и вымосток и содержащие все то, что напрямую связано с хозяйственной жизнью и бытом обитателей помещений.

Вещевой материал из культурного слоя раскопанных помещений очень обилен и вполне типичен: много разнообразной лепной посуды (как всегда, она преобладает); в гораздо меньшем количестве представлена гончарная мелкая обиходная посуда; лишь изредка встречаются образцы краснолаковой керамики, еще реже — фрагменты стеклянных сосудов, а находки монет — единичны. По обыкновению, много обломков амфор. Помещение *Р* было завалено разбитыми амфорами. Почти все они относятся к группе красноглиняных боспорских амфор III в. н. э., очень вместительных, больших, с широкими горлами и массивными ручками. Узкогорлые импортные амфоры, которые вообще в Илурате более редки в сравнении с боспорской амфорной продукцией, в помещении *Р* обнаружены в виде немногочисленных обломков.

Помещение *Р* проходное и очень мало по площади (9 м²). Вряд ли в нем можно было разместить такое количество крупных амфор (судя по числу сохранившихся горл, — не меньше 30). Возможно, амфоры хранились на чердаке.

Один из обломков амфор имеет граффито ПΥΡ — вероятно, обозначение хранившегося в сосуде продукта — пшеницы (= Πυρός).

Интересна неполностью сохранившаяся терракотовая маска бородатого Геракла (рис. 46), служившая украшением жилища и, несомненно, являвшаяся вместе с тем апотропеем; на месте глаз и рта маски — отверстия; дырочка же в области уха служила для прикрепления маски¹.

В завале камней, лежащем внутри помещения П, оказался обломок мраморной статуи — часть человеческой ступни. Ее размеры показывают, что статуя представляла человеческую фигуру, близкую к натуральной величине.

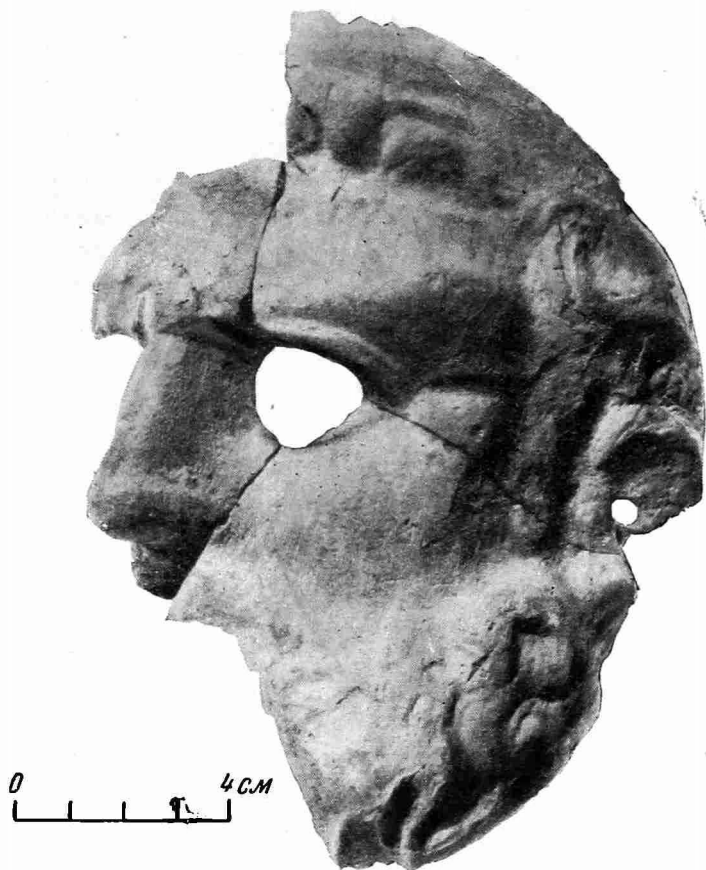

Рис. 46. Илурад. Терракотовая маска Геракла.

Весь массовый вещевой материал датируется II—III вв. н. э. Нельзя не упомянуть очередной находки — обломков каменных шлифовальных секир. Обломок передней части секиры из светлозеленого порфиритового диабазы обнаружен в помещении Р, другой — обушная часть топорика из базальта — в помещении Т. Илурадская коллекция вещей эпохи бронзы, таким образом, систематически пополняется, и предположение о существовании в этих же местах селища в доскифское время становится все более вероятным. Остатки его, видимо, были разрушены в связи с строительством крепости в начале нашей эры. Происходящие из селищ каменные орудия использовались жителями Илурата. Не исключено, что таким древним поделкам из камня приписывалась магическая сила и они ценились как талисманы.

Прежде чем перейти к характеристике средневековых строительных

¹ Тип маски ср.: S. Reinach. *Antiquités du Bosphore Cimmérien*, стр. 123, табл. XXVI, 5; ОАК, 1878, стр. 20—21, рис. на стр. 145.

остатков, обнаруженных на участке III в 1950 г., отметим результаты исследования помещения Л, раскопанного в 1949 г.

Помещение Л примыкает непосредственно к оборонительной стене. Вход — с юго-востока, хорошо сохранилась нижняя часть дверного проема, его ширина 0,9—1 м. Пол выстлан плитами, лежащими на скале (материк). В южном углу, на высоте 0,30 м от пола, в стене вырублено небольшое полукруглое, нишеобразное углубление, поверхность которого носит следы действия огня. Поскольку при раскопках на полу найдено довольно много кусков шлака (губчатая спекшаяся масса), можно думать, что в помещении занимались каким-то производством. Характер последнего, вероятно, определится после исследования шлаков.

В 1950 г. в полу помещения Л, близ дверного проема, обнаружена круглая, несколько расширяющаяся книзу яма (диаметр отверстия 0,9—1,1 м), вырубленная в скале. Когда был удален рыхлый грунт, заполнявший яму до дна (на глубине 2,25 м от пола), оказалось, что внутри имеется ход — узкий, но все же вполне достаточный, чтобы мог пройти человек (ширина хода 0,4—0,9 м, высота 1—1,2 м). Этот грубо вырубленный в скале ход с очень неровными стенками тянется в северном (с небольшим отклонением к востоку) направлении. Его удалось расчистить на протяжении почти 7 м. Дальше он загроможден обрушившимися глыбами скалы, трогать которые без предварительного устройства надлежащих креплений, опасно, так как могут последовать новые обвалы.

До полного расследования нельзя с уверенностью решить, для какой цели был сделан этот подземный ход. Близкое соседство с оборонительной стеной позволяет предполагать его военное назначение. Возможно, он вел к источнику воды. Население Илурата, повидимому, получало воду из колодцев, вырытых в балке с северо-восточной стороны крепости. Находящимся там колодцем и в настоящее время пользуются жители близлежащей деревни. В древности же воду оттуда можно было доставлять только в мирное время. В случае же осады крепости неприятелем доступ к источникам воды в балке прекращался.

Представляется поэтому весьма вероятным, что подземный ход из помещения был устроен для снабжения крепости водой в условиях осады.

При расчистке хода обнаружено некоторое количество обломков обычной для Илурата керамики II—III вв. н. э.

Во время раскопок помещения П было замечено, что часть северо-восточной стены разобрана в связи с производившимися здесь более поздними строительными работами. Полную ясность внесло исследование помещения Т, внутри которого оказался южный угол и юго-западная стена здания средневекового времени (при его сооружении разобрана северо-восточная стена помещения Т). Остатки этой вытянутой в плане постройки, заключающей в себе два помещения Ф и У, выявлены полностью, для чего пришлось значительно расширить площадь раскопа в северо-восточном направлении. От стен помещений Ф и У сохранились только нижние ряды кладки, но и они достаточны для того, чтобы, на основании некоторых признаков строительной техники, отнести сооружение к средневековью.

Стены сложены из бутового камня на глине, причем применен особый вид кладки — «в елку» (рис. 47—1), хорошо известной по развалинам домов VIII—IX вв., открытым на городище Тиритаки в его верхнем культурном слое¹. Найденные в илуратском средневековом здании обломки сероглиняных горшков, сделанных на ручном гончарном круге и украшенных нарезными узорами в виде горизонтальных бороздок и гребенчато-волнистым орнаментом (рис. 44—2), также чрезвычайно сходны с керамикой «хазарского» времени, обильно представленной в верхнем слое

¹ ВДИ, № 3, 1947, стр. 202—203.

Рис. 47. Илурат.

1 — остатки здания VIII — IX вв.; 2 — очаг в помещении Ф, VIII — IX вв.

Тиритаки¹. Попутно отметим, что очень близкие аналогии дает керамика хазарских культурных отложений VIII—IX вв. городища Саркела (материалы Волго-Донской экспедиции М. И. Артамонова).

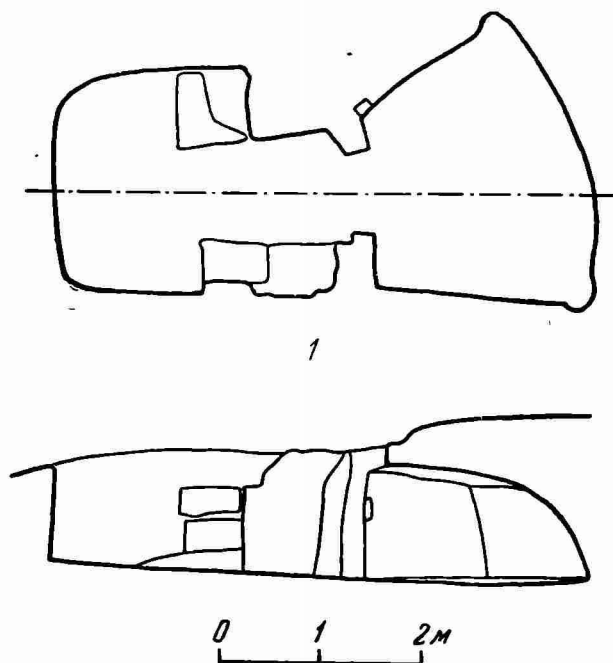

Рис. 48. Илурат.

1 — склеп № 2 (план и разрез); 2 — дромос и вход в склеп.

Следует признать установленным, что в VIII—IX вв. на месте античного Илурата снова появились поселенцы, использовавшие строительный материал из развалин старого города. Но застройке подверглись лишь

¹ Публикацию этой керамики мы даем в МИА, № 25.

некоторые небольшие участки городища. Этим объясняется отсутствие средневековых культурных отложений на обширной уже раскопанной площади.

Возможно, к тому же времени (VIII—IX вв.) относятся те строительные остатки («круги»), которые сохранились на территории, прилегающей к Илурату с юго-востока¹.

В западном углу помещения Ф обнаружен хорошо сохранившийся очаг. Интересно, что его устройство совершенно такое же, как и очагов в илуратских домах II—III вв.: внешний корпус состоит из поставленных на ребро плит, посередине топки находится четырехгранный каменный столбик, поддерживавший плоское глиняное перекрытие (рис. 47—2).

Кроме работ на городище, в 1950 г. продолжено изучение южного некрополя, где был раскопан еще один склеп, оказавшийся разграбленным, но представляющий интерес по своему устройству, иному, чем у склепа, обнаруженного в 1947 г. Короткий, открытый сверху дромос (рис. 48—2) с обеих сторон облицован известняковыми блоками. Вход и камера вырублены в скале. Камера не имеет лежанок, чем коренным образом отличается от склепа 1947 г.; в обоих углах той стороны, где находится вход, высечены небольшие ниши. Вход в камеру был завален (в нижней своей части) большим необработанным камнем, лежавшим в проеме внутри склепа, а со стороны дромоса закрыт плитой, верхняя половина которой отколота грабителями. На полу склепа обнаружены остатки детского костяка и незначительные обломки керамики.

В общем раскопки 1950 г. в Илурате дали немало нового.

Полностью раскрыт еще один дом (на участке I), существенно дополняющий наши представления об илуратских жилищах; работы на участке III выявили ряд жилых комплексов и позволили выяснить интересные особенности планировки определенной части города. Найден первый эпиграфический памятник. Открыт «подземный ход», вероятно связанный с военными функциями Илурата как города-крепости. Обнаружены остатки постройки VIII—IX вв., что проливает новый свет на историю прилегающего к Керчи района в период, когда он находился в зависимом от хазар положении.

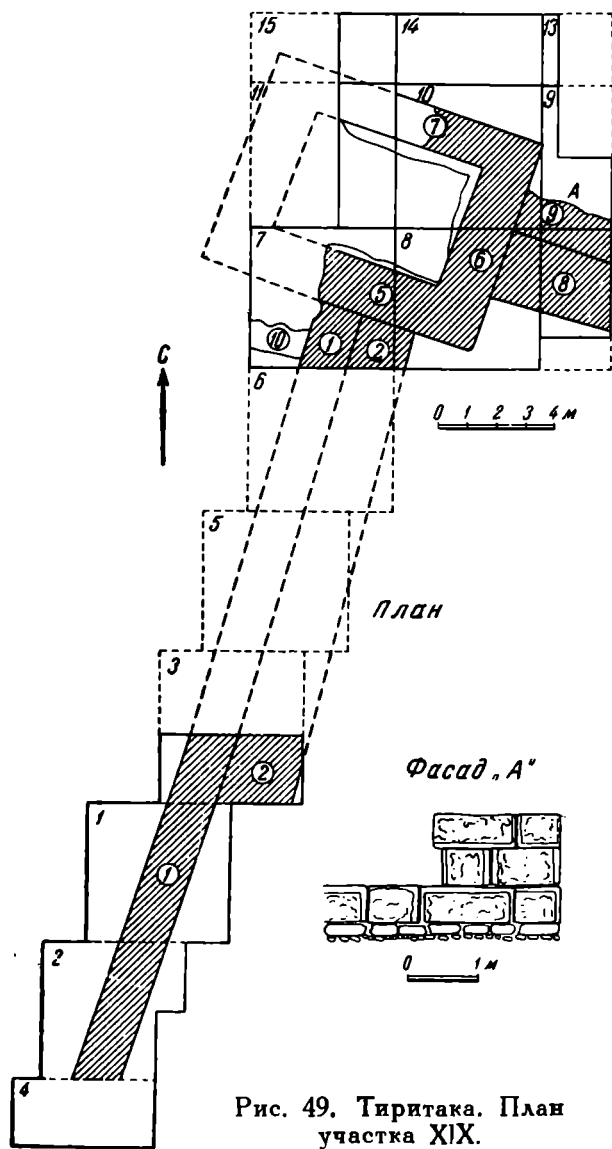

Рис. 49. Тиритака. План участка XIX.

¹ См. план в СА, т. XIII, стр. 177.

В Тиритаке раскопки в 1950 г. были ограничены исследованием северо-западного участка оборонительных сооружений (рис. 49).

Важным результатом исследований 1948—1949 гг. является открытие остатков западной и северной оборонительных стен, в районе их стыка, защищенного большой угловой башней (рис. 50). Тем самым точно определена северная граница древнего города. Выяснено, что с западной стороны стена состояла из двух поясов. К первоначальной стене 2, шириною 1,75—2,0 м, позднее с внешней стороны пристроена впритык другая — 1, шириною 1,6 м. Обе стены упирались своим северным концом в монументальную четырехугольную башню, от которой сохранились три стены 5, 6, 7. Восточная сторона башни смыкалась с оборонительной стеной 8—9, ограждавшей Тиритаку с севера и идущей в направлении ЗСЗ—ВЮВ.

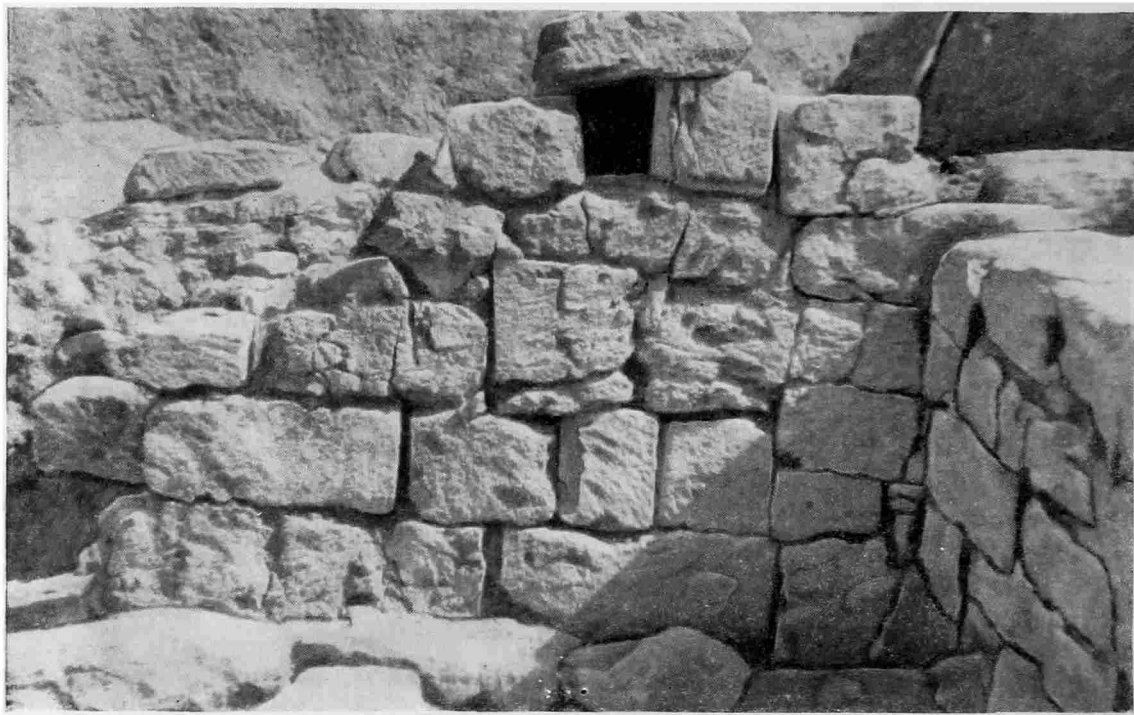

Рис. 50. Тиритака. Северная стена башни с амбразурой.

Северная оборонительная стена построена так же, как и южная, открытая в 1932 г. Характерная особенность заключается в наличии наружного облицовочного панцыря (ширина 1,3 м), сложенного из отлично обработанных рустованных блоков. Он имеет свой особый фундамент; вся кладка панцыря выведена впритык к северному фасаду стены. Ширина последней (2,3 м), характер ее кладки, структура блоков облицовки — все это поразительно совпадает с южной куртиной тиритакских оборонительных стен. Время их сооружения — конец IV в. до н. э.

В 1950 г. выявлена сохранившаяся часть северной стены башни, длиной (по внешнему фасаду) 4 м. Уцелевший с внутренней стороны башни ряд камней ее цоколя, выступавших на 0,5 м из-под стены, позволил определить вероятную протяженность башни в западном направлении. К сожалению, эта сторона оказалась полностью разобранной. В наиболее сохранившейся части северной стены (высота 1,55 м) обнаружена четырехугольная сквозная амбразура (высота 0,15 м, ширина 0,24 м) — деталь, впервые встреченная в фортификационных сооружениях северопричерноморских античных городов.

При раскопках внешней стороны башни найден обломок гераклейской черепицы с энглифическим клеймом [HP]AKJEDA = 'Hpaκλ.ε(i)δα, III в. до н. э.

Углубление раскопа вдоль северной оборонительной стены 8 со стороны города показало, что подошва стены находится на глубине 4,2 м от наружной поверхности городища, сохранившаяся высота стены 1,65—2,05 м. Исследование культурных отложений на участках, прилегающих к стене, подтвердило датировку последней рубежом IV—III вв. до н. э.

Работы на городище Мирмекия велись с целью довести раскопы на участке *И* до материка и исследовать культурные отложения, относящиеся к периодам, предшествовавшим сооружению построек большого строительного комплекса эллинистического времени, исследуемого экспедицией планомерно в течение ряда лет (1938, 1946—1949 гг.)¹.

В помещениях обширного здания, открытого в предыдущие годы, раскопки были доведены только до уровня пола, находящегося на глубине 3,2 м от поверхности городища. При этом было установлено, что здание возникло во второй половине или конце III в. и просуществовало до конца II в. до н. э. Бурные события конца II в. (восстание Савмака, утверждение власти Митридата Евпатора), очевидно, отразились и на Мирмекии. Во всяком случае центральная часть города, несомненно, пришла в это время в упадок и запустение.

Раскопка до материка, произведенная в 1950 г. в трех помещениях *В*, *Е*, *К*, показала, что ниже пола культурный слой залегает на глубину 1,1—1,3 м. В верхней его части обнаружили (в помещениях *В* и *Е*) отложения первой половины III в. до н. э., что вполне согласуется с указанной выше датировкой уже раскопанных остатков здания. Далее выявились хорошо выраженные вещевым материалом отложения IV—V вв. до н. э. с аттической чернолаковой керамикой. Целая хиосская амфора IV в. была обнаружена в раскопе внутри помещения *В* (горло амфоры оказалось на глубине 0,6 м от уровня пола; амфора, повидимому, была врыта и поэтому находилась в строго вертикальном положении).

Встреченные отдельные фрагменты архаической керамики (обломки хиосских пухлогорлых амфор, ионийских сосудов с поясками) дают основание считать, что к концу VI в. до н. э. район участка *И*, т. е. центральная часть Мирмекия, уже была заселена.

Однако наиболее интенсивно эта часть города использовалась только в эллинистическое время (III—II вв. до н. э.): городская территория здесь была сплошь застроена частными домами, обитатели которых занимались виноделием (находка в 1938 г. каменного ложа пресса) и некоторыми ремеслами (находка в 1949 г. обломка глиняной формы для изготовления «мегарских» чаш).

Мощность культурных отложений эллинистического времени подтверждает, что III—II вв. были периодом расцвета Мирмекия как хозяйственного пригорода Пантикапея.

¹ См. ВДИ, № 3, 1940, стр. 304; № 3, 1947, стр. 203—204; КСИИМК, вып. XXVII, стр. 43—45.

М. А. НАЛИВКИНА

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РАБОТ ЕВПАТОРИЙСКОГО ОТРЯДА

В 1948 г. Евпаторийским отрядом Тавро-скифской экспедиции Крымского филиала АН СССР совместно с Евпаторийским музеем было начато планомерное изучение одного из античных городов северо-западного Крыма — Калос-Лимена.

В 1950 г. работы производились в небольших масштабах в двух пунктах¹: продолжалось исследование Калос-Лимена и были начаты систематические раскопки в Евпатории на двух участках — на месте б. Карантина в южной части городища, непосредственно к северу от здания морских ванн Евпаторийского курорта, и в прибрежной части, на углу 5-й продольной улицы и 7-й линии, во дворе детского сада ВЦСПС. Ограничусь изложением основных итогов работ в обоих пунктах.

Выбор первого участка в южной части Евпаторийского городища был обусловлен необходимостью изучить единственную, еще не застроенную его часть. Территория участка уже исследовалась Л. А. Моисеевым в 1917 г.

В 1950 г. вскрыта небольшая площадь (5 × 6 м) и обнаружена часть оборонительной стены Керкинитиды, примерно на месте раскопа XXIX 1917 г.² Культурные слои, перекрывавшие остатки стены до глубины 1,6—1,8 м, оказались сильно перекопанными и содержали находки керамики первых веков нашей эры, перемешанные с обломками сосудов III—II вв. до н. э., среди которых находились ручки амфор с херсонесскими клеймами и обломки лепных сосудов. На глубине 2 м от современной поверхности, на верхних сохранившихся камнях кладки оборонительной стены и к западу и востоку от нее ниже кладки встречались обломки чернолаковых сосудов III—II вв. до н. э., обломки так называемых мегарских чашек, венчики гераклейских амфор. Немало попадалось обломков керамики.

При углублении ниже сохранившегося фундамента на 50 см, в северо-восточном углу квадрата, обнаружены обломки светлоглиняных лутериев, обломки чернолаковых сосудов; на доньшке чернолакового гуттуса сохранились процарапанные буквы А и Р; на некоторых обломках амфор имелись полосы красной краски. Ширина открытого участка стены 1,8 м

¹ В 1950 г. Евпаторийский отряд производил работы под общим руководством П. Н. Шульца. Руководитель отряда — научный сотрудник ИИМК АН СССР М. А. Наливкина. В работах отряда принимали участие местные работники.

² Материалы этих раскопок хранятся в архивах ЛОИИМК АН СССР.

(рис. 51). Западный и восточный фасады ее облицованы большими (70—90 см длиной) тесаными камнями, положенными насухо; под третьим нижним рядом камней кладки сохранились плиты фундамента, выступающие на 15—20 см за линию фасадов. Внутри стена забутована мелким камнем на глине. Направление стены — с юго-востока на северо-запад; она уходит и в южный и в северный борты исследованной площади. Продолжение стены к югу и ее поворот в этом месте уходят под находящееся в непосредственной близости от раскопа здание морских ванн Евпаторийского курорта. Дальнейшее исследование возможно лишь в северном направлении. Судя по керамическим находкам, стена может быть датирована IV—III вв. до н. э. Подстилал ее слой более ранний — начала IV в.

Рис. 51. Деталь кладки оборонительной стены Керкинитиды III—II вв. до н. э.

до н. э. Углублению раскопа на данном участке до материка помешала выступившая на глубине второго сохранившегося ряда кладки стены вода.

Открытый в 1950 г. участок оборонительной стены Керкинитиды позволяет уточнить сведения, полученные во время раскопок 1917 г.

Поводом для выбора второго участка в дачном районе Евпатории послужили имеющиеся в Евпаторийском музее фотографии круглого сооружения, обнаруженного при земляных работах незадолго до Великой Отечественной войны. В 1950 г. под слоем современного жилого мусора, на глубине 50 см, расследована часть круглого (в плане) каменного сооружения, диаметром в 6 м (рис. 52), сложенного в южной части из девяти квадратных камней, положенных насухо в один ряд. Длина камней 0,7—1,7 м, высота 70 см, толщина 60 см. С внешней стороны квадраты отделаны рустом; они лежат на плотном суглинистом грунте, без всякого основания. Находок в грунте не было; в северной части на трех камнях нижнего ряда, служащих продолжением девяти камней, открытых к югу от современного забора, сохранились два рустованных камня второго ряда кладки, общей высотой вместе с нижними 1,3 м. Внутренний фасад в северной части сложен из мелкого рваного камня на глине. Здесь интересна одна деталь, выявленная в нижнем ряду сооружения, а именно: починка

разрушенной угловой верхней части камня внешнего фасада небольшим камнем, подтесанным и пригнанным точно по фасаду.

Керамика (днища амфор, обломки ручек амфор, обломки верхних частей красноглиняных закопченных сосудов с углублением по венчику для крышки), в том числе и находка в 1941 г. краснофигурного гуттуса с изображением лебедей, с 16-ю, судя по предварительному определению, херсонесскими монетами, свидетельствует о постройке круглого сооружения в IV — начале III вв. до н. э. Назначение сооружения пока еще не выяснено. По всей вероятности, оно окажется культовым круглым сооружением, остатки которых пока еще нигде в Причерноморье не встречены, если не считать плиты из известняка от триглифного фриза, найденного в Ольвии

Рис. 52. Часть круглого каменного сооружения IV — III вв. до н. э. (справа — современный забор).

и являющегося, по мнению сообщившего об этом А. Н. Карасева, украшением толоса¹. Интересно, что внутренний диаметр ольвийского толоса, по измерениям А. Н. Карасева, равен примерно 6 м. Отсутствие стилобата побуждает выдвинуть второе объяснение назначения евпаторийского загородного сооружения и считать его крепидой кургана (?). Наличие курганов неподалеку от расследуемой территории отмечено на карте П. О. Бурачкова, переизданной Н. Ф. Романченко².

Вторым пунктом работ Евпаторийского отряда в 1950 г. был северо-восточный участок Черноморского городища (Калос-Лимен), ставшего объектом систематического археологического расследования с 1948 г. В 1950 г. заложен новый небольшой разведочный раскоп (10 × 5 м) в северо-восточной части городища, в 20 м к востоку от раскопа Б 1948 г. Прослежены остатки трех строительных периодов. В верхнем слое, на глубине 30 см, открыта часть стены средневекового времени (длина открытого участка 4 м), сопровождавшаяся находками керамики салтово-маяцкого типа. В культурном слое II—III вв. н. э. сохранились остатки кладки

¹ Хранится в Одесском историко-археологическом музее.

² ИАК, вып. 25, стр. 172, рис. 1.

из рваных камней, возможно от оборонительной стены города, полностью выбранной на данном участке. И, наконец, на глубине 1,7 м зачищены расположенные под прямым углом, поставленные на ребро камни, частично рустованные, судя по сопутствовавшей керамике, относящиеся к III в. до н. э.

Новым разведочным раскопом В прослежена последовательность культурных слоев, в некоторых частях сильно перекопанных, от современной поверхности до материка и определена северо-восточная граница древнего

Рис. 53. Терракотовая статуэтка Афродиты в раковине из помещения дома III—II вв. до н. э.

Калос-Лимена. За восточными пределами раскопа В ни в античное, ни в средневековое время городских построек не было. Здесь расположен зольник — место для вывоза мусора в разные периоды существования города.

На Черноморском городище в 1950 г. было проведено также исследование помещений дома, открытого на раскопе Б в 1948 г. В некоторых помещениях при углублении до уровня пола выявлен ряд интересных деталей устройства дома и сделаны находки, заслуживающие особого внимания.

При частичном исследовании северо-восточного помещения¹ открыт каменный пол из больших, хорошо пригнанных друг к другу плит. В юго-восточном углу на полу обнаружено круглое углубление, выложенное камнем, и найден обломок каменного обрамления окна. Восемь обломков от таких же обрамлений обнаружены при исследовании соседних

¹ Северная часть помещения находится еще под насыпью.

помещений дома в 1948 г. Частичное исследование всех комнат дома дало довольно много находок. На полу помещений, иногда у очажков, которые прослежены в виде остатков золы, встречены предметы хозяйственного и бытового характера: ступа, жернов, обломки зернотерок, пряслица для веретен, светильники, сероглиняная и лепная керамика. Из находок 1950 г., обнаруженных на полу первого и второго помещений, наряду с сероглиняной и лепной керамикой, надо особо отметить терракоты: Афродита в раковине (рис. 53), мужская маска и женская головка с высокой прической. Это первые находки терракот в Калос-Лимене. По стилистическим признакам терракота, изображающая Афродиту, близка к найденным на Боспоре¹. Терракоты следует отнести к III—II вв. до н. э. Эту датировку подтверждают и добытые в тех же и в соседних помещениях керамические клейма (Херсонес, Родос, Фасос) III и II вв. до н. э.

Таким образом, раскопками 1950 г. Керкинитиды, а 1948 и 1950 гг.— Калос-Лимена, упоминаемых в Херсонесских надписях и в литературных источниках, не только подтверждается их местоположение, но и представляется возможность на основе добытого материала начать изучение роли и характера этих городов на фоне других античных городов Северного Причерноморья. Строительные остатки и найденная керамика свидетельствуют о связи с Херсонесом. Среди находок в обоих городах встречено немало местной лепной керамики. Необходимость более широких систематических археологических исследований Керкинитиды и Калос-Лимена не вызывает сомнений.

---

¹ МИА, № 4, стр. 32, рис. 35.

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

О ПЯНДЖИКЕНТСКИХ ХРАМАХ¹

Раскопками Таджикско-Соغدийской экспедиции в 1947—1950 гг. в Пянджикенте вскрыты два крупных здания храмов доисламского времени. Значение этого открытия особенно велико ввиду того, что это первые архитектурные памятники доисламской поры на территории Согда, назначение которых определено установлено. Благодаря сохранности стен на значительную высоту можно уяснить очень точно план этих зданий. Сохранившиеся фрагменты живописи на стенах чрезвычайно интересны и по своим сюжетам.

План здания (рис. 54) и росписи не оставляют сомнения в том, что мы имеем дело действительно с сооружениями культового назначения. Оба здания одинаково ориентированы стенами по странам света. Основные помещения построены по одному плану. Они состоят из крупного почти квадратного четырехколонного зала, к которому с запада примыкала закрытая комната. С восточной стороны зал переходил в террасу с перекрытием, укрепленным на шести столбах, образуя, таким образом, единое помещение, открытое на восток, обычно именуемое айваном. К исходному плану зданий принадлежат и коридоры, окружающие указанные помещения с трех сторон (СЗЮ). Однако коридоры в обоих зданиях отличаются друг от друга. В первом, в результате пристроек, они были превращены в закрытые помещения хозяйственного назначения. Во втором, как нам кажется, коридоры сохранили свой первоначальный характер и представляют, повидимому, также крытые террасы.

По многочисленным монетным находкам устанавливается, что храмы существовали в VII и начале VIII вв. н. э.

Основной вопрос, который мы намереваемся рассмотреть в настоящей статье,— это вопрос, какому культу принадлежат обнаруженные храмы. Изучение письменных источников приводит к заключению, что в Согде в VII в. н. э. соперничали между собой и пользовались влиянием на широкие массы населения в основном две религиозные системы — зороастризм и манихейство. Что касается буддизма, имевшего широкое распространение в предыдущие века, то в Согде он к VII в. утерял свои позиции. Говорить о распространении в Пянджикенте в это время христианства нет оснований.

А. Ю. Якубовский и М. М. Дьяконов придерживаются мнения, что храмы Пянджикента являются храмами зороастрийцев. Но этому предположению противоречит ряд существенных фактов, прежде всего планы зданий.

¹ Сокращенное изложение доклада на секции Средней Азии.

В настоящее время каноническая планировка зороастрийских храмов хорошо известна главным образом по довольно многочисленным памятникам, открытым в Иране. Здесь выработался, в соответствии с требованиями культа, совершенно определенный тип построек. Обычно это квадратные в плане здания, состоящие из одного помещения — святилища, обведенного двойными стенами, пространство между которыми служит

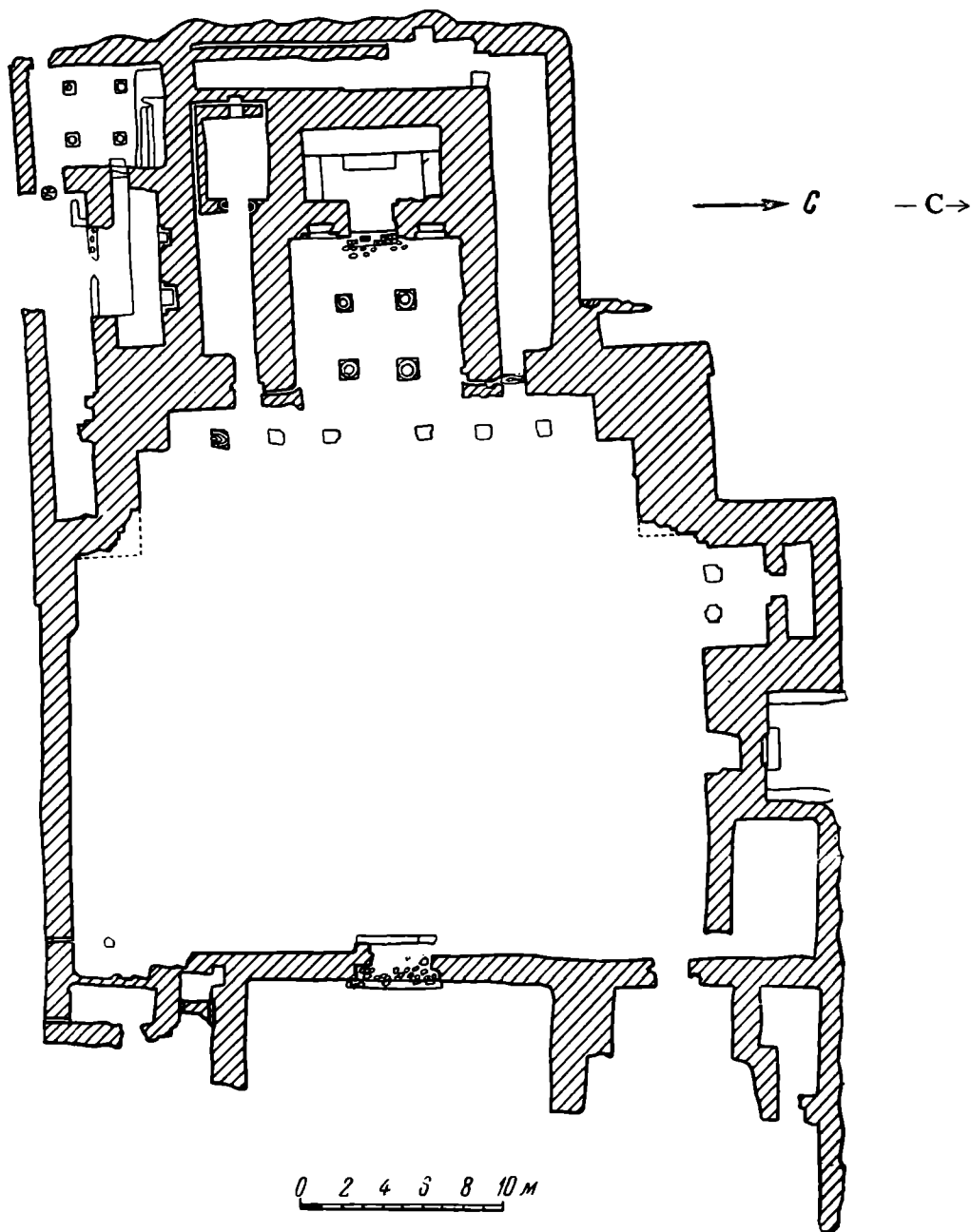

Рис. 54. Пянджикент. План храма № 1.

обходным коридором. Подобный тип сооружений особенно хорошо представлен в храме, раскопанном в Шапуре. Последний для нас представляет особый интерес, поскольку, как пишет С. П. Толстов, с ним почти «тождественны» и планы некоторых открытых им храмов в Хорезме. Таким образом, можно полагать, что храмы огня имели аналогичный план и в Средней Азии в целом. При сопоставлении планов обнаруженных нами зданий с типичным зороастрийским храмом огня приходится констатировать отсутствие каких-либо общих элементов. Действительно, если основ-

ная забота строителей храмов огня была направлена на то, чтобы преградить доступ дневного света в центральное помещение, где стоял алтарь с огнем, то пянджикентские храмы рассчитаны на то, чтобы дать максимальный доступ солнечным лучам. Исходя из этого сопоставления, нужно признать, что обычными «домами огня» сооружения, обнаруженные в Пянджикенте, служить не могли.

Чуть ли не в большей степени против предположения о принадлежности храмов зороастризму свидетельствуют и росписи в них и несомненное наличие скульптурных изображений.

Зороастризму, во всяком случае сассанидско-иранскому, была абсолютно чужда храмовая иконография в какой бы то ни было форме. До сих пор ни при одном из храмов не найдено культовых изображений ни в живописной, ни в скульптурной форме. Взгляд на зороастризм как на религию без «культовых изображений», без иконографии, насколько известно, принят в литературе.

Нам кажется наиболее вероятным, что храмы Пянджикента были манихейскими.

Основанные на материалах письменных источников и литературы по вопросу о распространении манихейства в Средней Азии, наши выводы сводятся к следующему.

1. Распространение проповеди манихейства в Средней Азии началось еще при жизни основателя религии Мани, т. е. в последние десятилетия III в. н. э.

2. Это учение нашло широкий отклик в среде местного населения — оседлого и кочевого. Влияние манихеев было настолько значительным, что даже в X в., несмотря на повсеместные гонения против них в мусульманском мире, мусульманизированным властям приходилось терпеть открытое существование манихейской общины в Самарканде.

3. Успех манихеизма был обусловлен двумя обстоятельствами: 1) наличием существенных социальных элементов в учении, на базе которых складывались программы народных движений (например, маздакитства, движение людей в белых одеждах); 2) приспособляемостью к местным верованиям и культурам. Особое значение имеет последний пункт. Манихейство, сохраняя отвлеченные принципы учения, при формировании культа в каждой стране, куда его приносили миссионеры, ориентировалось на народные верования, на культы, пользовавшиеся в местной народной среде наибольшим влиянием. Так, на западе, в Сирии, Египте, где ко времени выступления манихеев было распространено раннее христианское учение, широко использовались христианские символы, имена и понятия.

На дальнем Востоке манихеи в значительной мере воспользовались буддийскими представлениями, что вызвало обвинение в маскировке под буддийский культ. В Иране их терминология проникнута авестийскими именами.

Вот почему в манихейских сочинениях и документах бок о бок встречаются Христос, Митра, Будда и многие другие божества. Включение в теогонию манихеев местных богов — наиболее характерная особенность их учения, придающая ему чрезвычайно эклектическую форму.

Нет основания сомневаться в том, что и в Средней Азии манихейство приспособлялось к местным верованиям, одновременно приспособлявая и их к своей системе.

В письменных источниках сохранилось немало известий о ряде культов, имевших, видимо, часто лишь локальное значение, но иногда и более широкое распространение. Таков, например, культ предков, сведения китайских источников о котором широко известны. Меньше привлек к себе до последнего времени внимания другой, несомненно древний культ среднеазиатских народов — астральный, связанный с почитанием небесных

тел. С этим культом нас знакомит очень любопытная, крайне устойчивая традиция в арабских источниках. В краткой форме она изложена у Саалиби, автора XI в., происходившего из Нишапура. «До Гиштаспа,— пишет он,— цари придерживались религии сабейцев, они поклонялись планетам (ал-Кавакиб) и почитали светила (солнце и луну) и созвездия.

Зардушт также начал со служения им, но он внес много путаницы и суеверия. Он возвеличил дело огня из-за близости к богу».

Чрезвычайно интересно и конкретное сообщение источников о наличии в Средней Азии связанного с астральным культом храма, о котором сообщает Шахристани: «К ним (к известным храмам, посвященным светилам) относится храм Каусан, построил его царь Каус. Это был удивительный храм, посвященный Солнцу¹. Находился он в столице Ферганы и разрушил его ал-Мутасим».

На основании этих данных законно сделать вывод, что в Средней Азии существовал уходящий в глубокую древность культ почитания небесных светил, звезд. Оставим в стороне вопрос о том, насколько этот культ совпадает или отличается от авестийских астральных представлений и божеств. По всей вероятности, в наименованиях они были в определенной части идентичными. Но он навряд ли совпадал с пантеоном авесты, во всяком случае авесты, вышедшей из-под рук ее кодификаторов в западном Иране.

У манихеев, как известно, элементы астрального культа занимают чрезвычайно большое место в религиозной системе, что, естественно, в значительной мере содействовало распространению этого учения среди населения Средней Азии. В письменных источниках астральный культ обычно именуется сабейским, по имени известных звездопоклонников северной Месопотамии.

Учитывая сказанное, перейдем к рассмотрению пянджикентских памятников. Прежде всего рассмотрим с точки зрения манихейства планы храмов.

Для понимания характерных особенностей зданий, особенно в центральной их части, представляет интерес описание сабейских храмов. Сабейцы придавали внешней планировке символическое значение, и храмы, посвященные отдельным светилам, строились по определенному плану.

Наиболее компактное и раннее описание сабейских храмов мы находим у Масуди. «А к храмам сабейцев,— пишет он,— относятся храм Миропорядка, храм Необходимости и храм Души, это здания круглые по форме. Храм Сатурна шестиугольный, храм Юпитера трехугольный, храм Марса прямоугольный, храм Солнца квадратный, храм Венеры [имеет форму] треугольника внутри квадрата. Храм Меркурия имеет треугольную форму внутри удлиненного прямоугольника, а храм Луны — восьмиугольной формы. Сабейцы в этом видят символы и тайну, которые они скрывают».

Повидимому, приведенное ранее замечание Шахристани о храме Солнца (или Меркурия) в столице Ферганы, согласно которому он был «удивительным сооружением», есть указание на аналогичную особенность его планировки.

Интересен известный рассказ Нершахи о дворце, построенном на площади Регистан в Бухаре в саманидское время.

По этому рассказу, дворец несколько раз перестраивался, так как всякий раз после постройки он вскоре разрушался. И только после того, как колонны, на которые опиралось здание, были расставлены в виде фигуры Большой Медведицы, оно получило устойчивость.

¹ По другой версии — Меркурию.

Однако этим мы не хотим сказать, что манихеи принесли с собой особую зодческую традицию или твердый канон. Наблюдения над остатками наших храмов говорят об обратном. Приводя этот пример, мы имели в виду тот факт, что здание первого пянджикентского храма получило окончательную форму в результате весьма существенных перестроек, следы которых устанавливаются вполне определенно.

С полным основанием можно сказать, что эти перестройки — результат приспособления здания более раннего культа к потребностям другой общины. Аналогичные факты засвидетельствованы в источниках и не требуют особых доказательств. Укажем, например, на факты приспособления в Средней Азии прежних храмов под мусульманские мечети. Для храма № 1 замечательным подтверждением сказанному может служить открытие негативного отпечатка росписи на внутренней стороне слоя штукатурки в приделе. Стиль и характер изображения, сохранившегося таким образом от более раннего времени, настолько отличны от всего комплекса фресок, относящихся к последнему этапу жизни здания, что его можно отнести к другому культу.

О принадлежности храмов манихеям говорит и наличие росписи. Все, что известно о самом Мани и о манихейском учении, так же как и памятники манихейства, дошедшие до нас, указывает на исключительно большое значение, которое придавалось изобразительной стороне культа, что представляло прямую противоположность зороастризму.

Чрезвычайно интересен тот факт, что Фирдоуси в «Шахнамэ» этот момент деятельности Мани сделал центральным. Мани фигурирует под эпитетом «картинопоклонник». Вот слова, с которыми во время суда или диспута Мобед обращается к Мани:

Сказал он [Мобед] ему [Мани]: «О ты, человек, поклоняющийся картине.
Зачем ты протянул свои (нечистые) руки к Яздану.
Зачем ты в качестве доказательств приводишь картину,
Если же ты нарисовал ее, то заставь же и двигаться ее»
[т. е. сделай ее живой].

Не менее интересен и тот известный факт, что вместе с первыми миссионерами манихейства в Среднюю Азию направлялись и художники.

Очевидно, большое место изобразительного искусства в манихействе определялось причинами не эстетического порядка. В их миссионерской деятельности искусство играло, несомненно, определенную пропагандистскую роль. Одновременно необходимо учитывать и то, что в Средней Азии манихеи столкнулись с древней и очень распространенной художественной традицией.

Таким образом, и с этой стороны отнесение храмов Пянджикента к манихеям не встречает препятствий.

Рассмотрим один из сюжетов, представленных на фреске южной стены второго здания, а именно сцену оплакивания покойника (рис. 55). Для суждения о культе эта картина в целом, как и в отдельных деталях, дает наиболее наглядный и определенный материал. Перед нами прежде всего реальный похоронный обряд, вернее один из его моментов — оплакивание. Но присутствие божеств свидетельствует, что картине придавался и другой смысл. Очевидно, в данном случае речь может идти или об отображении эсхатологических представлений, или же о сюжете мифологического содержания. Имеющийся материал позволяет рассмотреть сцену с обеих точек зрения.

О том, как представляли себе манихеи загробную жизнь, есть достаточно определенные сведения. В арабском сочинении «Фихрист», в специальной главе, излагается учение манихеев о будущей жизни. В ней между прочим говорится: «Когда наступает смерть истинно верующего,

Рис. 55. Фрагмент росписи на южной стене главного помещения храма № 2.

первочеловек посылает к нему божество света в образе мудреца-проводника, а вместе с ним три божества и с ними сосуд, одежду, посох, корону и лучезарный венец. Приходит с ним девушка, подобная душе этого праведника... И они берут этого праведника и одевают ему корону, венец и одежду и дают ему сосуд в руки. Затем вместе с ним они восходят по столбу утренней зари (или «столбу славы») к лунному небу и к первочеловеку, и к Нахнахе, матери всего живущего, пока не достигают до места, в котором он был вначале в раю света».

Сопоставляя картину с приведенным текстом, нельзя не признать, что ряд моментов в них близки между собой. Но в то же время очевидно, что картина не является абсолютно адекватной иллюстрацией к тексту. Здесь приходится учитывать и то, что сохранившаяся часть фрески — лишь фрагмент более полной композиции. Поэтому и частичное совпадение текста с картиной имеет немаловажное значение. Уже одно изображение группы из трех божеств может служить ценным свидетельством о связи картины с манихейскими представлениями. Особенно интересно упоминание в тексте некоторых реалий: кувшина, столба и венца света.

На картине в Пянджикентском храме фигура с кувшином в руке, помещенная впереди сооружения с покойником, занимает центральное место среди участников сцены. Не является ли странный по своей расцветке столб с диском наверху изображением «столба утренней зари», по которой душа должна «восходить» к сферам светил? Нельзя не отметить и того, что название «венец света» (лучистый венец) весьма подходит к венцам, окружающим головы божеств на картине.

Однако можно привести основания и для мифологического объяснения картины. При этом исходными будут сведения, относящиеся к астральному культу.

Так, в «Фихристе» имеется следующее описание праздника сабейцев, падающего на месяц Таммуз (седьмой месяц солнечного года). «В середине его, — пишет автор, — праздник ал-букат, что значит плачущие женщины. Это праздник Таммуз, посвященный божеству Тавуз. И оплакивают его женщины, [причитая] о том, как его убил его господин и размол его кости в мельнице, а затем развеял их по ветру. И женщины ничего не едят размолотого в мельнице [в это время]».

Китайским путешественником начала VII в. Вей-Цзе записан в Самарканде почти аналогичный миф. «Они [жители Самарканды], — сообщает Вей-Цзе, — поклоняются небесному богу и в высшей степени его почитают. Они говорят, что божественное дитя умерло в седьмом месяце и что кости его потеряны. Служители бога, когда наступает этот месяц, одевают черные одежды со складками. Они ходят босиком, ударяют себя в грудь и плачут и на лицах их мокрота сливается со слезами. Мужчины и женщины расходятся, чтобы искать тело божественного ребенка. На седьмой день обряд приходит к концу».

Отметим, что Вигер — издатель китайского текста сообщения Вей-Цзе, склонен видеть в рассказе отражение манихейских представлений. Следовательно, видя в картине и мифологический сюжет, мы можем вполне отнести ее к манихейской среде.

В заключение следует остановиться на реалистической передаче картины похоронного обряда.

Прежде всего интересны детали, рисующие самоистязания участников оплакивания. Они подтверждаются рядом известий. Так, в «Шахнамэ», в главе о поединке Рустема с сыном Захрабом, когда Рустем узнал в убитом собственного сына, говорится: «Когда Рустем услышал [об этом], он стал царапать лицо, бил по груди и вырывал волосы».

Документальная достоверность этой детали подтверждается двумя сообщениями известного историка Табари. Ценность его сообщений

особенно велика в связи с тем, что они синхронны пянджикентским храмам. Так, под 110 г. гиджары (728—729 г. н. э.), в рассказе о столкновении между арабами и тюрками Средней Азии, сообщается о ранении, а затем и смерти одного из предводителей последних. В связи с этим автор сообщает: «И начали они обрезать свои уши и наносить безжалостные удары по своим головам, оплакивая его».

Другой текст относится к 121 г. хиджры (738—739 г. н. э.), когда был убит известный тюркский хан Курсуль. Об оплакивании его воинами Табари повествует почти теми же словами, что и в первом рассказе. «Они,— пишет он,— обрезают свои уши, царапают лица и горестно оплакивали его». Но одновременно автор добавляет одну деталь, чрезвычайно для нас интересную: «Когда был убит Курсуль, тюрки привезли какое-то сооружение (т. е. здание) и сожгли его».

Вполне вероятно, что именно такое сооружение изображено на нашей картине.

Интересно и то, что «Шахнамэ» также передает рассказ о сожжении палатки в связи со смертью героя.

Так, в упомянутой главе поэмы после описания оплакивания Захраба говорится:

С того поля понесли его гроб,
И в сторону своего шатра направился (Рустем).
В ограде [парда-сарай] разожгли огонь,
И все войско его [Рустема] посыпало головы прахом.
Ту палатку и разноцветные ткани [парчи],
Тот трон драгоценный, украшенный золотом,
Бросили в огонь. И поднялся плач.

В этом описании находят объяснение два факела в руках женщин, изображенных на картине перед сооружением с покойником.

И, наконец, подчеркну то обстоятельство, что вместе с согдийцами среди участников оплакивания представлены и тюрки, в среде которых манихейство в то время было распространено.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН СССР — Академия Наук СССР
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный исторический музей
ГАИМК — Государственная академия материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии Наук СССР
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии Наук СССР
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
РАНИОН — Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
СГУ — Саратовский государственный университет
СУАК — Северо-уральская археологическая комиссия
Труды АС — Труды Археологического съезда
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
-

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Сессия Отделения истории и философии АН СССР и Пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам полевых археологических исследований Института истории материальной культуры за 1950 год

І. ДОКЛАДЫ НА СЕССИИ И ПЛЕНУМЕ

<i>Т. С. Пассек.</i> Итоги работ Трипольской (Днестровской) экспедиции	3
<i>С. Н. Бибиков.</i> Из работ в Луке-Врублевской	19
<i>С. И. Руденко.</i> Башадарские курганы	30
<i>А. П. Окладников.</i> Работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции в 1947—1950 годах	40
<i>К. В. Сальников.</i> Южно-Уральская археологическая экспедиция	48
<i>И. В. Синицын.</i> Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане	62
<i>П. Д. Либеров.</i> Курганы у хутора Харчевик	74
<i>К. Ф. Смирнов.</i> Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 годах	83
<i>В. Ф. Гайдукевич.</i> Раскопки Илурата, Тиритаки и Мирмекия	97
<i>М. А. Наливкина.</i> Основные итоги работ Евпаторийского отряда	114
<i>А. М. Беленицкий.</i> О пяджикентских храмах	117
Список сокращений	121

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР
Редактор издательства *С. Т. Попова*. Технический редактор *Г. Н. Шевченко*

РИСО АН СССР № 4974. Т-05693. Издат. № 3427. Тип. заказ № 233. Подп. к печ. 9/VII 1952 г. Формат бум. 70×108. Бум. л. 4. Печ. л. 10,96. Уч.-издат. 11. Тираж 1700. Цена по прейскуранту 1952 г. 6 руб. 60 коп.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
73	3 св.	с черенками	с черепками
85	1 св.	см.	с см.
126	2 св.	гиджары	хиджры
127	5 св.	академия материальной	академия истории материальной

Краткие сообщения, вып. XIV